



ОРДЕН  
ЗНАК  
ПОЧЕТА

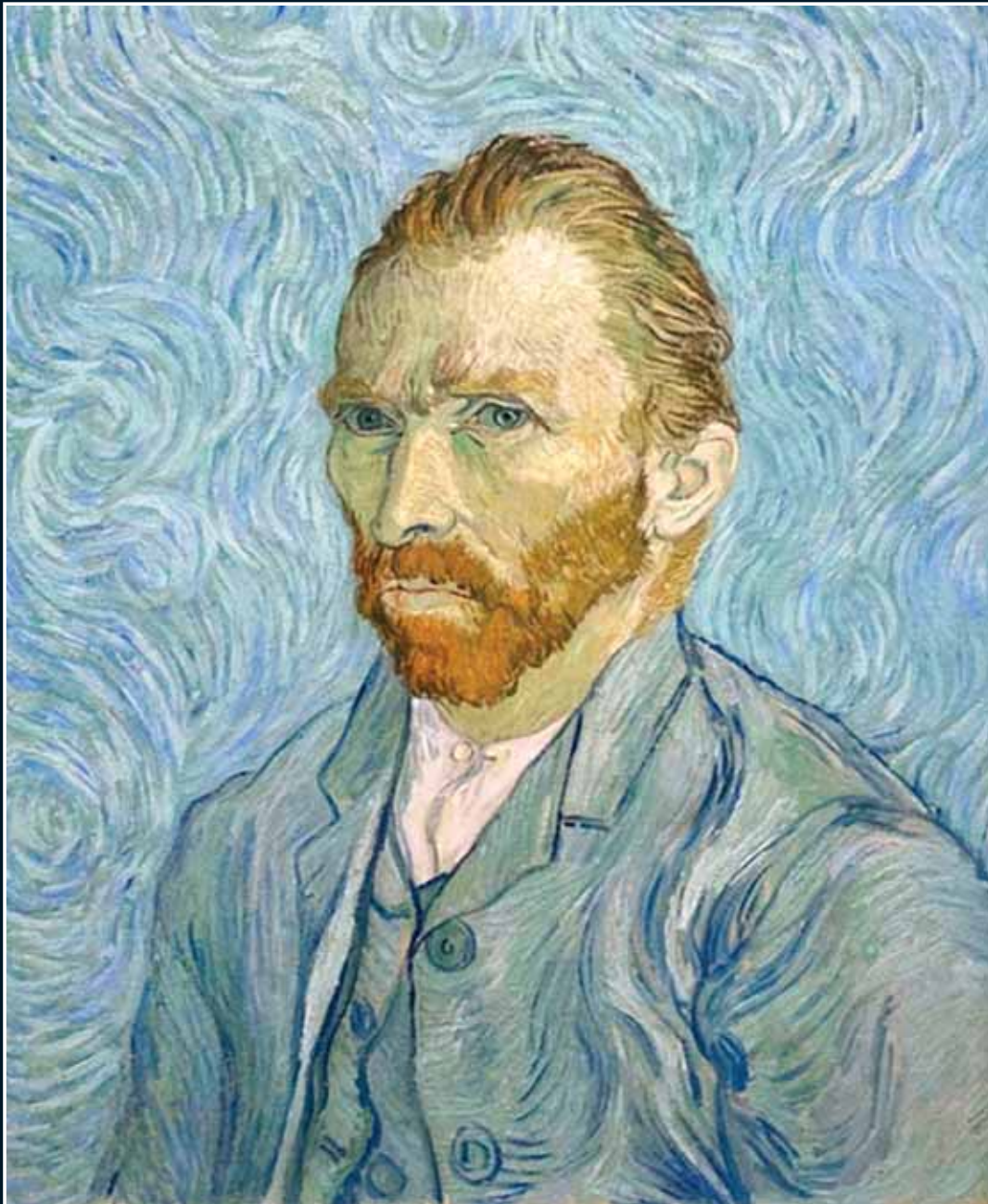
# СМЕНА

№1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2019





---

О жизни и творчестве художника Ван Гога читайте на странице 72.



**В январе 1924 года  
вышел 1-й номер  
журнала «Смена»**

Дмитрий Зелов

A decorative scroll with winter elements like pine branches, holly leaves, and snowflakes. The scroll is unrolled, showing the title and subtitle in a cursive font. The background is white with scattered snowflakes.

# Новый год посреди зимы,

*или История появления  
всеми любимого праздника  
в России*

Мы все с нетерпением ждем Нового года, ведь это один из самых любимых наших праздников. Тех, что родом из детства, того прекрасного далека, которое безвозвратно унеслось. Помните, запах хвои и мандаринов, гирлянды на елке, приклеенные на стекло из бумаги снежинки на окнах. И... стойкое ощущение приближающегося волшебства, чуда, которое уже скоро, вот-вот случится...

Накануне Нового года традиционно принято подводить итоги году уходящему и загадывать пожелания на год будущий. Мы все настолько привыкли к подобному ритуалу, что даже и не задумываемся, что традиция празднования Нового года в разгар зимы в нашей стране весьма молода. По историческим меркам, конечно. Ведь ее ввел в обиход чуть более трех веков назад царь-реформатор Петр I. Было это на исходе 1699 го-

да, и, кстати говоря, традиция отмечать Новый год 1 января прижилась в России отнюдь не без сучка и задоринки. А дело было так.

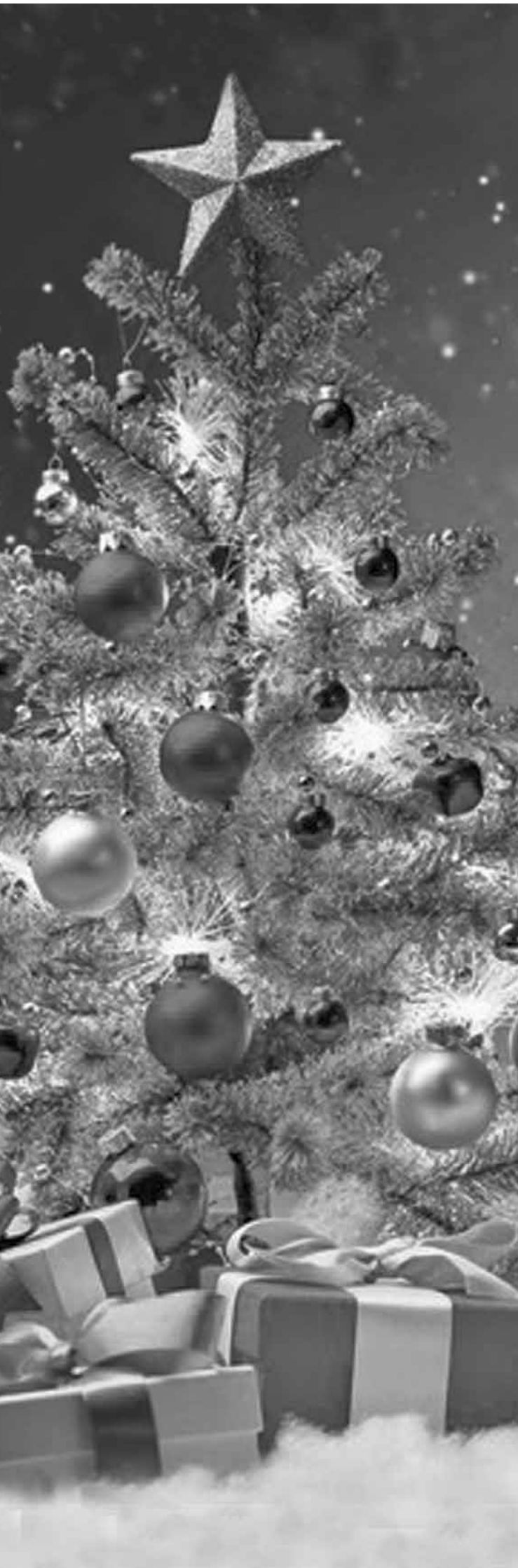
До конца XVII столетия Новый год на Руси, или как его еще называли новолетие, традиционно отмечался 1 сентября. В этом был свой глубокий смысл. На начало осени по церковному календарю приходился день Симеона Столпника: дети шли в школу, а крестьяне завершали основной цикл летних сельскохозяйственных работ. Кстати, Русская православная церковь до сих пор празднует новолетие именно 1 сентября, а не 1 января! Добавим к этому, что до указа Петра I от 20 декабря 1699 года летоисчисление на Руси, в отличие от «просвещенной Европы», шло от сотворения мира, а не от Рождества Христова, разница же между этими двумя эпохальными в истории человечества событиями составляет 5508 лет.

Было и еще одно существенное различие с западным миром: в допетровской Московии в ходу был юлианский календарь (назван так в начале нашей эры по имени римского

полководца и политика Гая Юлия Цезаря), в то время как в Европе с конца XVI столетия в большинстве стран был принят григорианский стиль (по имени Папы римского Григория XIII). В России юлианский календарь, «отстающий» от своего собрата григорианского на две недели, продержался аж до 1918 года и был отменен век назад большевиками. И, кстати, опять же, Русская православная церковь осталась верна старой традиции и до сих пор живет по юлианскому календарю или старому стилю, как его стали называть после 1918 года.

Но не будем утомлять читателя скучными выкладками. Тем более что Петр I в приказном порядке(!) повелел праздновать Новый год весело и шумно, огнями и фейерверками, а свои дома украшать еловыми и можжевельновыми ветвями. И если нарождающаяся при царе-реформаторе новая знать с огромным удовольствием ринулась исполнять монарший указ, то купцы и мещане, не говоря уже о крестьянах, составлявших подавляющую часть жителей империи, отнеслись





к праздничной царской затее весьма и весьма настороженно. Если не сказать больше. А все дело в том, что ель по традиционным славянским представлениям — это дерево смерти. Причем такое восприятие этого вечнозеленого дерева продержалось в народной среде чуть ли не до начала прошлого века. Да к тому же Новый год посреди зимы вызывал поначалу у многих недоумение, если не оторопь, ибо никак не был связан с традиционным аграрно-крестьянским годовым циклом, тесно увязанным с ритмами природы.

Но постепенно Новый год завоевал умы, а, главное, сердца большинства жителей нашей необъятной страны, сделавшись подлинным народным праздником. К тому же благодаря сохранению юлианского календаря, признанного православной церковью только в нашей стране, есть уникальный, непонятный иностранцам праздник — Старый Новый год! Вот так, даже Новый год у нас есть возможность справлять дважды.

С праздником вас, с Новым годом! И пусть сбудутся ваши самые заветные мечты и желания!

## **P.S. Указ Петра I «О праздновании Нового года»**

**7208 году декабря в 20 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России указал сказать:**

*«Известно ему, великому государю, стало не только, что во многих европейских христианских странах, но и в народах словенских, которые с восточною православною нашею церковью во всем согласны, как: волохи, молдавы, сербы, долматы, болгары, и самые его великого государя подданные черкасы и все греки, от которых вера наша православная принята, все те народы лета свои счисляют от Рождества Христова в восьмой день спустя, то есть, генваря с 1 числа, а не от создания мира. За многую рознь и считание в тех летах, и ныне от Рождества Христова доходит 1699 год, а будущего генваря с 1 числа настает новый 1700 год, купно и новый столетний век; и для того доброго и полезного дела указал впредь лета счислять в приказах, и во всяких делах и крепостях писать с нынешнего генваря с 1 числа от Рождества Христова 1700 года.*

*А в знак того доброго начинания и нового столетнего века, в царствующем граде Москве после должного благодарения к Богу и молебного пения в церкви, и кому случится и в дому своем, по большим и проезжим знатым улицам, знатым людям и у домов нарочитых духовного и мирского чину, перед вороты учинить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, елевых и можжевеловых, против образцов, каковы сделаны на Гостине дворе и у нижней аптеки, или кому как удобнее*

**и пристойнее, смотря по месту и воротам, учинить возможно, а людям скудным каждому хотя по древцу или ветви на ворота или над хороминою своею поставить, и чтоб то поспело ныне будущего генваря к 1 числу сего года, а стоять тому украшению генваря по 7 день того ж 1700 года.**

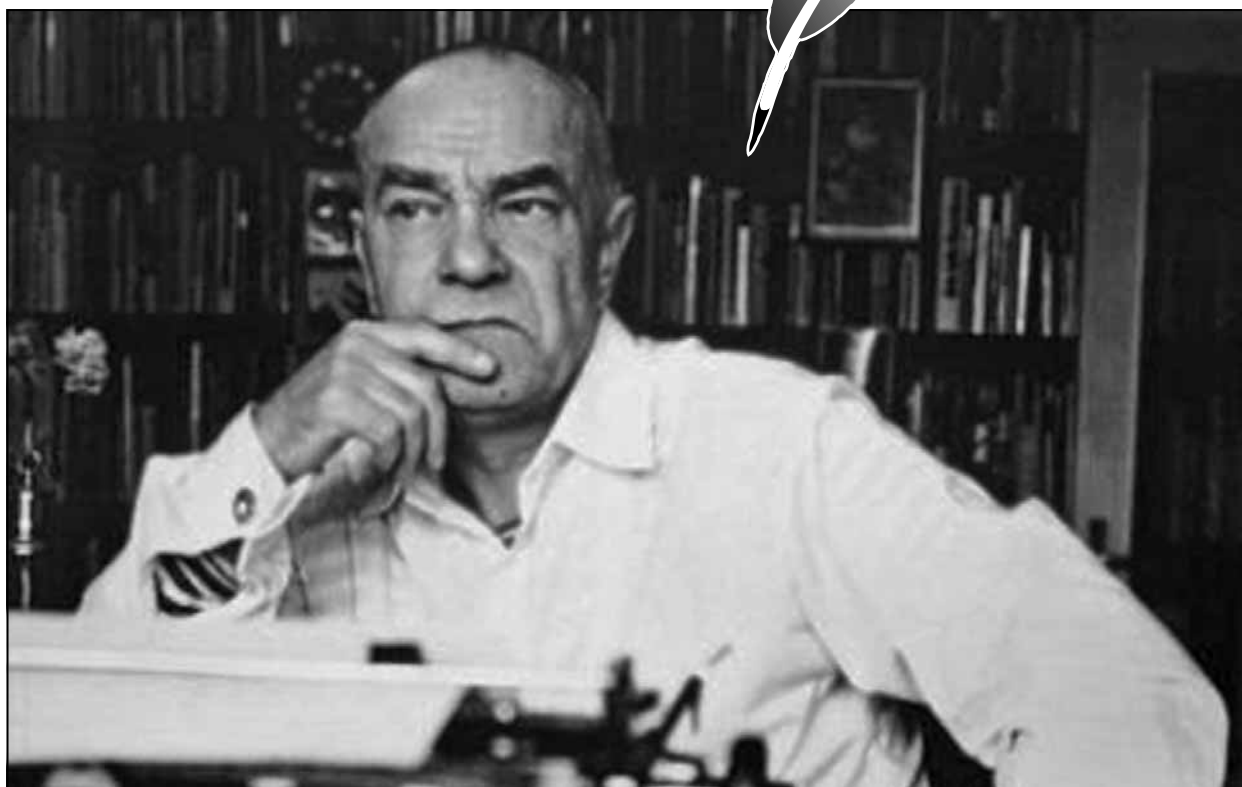
**Да генваря ж в 1 день, в знак веселия, друг друга поздравляя с новым годом и столетним веком, учинить сие: когда на большой Красной площади огненные потехи зажгут и стрельба будет, потом по знатным дворам, боярам, и окольниковым, и думным и ближним, и знатным людям, полатного, воинского и купецкого чина знаменитым людям, каждому на своем дворе, из небольших пушечек, буде у кого есть, и из нескольких мушкетов или иного мелкого ружья учинить трижды стрельбу и выпустить несколько ракетов, сколько у кого случится, и по улицам большим, где пространство есть, генваря с 1 по 7 число, по ночам огни зажигать из дров, или хворосту, или соломы, а где мелкие дворы, собрався пять или шесть дворов, такой огонь класть, или, кто похочет, на столбиках поставить по одной, по две или по три смоляные и худые бочки, и, наполня соломою или хворостом, зажигать, перед бурмистерскою ратушею стрельбе и таким огням и украшению, по их рассмотрению быть же. □**



Валентин Осипов

Три  
мемории  
о первой  
встрече

# П с Валентином Пикулем



**Напомню: Валентин Саввич Пикуль стал у читателей с середины прошлого века истинно кумиром. Волны признательности до сих пор (он умер в 1990-м): с 2017 года в Москве приступили издавать 18-е(!) по счету собрание сочинений. Супруга писателя, Антонина Ильинична, рассказывала: общий тираж его книг составил полмиллиарда экземпляров. Каково!**

**Кое-кто даже называл его «Русским Дюма» (как Пикуль относился к этому званию — далее из первых уст).**

## О ПЕРВЫХ УДИВЛЕНИЯХ

В 1982-м едем в Ригу вместе с новым главредом «Роман-газеты» Валерием Ганичевым, будущим рекордно многолетним председателем Союза писателей России. Я же пребыл тогда директором знаменитого классикой издательства «Художественная литература».

— Жду к обеду, — сказал Валентин Саввич по телефону в канун нашего отъезда.

Обрадовались — быть неприужденному общению.

Первое, что поразило уже в прихожей — от пола до потолка и метра три в длину деревянная стенка с многочисленными закрытыми ячейками.

Жена, извиняясь, проговорила: «Он работал всю ночь... Спит... Простим трудоголику. Он словно каторжанин прикован к столу... А пока покажу его кабинет. Он едва ли по скромности вас туда пригласит...»

Кабинет. Запомнилось: он со всех сторон, кроме стены с окнами, заставлен стеллажами, туго набитыми книгами. Полки не остеклены, некоторые книги высовываются из своих ранжиров, видны закладки и немало потрепанных корешков. Подумал: библиотека не для того, чтобы один раз что-то прочитать и затем за ненадобностью упрятать. И еще характерная особенность: немало каких-то военно-морских сувениров.

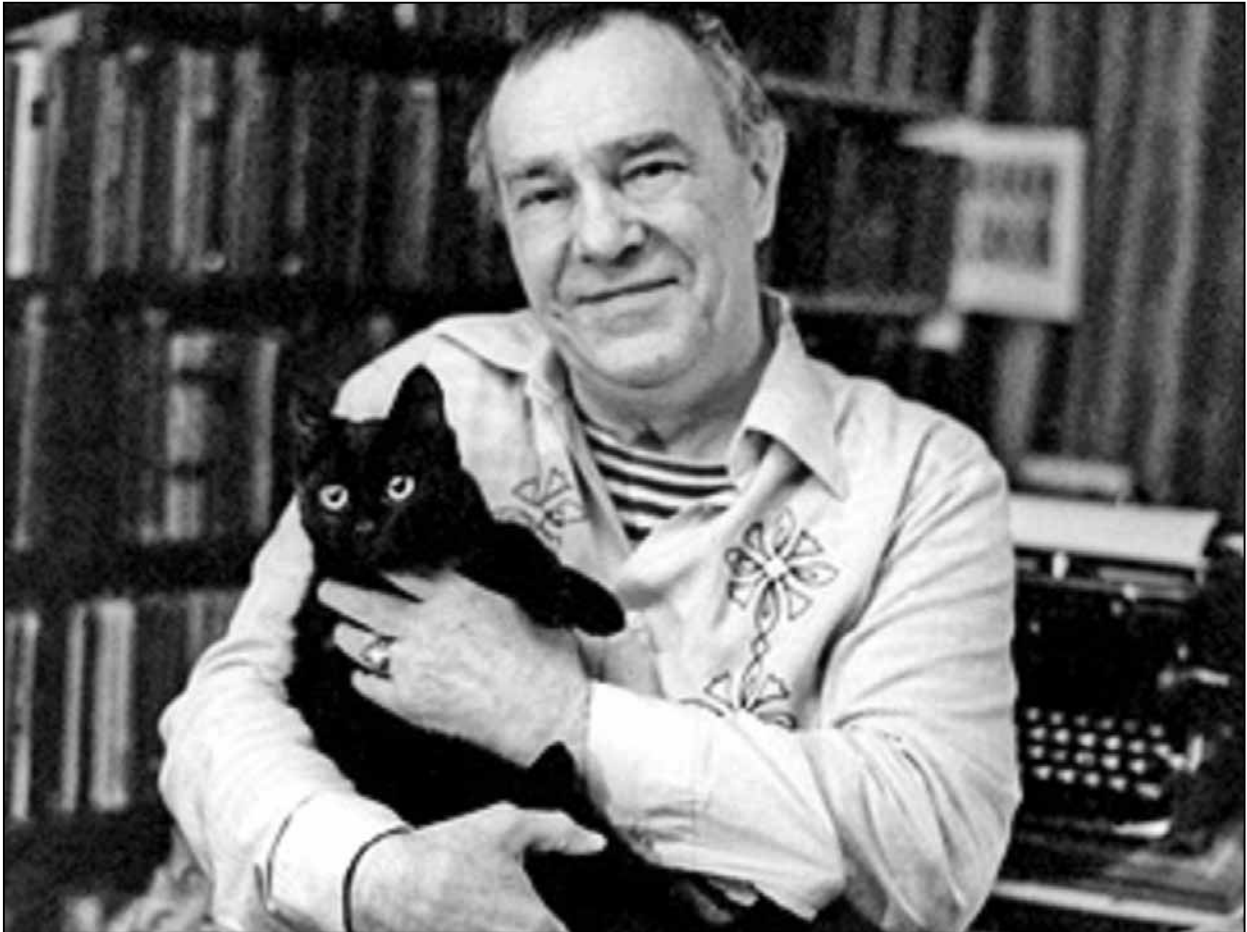
Станок писателя — стол. Естественно, листы бумаги: разрознен-

ные и уже в стопках, не припомню, была ли пишущая машинка. Но диковины: столешница вся в застарелых чернильных пятнах и с огромной, военных лет, алюминиевой кружкой. Я не удержался, понюхал: нет, не ожидаемое кофе, а по цвету — оно. Антонина Ильинична перехватила взгляд: «Чай это ему на ночную вахту... Почти чифирь... Этим взбадривает себя...»

Во мне вдруг вскипело явно журналистское: полистать бумаги на столе. Жена мягко, но решительно пресекала этот позыв: «Это ему не понравится. Может, однако, он за обедом пооткровенничает...»

Обед. Без излишеств, но гостеприимный. О чем говорили? Не буду перелагать, ибо разговор естественен для встречи творца и издателей: что готово к изданию и что задумано, чем живет литературная Москва, о значимости исторической литературы с русской тематикой...

Но вдруг хозяин разоткровенничался и произнес, причем явно болезненным тоном своим: «Мой роман «У последней черты» вызвал неприятие у Суслова (главный идеолог компартии. — В.О.). Ну, после этого и шавки из ленинградского Союза писателей зубы оскалили: осудили! Что дальше? Да перестали издавать! Как жить-то было?.. Ленинградские власти в квартире отказали. Пришлось «эмигрировать» в Латвию... — И с ехидненькой улыбочкой выделил: — Меня не любит советская власть... за чувства государственника».



Обед приближался к концу, и Валерий Ганичев исполнил свою издательскую миссию: договорился о публикации нового романа Пикуля (тогда тираж «Роман-газеты» был престижно огромным).

### **ПОДАРОК ВРЕМЕН НИКОЛАЯ I**

И вдруг от хозяина мне вопрос. Но не давно ожидаемый — по поводу сотрудничества с моим издательством. Он спросил: «Что пишете?»

Отвечаю: собрал материалы для жизнеописания Степана Дмитриевича Нечаева. Но схватился за гриву, а как хвост удержат? Понял, почему нет охотников писать о нем:

его биография не для соцреализма и догматического историзма. Член декабристского Союза благоденствия. И вовсе не случайно сам Бенкендорф сразу после подавления восстания дает приказ на сыск. Но опередил флигель-адъютант Николая I — командировал Нечаева в уральские глухомани исполнить наиважнейшее предписание: проверить, как живут старообрядцы, столь ненавидимые царем. Однако отчет был расценен историками продекабристским. К концу жизни Нечаев имел статус действительного тайного советника, поэтому был похоронен по генеральскому регламенту. В его биографии и перо весьма ядовитого



*Валентин Пикуль  
с женой Антониной*

сатирика, и то, что стал первым археологом и музейщиком на поле Куликовом, ибо здесь находилось его родовое поместье.

Я все это изложил Пикулью и вдобавок рассказал, как меня сам Леонид Леонов поддержал: «Обязательно пиши... Но будь при этом как бы следователем по особо важным делам. Одни скажут следователю: «Ваш Нечаев — герой отрицательный: одно слово — сановник! Осудите его!» Другие скажут: «Нечаев — положительный герой, он декабрист! На пьедестал его!» Следователь же в любом случае обязан все разысканные факты сопоставлять. История России всегда являлась сложным явлением: прогресс, свобода, истина, освобождение давались на-

шему народу тяжело, трудно, в мучительных поисках...»

Вижу, понравилось Пикулью это напутствие классика, мне даже показалось, что он его на себя примерил.

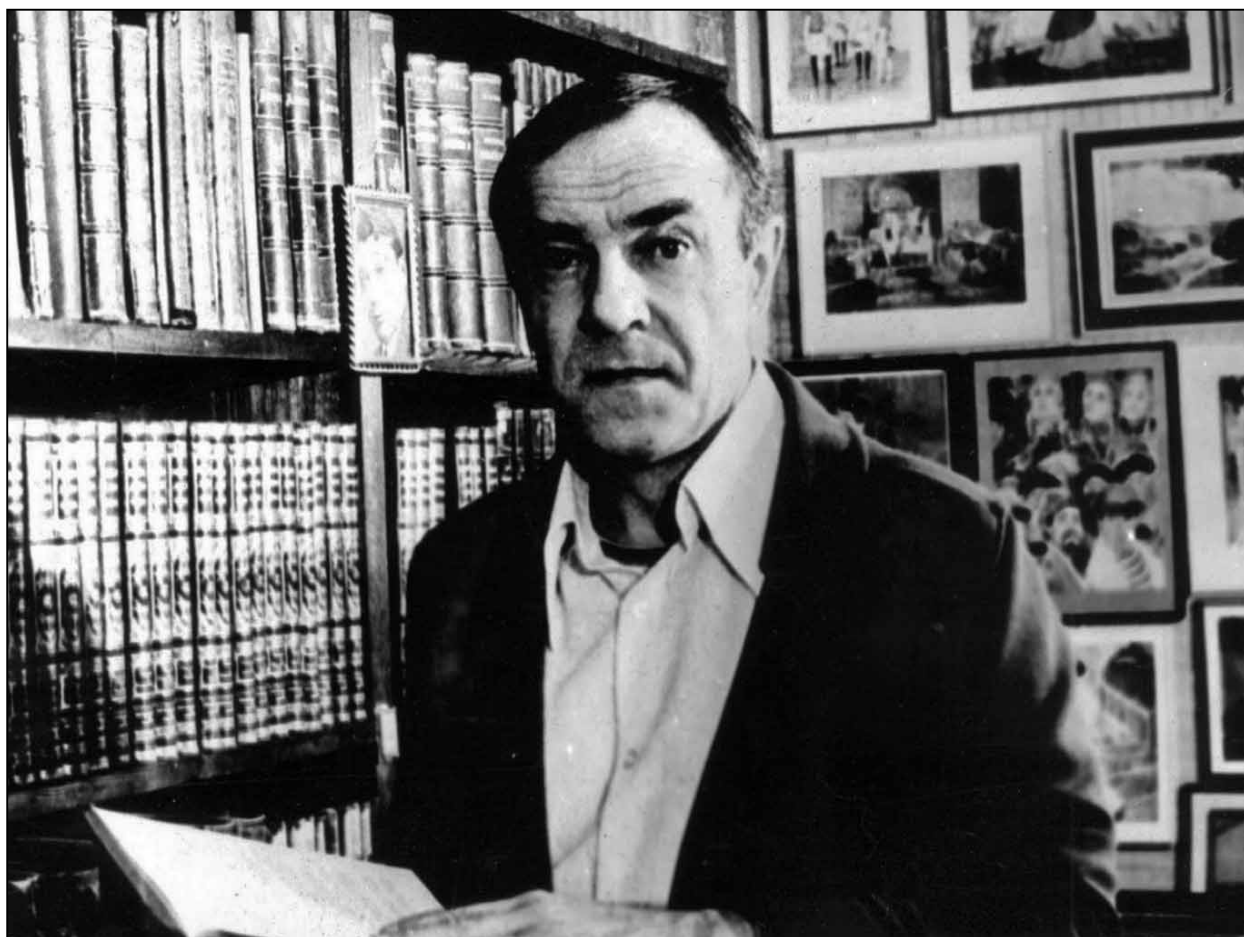
Закончил я следующим: нашлись смельчаки, которые приняли к изданию эту мою документальную повесть. Однако с ультиматумом: найти портрет Нечаева. Но это оказалось невыполнимым: не нашел ничего по московским библиотекам и музеям.

Тут Валентин Саввич выскочил из-за стола и стремительной прытью помчался в прихожую. Мы с Ганичевым аж примолкли. Жена нам пояснила: там каталог-хранилище изобразительного материала, причем огромного познавательного разнообразия: исторического толка карты, репродукции с картинами и фотографиями из прошлого, портреты. 50 тысяч единиц, как выражаются музейщики.

Увидеть бы себя с Ганичевым (мы оба с дипломами историков) со стороны: 50 тысяч!

Через какие-то минуты Пикуль вернулся за стол и подарил(!) мне два портрета моего героя. Конечно же, обеднела его сокровищница, да, видать, возобладали чувства бескорыстной помощи соратнику по историческому просвещению.

Мой опус «Пропавший без вести декабрист» выдержал несколько изданий; в последний раз я включил его в книгу «Перстень с поля Куликова... Хроника шести судеб».



## ПИКУЛЬ В ТОСТЕ О ЖЕНЕ

Скупы мы, мужики, на похвалы своим женам. Пиккуль — суровый Пиккуль — произнес тост, но особой тональности: отнюдь не в жанре красочного комплимента:

— Тоня у меня — незаменимый помощник. По профессии она библиотечкарь, поэтому профессиональным чутьем догадывается, какие издания мне нужны. Она знает многих в Риге букинистов и сообщает мне обо всех новинках с тематикой русской истории. Вот и сложилась моя библиотека почти на десять тысяч томов... Без них писать не получается...

Антонина Ильинична добавила, что многие книги — раритеты, а вся библиотека обеспечивает мужу необходимую документальную оснастку его романам.

Валентин Саввич вступил в разговор: «А литературные критики из недоброжелателей приклеили мне ярлык, будто бы я в романах полный фантазер, выдумщик».

Тут стало понятным, почему и сам он, и серьезные литературоведы не приемлют запущенного недругами в литературный обиход пресловутого выражения «Пиккуль — русский Дюма».

... Как-то Ганичев, уже в качестве руководителя Союза писателей,

рассказал мне, что приняли Антонину Ильиничну в члены Союза.

Какие же основания были для этого, ведь в Союз вступить весьма нелегко? Для супруги Пикуля это было благородным свидетельством понимания места и роли ее мужа в литературе. Была библиотекарем — стала биографом-исследователем. Нынче у нее о писателе Пикуле 4 книги: интересных! Первая называется «Валентин Пикуль. Из первых уст».

**P.S. от автора:** Валентин Саввич Пикуль прожил 62 года, а если учесть его участие в войне с фашистами и придирки партцензоров и литкритиков, то вспоминается суровое присловье: год за два.

Он — автор 22-х романов (первый в 1954-м) и новелл, вышедших в двух томах. Антонина Ильинична в одном из своих интервью горестно поразила: он не успел дописать три романа. Какой же урон для нашей культуры!

---

Валентин Пикуль

## «Мир во что бы то ни стало!»

...Москва догорала. Во дворе Кремля оркестр исполнял «Марш консульской гвардии при Маренго». Наполеон — через узкое окошко кремлевских покоев — равнодушно наблюдал, как на Красной площади его солдаты сооружают для жилья шалаши, собирая их из старинных портретов, награбленных в особняках московской знати.

— Бертье, — позвал он, — я уже многое начинаю забывать... Кто сочинил этот марш во славу Маренго?

— Господин Фюржо, сир.

— А, вспомнил... Чем занят Коленкур?

— Наверное, пишет любовные письма мадам Канизе...

Арман Коленкур долго был французским послом в Петербурге, и Наполеон убрал его с этого поста, распознав в нем симпатию к русскому народу. В самый канун войны Коленкура сменил Александр Лористон, который испытывал одну лишь симпатию — лично к нему, императору. Наполеон сумрачно перелистал сводки погоды в России за последние сорок лет, составленные по его приказу учеными Парижа... Неожиданно обозлился:

— Коленкур много раз пугал меня ужасами русского климата. На самом же деле осень в Москве даже мягче и теплее, чем в Фонтенбло. Прав-

да, я не видел здесь винограда, зато громадные капустные поля вокруг Москвы превосходны.

Бертье слишком хорошо изучил своего повелителя, и потому сразу разгадал подоплеку сомнений Наполеона.

— Все равно, какая погода и какая капуста, — сказал он. — Мы должны как можно скорее убраться отсюда...

— Куда? — с гневом спросил император.

— Хотя бы в Польшу, сир.

— Га! Не затем же, Бертье, от Москвы остались одни коптящие головешки, чтобы я вернулся в Европу, так и не сумев принудить русских к унижительному для них миру...

Курьерская эстафета между Парижем и Москвою, отлично налаженная, должна была работать идеально, каждые пятнадцать дней, точно в срок, доставляя почту — туда и обратно. Но уже возникали досадные перебои: курьеры и обозы пропадали в пути бесследно, перехваченные и разгромленные партизанами. Наконец, император знал обстановку в Испании гораздо лучше, нежели положение в самой России, и не было таких денег, на которые можно было бы отыскать среди русских предателя-осведомителя. О положении внутри России император узнавал от союзных дипломатов в Петербурге, но их информация сначала шла в Вену, в Гаагу или в Варшаву, откуда потом возвращалась в Москву — на рабочий стол императора...

Барабаны за окном смолкли, оркестр начал бравурный «Коронационный марш Наполеона 1804 года».

— Музыка господина Лезюера, — машинально напомнил Бертье, даже не ожидая вопроса от императора.

— Крикните им в окно, чтобы убирались подальше...

Ночь была проведена беспокойно. Утром Наполеон велел звать к себе маршалов и генералов. Они срочно явились.

— Я, — сказал император, — сделал, кажется, все, чтобы принудить азиатов к миру. Я унизил себя до того, что дважды посылал в Петербург вежливые письма, но ответа не получил... Моя честь не позволяет мне далее сносить подобное унижение. Пусть Кутузов сладко дремлет в Тарутине, а мы спалим остатки Москвы, после чего двинемся... на Петербург! Если мой друг Александр не пожелал заключить мир в покоях Кремля, я заставляю его расписаться в своем бессилии на берегах Невы. Но мои условия мира будут ужасны! Польскую корону я возложу на себя, а для князя Жозефа Понятовского создам Смоленское государство. Мы учредим на Висле конфедерацию, подобную Рейнской в Германии. Мы возродим Казанское ханство, а на Дону устроим казачье королевство. Мы раздробим Россию

на прежние удельные княжества и погрузим ее обратно во тьму феодальной Московии, чтобы Европа впредь брезгливо смотрела в сторону востока...

Полководцы молчали. Наполеон сказал:

— Не узнаю вас! Или вам прискучила слава?

Даву ответил, что север его не прельщает:

— Уж лучше тогда свалить всю армию к югу России, где еще есть чем поживиться солдатам и где никак не ждут нас. Я не любитель капусты, которую мы едим с русских огородов.

Ней добавил, что армия Кутузова в Тарутине усиливается:

— Иметь ее в тылу у себя — ждать удара по затылку! Не пора ли уже подумать об отправке госпиталей в Смоленск?

Наполеон мановением руки отпустил их всех.

— А что делает Коленкур? — спросил он у Бертье.

— Герцог Виченцкий закупил множество мехов, и сейчас вся его канцелярия подбивает мехом свои мундиры, они шьют шапки из лисиц и рукавицы из волчьих шкур.

— Что-то слишком рано стал мерзнуть Коленкур...

— Он готовится покинуть Москву, дорога впереди трудная, а зима врывается в Россию нежданно... как бомба!

— Перестаньте, Бертье! Я должен видеть Коленкура...

Коленкур (он же герцог Виченцкий) явился. В битве при Бородине у него погиб брат, и это никак не улучшало настроение дипломата. Мало того, мстительный Наполеон выслал из Парижа мадам Канизис. Теперь император пытался прочесть в лице Коленкура скорбь по случаю гибели брата и тревогу за судьбу любимой женщины. Но лицо опытного политика оставалось бесстрастным.

Наполеон ласково потянул его за мочку уха:

— Будет лучше всего, если я отправлю в Петербург... вас. Я знаю, что русские давно очаровали вас своей любознательностью, вы равнодушны к этой дикой стране, и ваша персона как нельзя лучше подходит для переговоров о мире... Должны же, наконец, русские понять, что я нахожусь внутри их сердца, что я сплю в покоях, где почивали русские цари! Или даже этого им еще мало для доказательства моего могущества?

Арман Коленкур с достоинством поклонился:

— Сир! Когда я был отозван из Петербурга в Париж, я пять часов потратил на то, чтобы доказать вам непобедимость России. Вы привыкли, что любая война кончается для вас в тот момент, как вы въехали на белом коне в столицу поверженного противника. Но Россия — страна особая, и с потерей Москвы русские не сочли себя побежденными...

— Вы отказываетесь, Коленкур, услужить мне?



— Если мы навязали русским эту войну, я не желаю теперь навязывать им мир, который они никогда от нас не примут.

— В таком случае, — сказал Наполеон, — я пошлю вместо вас Лористона.

Коленкур удалился, но Лористон, к удивлению императора, высказал те же соображения, что и Коленкур.

— Когда вы успели с ним сговориться? Довольно слов! Вы сейчас отправитесь в Тарутино и вручите Кутузову мое личное послание, и пусть Кутузов обеспечит вам проезд до Петербурга... Мне нужен мир. Мир во что бы то ни стало... л ю б о й мир! Речь идет уже не о завоеваниях — дело касается моей чести, а вы, Лористон, войдете в историю как спаситель моей чести...

.....

Село Тарутино — на старой Калужской дороге — лежало в ста шестидесяти шести верстах от Москвы: именно здесь Кутузов обратился к войскам: «Дети мои, отсюда — ни шагу назад!» Вскоре возник Тарутинский лагерь, куда стекались войска, свозились припасы и полушубки, а тульский завод поставлял в Тарутино две тысячи ружей в неделю. Но подходили новые отряды ополченцев, и оружия не хватало. Здесь можно было видеть деда с рогатиной, которого окружали внуки, вооруженные вилами и топорами. Из села возник военный город с множеством шалашей и землянок. Сюда же, в Тарутино, казаки атамана Платова и партизаны Фигнера сгоняли гурты пленных: скоро их стало так много, что П.П. Коновницын (дежурный генерал при ставке Кутузова) даже бранил казаков и ополченцев:

— Куда их столько-то! На один прокорм сих сущих бездельников наша казна экие деньги бухает, яко в прорву какую...

Кутузов расположил свою главную квартиру в трех верстах от Тарутина — в безвестной деревушке Леташевке. Именно здесь, в нищенской избе, поселился главнокомандующий, по-стариковски радуясь, что печка в избе большая и не дымит. А генерал Коновницын жил по соседству — в овчарне без окон, лишь землю под собою присыпав соложкой (над овчарней была вывеска: «Тайная канцелярия генерального штаба»). Кутузов готовил армию к боям, терпеливо выжидая, когда Наполеон, как облопавшийся удав, выползет из Москвы с обозами награбленного добра.

Из Петербурга прибыл в Тарутино для связи князь Петр Волконский, и Кутузов гусиным пером указал ему на лавку:

— Ты посиди, князь Петр, я письмо закончу.

— Кому писать изволите?

— Помещице сих мест — Анне Никитичне Нарышкиной...

Было утро 23 сентября 1812 года. Понедельник.

В избу шагнул взволнованный Коновницын:

— На аванпостах появились французы с белыми флагами и просят принять Лористона для свидания с вашей светлостью, а Лористон письмо к вам имеет — от Наполеона...

Сразу же нагрянул сэръ Роберт Вильсон, военный атташе Англии, извещенный о прибытии Лористона, он стал высказываться перед Кутузовым в таком духе, что честь и достоинство русской армии не позволяют вести переговоры с противником:

— А герцог Вюртембергский и принц Ольденбургский, ближайшие родственники мудрого государя нашего, и мыслить не смеют о мире с этим корсиканским злодеем.

Кутузов в британской опеке не нуждался:

— Милорд, успокойтесь заботами о чести своей армии, а русская от Вильны до Бородина достоинство воинское сберегла в святости... Избавьте меня и от подозрений своих!

Волконскому он велел ехать на аванпосты, требовать от Лористона письмо императора. Волконский сообразил:

— Лористона вряд ли устроит роль курьера, он обязательно пожелает вручить письмо лично вам... Не так ли?

— Известно, — отвечал Кутузов, — что не ради письма он и заявился... А ты, князь Петр, пошли адъютанта своего Нащокина ко мне в Леташевку с запросом, да вели ему ехать потише. Нам каждый день и каждый час задержки Бонопартия в Москве — к нашей выгоде и во вред и ущерб самому Бонопартию...

Волконский все понял. Понял и ускакал.

Кутузов всегда носил сюртучишко, а теперь, ради свидания с Лористонем, решил облачиться в мундир со всеми регалиями. Однако эполеты его успели потускнеть от лесной сырости, золотая канитель их померкла, бахрома кистей даже почернела.

— Петрович! — позвал он Коновницына. — Ты, будь ласков, одолжи мне свои эполеты, они у тебя понарядней...

Потом, выйдя из избы, окруженный встревоженными офицерами, Михаил Илларионович сказал им:

— Господа. Ежели возникнет беседа у нас с Лористонем или его свитою, прошу судачить больше о погоде и танцах-шманцах. А к вечеру весь лагерь пусть распалит костры пожарче, кашу варить сей день с мясом, музыкантам играть веселее, а солдатам петь песни самые игривые... Вот пока и все.

Очевидец вспоминал: «По всему лагерю открылась у нас иллюминация и шумное веселье... мы уже совершенно были уверены, что НАША БЕРЕТ, и скоро погоним французов из России!»

.....

Волконский сознательно потомил Лористона на аванпостах, а Нащокин не спешил гнать коня до Леташевки и обратно, почему посланец Наполеона и появился в главной квартире лишь к ночи. Солдатские костры высветили полнеба, в этом зареве было что-то жуткое и зловещее, за лесом играла музыка, в Тарутине солдаты плясали с местными бабами, а среди веселья бродили как неприкаянные пленные французы, и они делали вид, что приезд Лористона их уже не касается. Кутузов все продумал заранее, как отличный психолог. На длинной лавке в избе своей он рассадил генералов, между ними поместил герцога Вюртембергского с принцем Ольденбургским, среди них пристроил и сэра Вильсона. В маленьком оконце зыбко дрожали отблески бивуачных костров великой российской армии...

— Прошу. — Кутузов указал Лористону место на одном конце стола, а сам уселся с другого конца. — Всех, господа, прошу удалиться, — велел он затем генералам и таким образом избавился от принца с герцогом. Но сэр Вильсон не ушел, согласный сидеть даже за печкой, и тогда Кутузов пожелал ему очень вежливо: — Спокойной ночи, милорд...

В избе остались двое: Лористон и Кутузов. Очевидно, пугающее зарево костров над Тарутином надоумило маркиза завести речь о московском пожаре, и он развил свое богатое красноречие, дабы доказать невиновность французов.

— Я уже стар и сед, — отвечал Кутузов, — меня давно знает народ, и по сему от народа я извещен обо всем, что было в Москве тогда и что в Москве сей момент, пока мы здесь с вами беседуем... Если пожар Москвы еще можно хоть как-то объяснить небрежностью с огнем, то чем вы оправдываете действия своей артиллерии, которая прямой наводкой разбивала самые древние, самые прекрасные здания нашей первопрестольной столицы...

Лористон перевел речь на пленных, благо обмен пленными всегда был удобной предпосылкой для мирных переговоров.

— Никакого размена! — резко возразил Кутузов. — Да и где вы наберете столько русских в вашем плену, чтобы менять их на своих французов — один на одного?..

После чего маркиз заговорил о партизанах:

— Мы от этих гверильясов уже натерпелись в Испании! Нельзя же и в России нарушать законные нормы военного права... Нам слишком тягостны варварские поступки ваших крестьян, оснащенных, словно в насмешку, первобытными топорами и вилами.

Ответ фельдмаршала: «Я уверял его (Лористона), что ежели бы я желал переменить образ мыслей в народе, то не мог бы успеть для того, что они

войну сию почитают равно как бы нашествие татар, и я не в состоянии переменить их воспитание».

От такого ответа Лористона покорило:

— Наверное, все-таки есть какая-то разница между диким Чингисханом и нашим образованным императором Наполеоном?

Но Кутузов четко закрепил свое мнение:

— Русские никакой разницы между ними не усматривают...

В крохотное оконце все время заглядывали с улицы офицеры, слясь по жестикуляции собеседников определить содержание их речей. Один из таких наблюдателей писал в своих мемуарах, что жесты Кутузова напоминали «упреки, а со стороны Лористона — оправдания, которым он, видимо, желал придать важность».

— Вы не должны думать, — говорил Лористон, — что причиной моего появления служит безнадежность нашего положения. Однако я не отрицаю мирных намерений своего великого императора... Посторонние обстоятельства разорвали нежную дружбу наших дворов после Тильзита, и не пришло ли время восстановить ее? Хотя бы, — заключил Лористон, — хотя бы... перемирием.

«Вот чего захотели, чтобы убраться из Москвы подобру-поздорову, усыпив нас!..»

Кутузов не замедлил с ответом:

— Меня на пост командующего выдвинул сам народ, и, когда он провожал меня к армии, никто не молил меня о мире, а просили едино лишь о победе над вами... Меня бы прокляло потомство, подай я даже слабый повод к примирению с врагом, и таково мнение не только официального Санкт-Петербурга, но и всего простонародья великороссийского...

Лористон резко поднялся, и в шандале качнулось пламя свечей. А за окном еще полыхало зарево костров над Тарутином — жаркое. Нервным жестом он извлек письмо Наполеона:

— Его величество соизволили писать лично вам...

Вот что писал Наполеон нашему полководцу:

«КНЯЗЬ КУТУЗОВ! Я посылаю к вам одного из моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных предметах. Я желал бы, чтобы Ваша Светлость верила тому, что он Вам скажет, и особенно когда выразит Вам чувства уважения и особенного внимания, которые Я издавна к Вам питаю. За сим молю Бога, чтобы он сохранил Вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом. НАПОЛЕОН».

Ну, что ж! И на том спасибо. Кутузов сложил письмо.

— Чтобы передать его мне, можно было бы прибегнуть к услугам простого курьера.

— Да! — вспыхнул Лористон. — Но мой великий император еще велел просить мне у вас разрешения поехать в Петербург для личных бесед с вашим императором Александром...

Кутузов со вздохом брякнул в колоколец:

— Князя Петра сюда! Живо... — Волконский предстал, что-то наспех дожевывая. — Вот человек, облеченный большим доверием нашего государя императора, и он завтра же отъедет обратно в Петербург, где в точности и доложит о вашем желании...

Время уже наступало Наполеону на пятки, и Кутузов верно расценил беспокойство Лористона, который сказал ему:

— Ради спешности дела мой император согласен пропустить князя Волконского на Петербург через... через Москву!

Волконский тоже был человеком ума тонкого.

— А мы, русские, не спешим. — усмехнулся он. — Думаю, что в объезд Москвы дорога-то моя будет вернее...

Время, время! Лористон истерзал перчатки, комкая их нещадно, уже не скрывая волнения, он спросил напрямик:

— Какое значение может иметь наша беседа?

На колени Кутузова вскочил котенок, и он его гладил.

— А никакого! — был ответ, убийственный для Лористона. — Я не склонен придавать нашей беседе ни военного, ни паче того политического характера. Все подобные разговоры мы станем вести, когда ни одного чужеземца с оружием в руках не обнаружится на нашей священной русской земле...

Лористон сложил руки на эфесе боевой шпаги:

— Не забывайте: наши армии почти равны в силах!

— Я знаю, — откровенно зевнул Кутузов...

За полчаса до полуночи Лористон покинул главную квартиру и вернулся к аванпостам, где его с нетерпением поджидал неаполитанский король — Мюрат.... Лористон сказал ему:

— Коленкур умнее меня — он избежал позора.

— Нам следует подумать и о себе, — отвечал Мюрат. — Слишком много получили мы славы и слишком мало гарантий для будущего.

Горячий и необузданный, Мюрат вскочил на коня, и конь вынес его к бивуакам русских, где возле костра сидел генерал Михаил Милорадович, обгладывая большую жирную куриную ногу.

— Не хватит ли уже испытывать наше терпение? — крикнул ему король. — выпишите мне подорожную до Неаполя, и я клянусь, что завтра же ноги моей не будет в России.

Галльский юмор требовал ответного — русского.

— Ну, короли! — отвечал Милорадович, держа в одной руке бокал, а в другой курицу. — С подорожной до Неаполя вы обращайтесь к тому, кто подписал вам подорожную до Москвы.

.....

Мюрат занимал позицию в авангарде армии.

— Мой родственник, — говорил о нем Наполеон, — это гений в седле и олух на земле. Он теперь повадился навещать русские аванпосты, где казаки дурят ему голову похабными анекдотами и выпивкой. Боюсь, что русские не такие уж наивные люди, как ему кажется, и они просто водят короля за нос...

В ожидании Лористона император не спал, проведя ночь в беседах с генералом Пьером Дарю. Обретя небывалую откровенность, Наполеон раскрыл перед ним свои последние козыри:

— Еще не все потеряно, Дарю! Я еще способен ударить по Кутузову, отбросить его в леса от Тарутинского лагеря, после чего форсированным маршем проскочу до Смоленска.

Дарю тоже был предельно откровенен:

— Едва вы стронете армию из-под Москвы, все солдаты пойдут не за вами, а побегут прямо домой, нагруженные гигантской добычей, чтобы как можно скорее торговать и спекулировать плодами своего московского мародерства...

— Так что же нам делать, Дарю?

— Оставаться здесь, в Москве, которую следует превратить в крепость, и в Москве ожидать весны и подкреплений из Франции.

— Это совет льва! — отвечал Наполеон. — Но... что скажет Париж? Франция в мое отсутствие потеряет голову, а союзные нам Австрия и Пруссия начнут смотреть в сторону Англии... Ваш совет, Дарю, очень опасен... хотя бы для меня!

Сосредоточенный, он выслушал доклад Лористона о посещении им ставки Кутузова. Прямо в открытую рану Наполеона Коленкур безжалостно плеснул и свою дозу яда:

— И как велико желание вашего величества к миру, так теперь велико желание русских победить вас.

Наполеон схватил Коленкура за ухо — больно:

— По возвращении из Петербурга — да! — вы пять часов подряд уговаривали меня не тревожить Россию. Я бы осыпал вас золотом, Коленкур, если бы вы сумели отговорить меня от этого несчастного похода. А теперь? Если уйти, то... как уйти? Европа сразу ощутит мою слабость. Начнутся войны, каких еще не знала история. Москва для меня — не военная,

а политическая позиция. На войне еще можно отступить, а в политике... никогда!

Он резко, всем корпусом, повернулся к Бертье:

— Пишите приказ: дальше Смоленска не тащить к Москве пушки и припасы. Теперь это бессмысленно. У нас передохли лошади, и нам не вытащить отсюда все то, что мы имеем.

Наполеон пробыл в Москве всего тридцать четыре дня. В день, когда он проводил смотр войскам маршала Нея, дворы Кремля огласились криками, послышался отдаленный гул. Все заметили тревогу в лице императора, он окликнул своего верного паладина:

— Бертье, вы объясните мне, что это значит?

— Кажется, Милорадович налетел на Мюрата... Кутузов от Тарутинского лагеря нанес удар! Тридцать восемь пушек уже оставлены русским. Мюрат отходит. Его кавалерия едва таскает ноги, а казацкие лошади свежей. Наши французы забегали по лесам как зайцы.

— Теперь все ясно, — сказал Наполеон. — Нам следует уходить из Москвы сразу же, пока русские не загородили коммуникации до Смоленска... Однако не странно ли вам, Бертье: здесь все принимают меня за генерала, забывая о том, что я ведь еще и император!

Покидая Москву, он произнес зловещие слова:

— Я ухожу, и горе тем, кто станет на моем пути...

Иначе мыслил Коленкур, шепнувший Лорестону:

— Вот и начинается страшный суд истории...

.....

Анне Никитичне Нарышкиной, владелице села Тарутино, фельдмаршал Кутузов, князь Смоленский, писал тогда, что со временем название этого русского села будет памятно в российской истории наряду с именем Полтавы, и потому слезно просил помещицу не разрушать фортеций оборонительных — как память о грозном 1812 годе: «Пускай уж время, а не рука человеческая их уничтожит!» — заклинал Кутузов...

А уже намного позже, в тяжкие годы Великой отечественной войны, когда враги вновь потревожили историческую тишину Бородинского поля, наш замечательный мастер живописи Н.П. Ульянов написал картину «Лористон в ставке Кутузова». Эта картина служила грозным предупреждением захватчикам, которых, в конечном счете, ожидал такой же карающий позор и такое же беспощадное унижение, какие выпали на долю зарвавшегося Наполеона и его надменных приспешников...

Очень хотелось мне сказать больше того, что я сказал. Но я, кажется, сказал самое главное, и этого пока достаточно. □

# Владимир Тартаковский

*Владимир  
Тартаковский —  
художественный  
руководитель  
Московского  
государственного  
академического  
театра оперетты*



*«Театр  
всегда дарит  
какую-то мечту»*



**— Владимир Исидорович, вы как-то сказали в интервью, что до прихода на службу в Театр оперетты вы вообще этим жанром не интересовались и в этом театре как зритель не бывали. За десятилетия, конечно, все изменилось. А любимая оперетта появилась?**

лись в других театрах поставить эту оперетту в изначальном варианте, она долго не шла. Потому что в оригинале это такое... довольно скучное и сложное произведение. Почти опера. А здесь в свое время удалось переделать пьесу так, что получилось очень живое, очень энергичное, с большим юмором действо.

---

---

Наш собеседник больше 40 лет назад переступил порог Московского государственного академического театра оперетты... и в нем остался. Начиная Владимир Исидорович Тартаковский как директор, сегодня он еще и художественный руководитель театра, который, кстати, два последних десятилетия — на подъеме. Средний годовой показатель загруженности зала — больше 90%. А зал огромный — полторы тысячи мест! В репертуаре театра — и классические оперетты, и мюзиклы. Среди последних особое место занимают грандиозные «флагманские» постановки — мюзиклы-проекты. Сегодня это — «Анна Каренина». В прошлом году лицензию на этот спектакль купила Южная Корея. Это первый случай в истории отечественного «мюзиклопроизводства», чтобы иностранное государство приобрело права на постановку российского музыкального спектакля. Сегодня корейский вариант нашей «Анны Карениной» успешно идет в Сеуле.

**А Театр оперетты недавно выпустил очередную премьеру — оперетту Иоганна Штрауса «Цыганский барон»...**

---

---

— Не буду оригинальным: моя любимая оперетта — «Летучая мышь». На мой взгляд, самое великое произведение в оперетте на сегодняшний день. Вариант, поставленный в нашем театре, идет примерно столько же лет, сколько я директорствую. Сколько ни пыта-

И все эти годы — неизменно полный зал.

**— А что скажете о мюзиклах?**

— Среди последних работ — «Монтекристо», «Граф Орлов», «Анна Каренина». И все они мне очень



*Здание  
Московского  
государст-  
венного  
академичес-  
кого театра  
оперетты*

Справа:  
*«Цыганский  
барон»*

дороги. В них вложено, конечно, много сил, много технологии, много желаний — много всего вложено. Понимаете, какая вещь... Вот оперетту всегда называли и до сих пор, даже в прессе, называют легким жанром — это стереотип, который сложно сломать. И классическая оперетта — она все-таки для довольно узкого круга любителей, который, к сожалению, с каждым годом сужается. Другие появились развлечения, другая музыка — все другое. А между прочим, когда Жак Оффенбах написал первую оперетту, все были возмущены: это только для молодежи! Тогда царицей сцены была опера, а оперетта воспринималась — ну, как сейчас мюзикл. Почему-то, когда люди слышат слово «мюзикл», они сразу ре-

шают: «Ну, это чисто коммерческая история!»

**— А вы как считаете, они не правы?**

— Тут ведь, смотря как подойти к делу. В нашем театре нам удалось совместить коммерческую составляющую мюзикла с тем, что это цельное произведение с хорошей драматургией, заставляющее зрителя в финале думать, плакать, сопереживать. Мы выбрали это как направление театра. Раньше ведь было так: есть классическая оперетта — и советская оперетта (Дунаевский, Милютин и так далее). Многие из советских оперетт — они и есть мюзиклы. Просто тогда не пели в эстрадной манере, да и необходимая техника отсутствовала. Но эти постановки



были отдушиной для нашего театра, потому что все великие артисты свое актерское мастерство оттачивали именно на советской оперетте — там другие характеры, другие роли. Кто герои классических оперетт? Как правило, это какие-нибудь граф, графиня, и у них — понятная линия поведения... В общем, я бы сказал так: вокал наши артисты оттачивали на классической оперетте, а актерское мастерство — на советской. И вот сейчас мюзиклы в какой-то степени заменили советскую оперетту.

**— Потому что в мюзикле можно сыграть то, что не сыграешь в классической оперетте?**

— Да. Ведь опять же — что такое классическая оперетта? Это произ-

ведение, которое написано очень-очень давно, тогда были другие взаимоотношения, другие понятия, вообще люди были другие. Нам иногда приходится даже либретто переписывать, потому что зрители просто не поймут, почему герои так бурно переживают по поводу, который сегодня вообще не повод. Мы же делаем так, чтобы «картонные» персонажи, подразумевающие и «картонную» игру (за что, собственно, многие и не любят махровую классическую оперетту), становятся живыми, нормальными. И актерское мастерство растет на таких проектах... Знаете, раньше те зрители, которые приходили в «оперетту» из «драмы», то есть поклонники драматического театра, вправе были скептически относиться к игре наших артистов:



*«Любовь  
и голуби»*

Справа:  
*«Летучая  
мышь»*

мол, что это за игра? А вот сейчас у нас идет музыкальная комедия «Любовь и голуби». Пришел на спектакль Владимир Меньшов, который поставил одноименный фильм, и говорит: «Я всем вашим артистам дал бы «народного». Я и не представлял, что в оперетте есть артисты, которые так играют». А ведь он побывал на одном спектакле, а у нас во всех так играют!

**— И где «выращивают» артистов музыкального театра?**

— У нас есть свой курс в Щукинском училище, а это одна из лучших отечественных театральных школ. Когда мы их берем, они умеют не только петь, но и играть. Эта школа дает то, чего не дают консерватория и музыкальное училище. В атмосфере Щукинского училища даже не актер хочет стать актером, и стано-

вится. Поэтому сейчас в нашем театре совсем другие спектакли — артисты по-другому говорят, по-другому двигаются, по-другому существуют на сцене... Мы отошли от той оперетты, которая была когда-то.

**— Вы ведь и совсем молодое поколение приучаете к этому жанру?**

— Молодежи к нам полно ходит! Сейчас у нас в репертуаре два детских спектакля. При этом наши классические оперетты, за редким исключением, идут в категории 6+. Потому что красиво, потому что нет похабщины, курения, постельных сцен. А есть любовь и прекрасная музыка. У нас школьники, родители с детьми приходят на «Веселую вдову», на «Сильву», на «Фанфана-Тюльпана», на «Джейн Эйр». Это помимо «Маугли» и «Золушки» — чисто детских



спектаклей. Знаете, первые впечатления детства — они же очень важны. Все закладывается в детстве. Если ребятам нравится то, что они видят, они становятся нашими потенциальными зрителями.

**— У вас есть произведение-мечта, которое вы хотели бы осуществить как оперетту?**

— Я такую мечту уже осуществил. Это «Монте-Кристо». Сначала я предложил одному композитору написать мюзикл по этому роману — у него не получилось, потом нашел Романа Игнатьева — и спектакль появился.

А вообще, театр всегда дарит какую-то мечту. Вот мне иногда говорят: «О, столько лет на одном месте! Это же скучно!» Тут не бывает скучно, потому что в театре каждый раз все по-новому. Вроде

бы спектакль выпускаем — и все понятно, процесс налажен, но всегда возникают новые проблемы, новые задачи, новые решения. А решения нужно обеспечить технически. Кроме того, мы постоянно смотрим артистов, кого-то берем в театр, а раз взяли, надо вводить новичков в спектакли. Постоянно идет какая-то жизнь — интересная, увлекательная.

**— Как говорит молодежь — «движуха»!**

— «Движуха» постоянная, потому что у нас в труппе много молодежи. Кроме того — курс Щукинского училища, из которого многие ребята уже участвуют в наших спектаклях. Театр, он ведь, знаете, как... он всегда должен смотреть вперед. У меня уже на три года план расписан. Иначе нельзя, для того, чтобы идею ре-



лизовать, надо чтобы художник придумал сценографию, создал эскизы костюмов и так далее. Это неспешная и кропотливая работа. Мы же не халтуру делаем, а так, чтобы занавес раскрылся, и зритель сказал: «Ого! Мы такого нигде не видели!» И нельзя повторяться. В этом тоже проблема. Вот, скажем, нашли мы для «Анны Карениной» совершенно уникаль-

ное сценическое решение, чего нигде в мире нет. Но мы же всегда идем по-нарастающей. Это значит, каким же должен быть следующий проект? Дальше — уже Космос!

**— Ваш театр много гастролирует?**

— Нет, мы редко ездим на гастроли. Мы — большой театр, дорогой,

«Баядера»



денег, чтобы нас принять, ни у кого нет. Ведь любой наш спектакль — это оркестр, балет, ансамбль, хор, постановочная часть, декорации! Чтобы играть и здесь, и на гастролях, нам бы пришлось на год вперед «собирать» репертуар в ущерб тому, что мы делаем в родных стенах. Поэтому в смысле финансов мы не заточены на гастрольные поездки.

**— Как вы отдыхаете от своих забот? Невозможно же от них, пусть даже интересных, не отвлекаться.**

— Для меня отдых — это смена обстановки. Поэтому я путешествую. С друзьями. У нас давно сбитая компания. Один из друзей как бы «пионервожатый», который наши поездки планирует, организовывает. Я при каждой возможности стараюсь куда-нибудь уезжать. А такие

возможности бывают — есть праздники, когда ничего не происходит, играем по два спектакля в день, процесс налажен, у меня есть замы, которые все контролируют, — и тогда я отправляюсь куда-нибудь в Европу или в Америку. Иногда лечу туда, где уже был, иногда в новое место. Но обязательно в хорошей «боевой» компании...

**— Ваша жена и ваши дети имеют отношение к театру?**

— У меня сын окончил Школу-студию МХАТ, постановочное отделение. Но что-то он этим делом не вдохновился и ушел в бизнес. Дочка тоже в бизнесе, но часто упрекает нас, родителей, почему, мол, мы не убедили ее пойти в театральное училище. Говорит: «Мало ли, что я не хотела, надо было заставить!» Хотя у нее и без театра все идет хорошо.

У каждого из моих детей — свое интересное дело. А жена — она глава семьи, она как бы куратор нашего семейного «проекта».

**— Как в вашем театре отмечают праздники?**

— Если вы имеете в виду, что делается для зрителей, то, скажем, в мартовские праздники у нас все последние годы идут мюзиклы. Четыре года шел «Монте-Кристо», четыре — «Граф Орлов», сейчас уже полтора года идет «Анна Каренина». Мы проводим акции, всякие розыгрыши. Зрителям, которые выигрывают в наших викторинах, делаем подарок — билеты на наши спектакли. У нас даже в свое время была такая акция, которую мы проводили вместе с загсом, — для молодоженов ко Дню святого Валентина. Кроме того, у нас большие связи с благотворительными фондами — Хабенского, Куценко, Хаматовой. Мы проводим для них какие-то мероприятия, принимаем детей, болеющих онкологическими заболеваниями. То есть и мы занимаемся благотворительностью — насколько это в наших силах.

**— А коллективом праздники отмечаете? По-семейному?**

— Конечно, есть театры, в которых собирают весь коллектив, чтобы отпраздновать старый Новый год или еще какой-то праздник. У нас, к сожалению, это сложно сделать. Просто нет большого помещения,

где мы могли бы все собраться. Так театр построен. А нас же 700 человек! Однажды мы сделали общий праздник для максимального количества членов нашего коллектива — пригласили столько человек, сколько смогли. Но все равно остались обиженные. Ну, негде всех собрать! Причем вот еще в чем сложность. В драматическом театре, например, есть творческая часть — артисты, режиссеры... и постановочная часть. То есть у них всего два коллектива, у которых разные интересы и разные графики. А в музыкальном театре — это оркестр, у которого свой интерес, балет, у которого тоже свой интерес, хор, солисты, постановочная часть — у нас целых пять составляющих! И когда, скажем, на репетиции режиссер говорит: «Мне нужны все на сцене!» — балет отвечает: «Нам надо еще оттачивать танец в балетном классе!», а оркестр парирует: «Зачем нас сейчас вызываете? Вызывайте, когда будет уже все готово!» В этой обстановке уже как-то не до праздников. Вот и выходит: когда одним делаешь хорошо — другим получается плохо. Так что надо либо всех собирать, либо вообще ничего не делать. Но вот недавно у нас был юбилей театра — и все участвовали как один! Кстати, театру исполнилось 90 лет. И я считаю, что к этой дате мы пришли с очень хорошим багажом и хорошими планами. □

Беседовала **Марина Бойкова**



---

---

Евгения Гордиенко



В московском районе Щукино есть площадь академика Курчатова. На ней же стоит памятник ученому — одна из самых оригинальных городских скульптур. Собственно, это не памятник в полный рост, а одна — но какого размера! — голова. Символика ясна — величие человеческого разума в целом и Курчатова в частности. Но выглядит памятник, будем откровенны, странно. Особенно смущает геометрическая борода, занимающая половину скульптуры и порой даже пугающая прохожих.

Однако такая внушительная борода здесь не случайно. Это было прозвище, которое коллеги за глаза дали Игорю Васильевичу...

## «БОРОДА» и явление природы

---

---

12 января 1903 года (по старому стилю — 30 декабря 1902, именно поэтому год рождения ученого в разных источниках указывается по-разному) в уральском поселке Симский завод, в семье помощника лесничего родился сын — будущий создатель советской атомной бомбы, Игорь Васильевич Курчатов.

Он был средним из троих детей Курчатовых: в семье росла старшая

Антонина, позже родился младший брат Борис, впоследствии известный радиохимик.

Начальную школу Игорь окончил в Симбирске, но из-за болезни сестры в 1911 году семье пришлось радикально изменить свою жизнь: покинув Урал, они переехали в Симферополь, где Игорь поступил в гимназию.

Он был успешен во всех науках, увлекался музыкой, и родители про-

чили ему продвижение скорее по гуманитарной стезе. Но все изменила попавшая в руки подростка книга О.М. Корбино «Успехи современной техники». Игорь проникся интересом к технике и стал задумываться о профессии инженера.

Однако планы пришлось на неопределенное время отложить из-за начавшейся Первой мировой войны. Семья и без того не была богата, а война и вовсе поставила Курчатовых практически в бедственное положение. Днем Игорь пилил дрова на консервной фабрике, вечерами подрабатывал в мундштучной мастерской, а в симферопольской вечерней школе получил квалификацию слесаря. Но при этом по-прежнему желал стать инженером. Много читал и школу в 1920 году окончил с золотой медалью.

В том же году он поступил в Крымский (Таврический) университет, на физико-математический факультет, который окончил через три года вместо положенных четырех. Но этого ему показалось мало, и он отправился в Петроград, где был зачислен сразу на третий курс кораблестроительного факультета Политехнического института. В планах его было стать корабельным инженером.

Однако вынужденный помимо учебы работать, чтобы содержать себя, вскоре Курчатов понял, что, занимаясь всем одновременно, он ничем не занимается на должном уровне. Он принял решение бросить институт и сосредоточиться на

физике, которая занимала его все больше.

В 1924 году Курчатов выполнил свое первое экспериментальное исследование по измерению альфа-радиоактивности снега. Напечатанную по результатам исследования статью заметили, и Игорю Васильевичу было предложено поработать в Баку в должности ассистента при кафедре физики азербайджанского политехнического института.

Вскоре о молодом талантливом физике узнал академик Абрам Иоффе, который пригласил Курчатова в Ленинградский физико-технический институт трудиться под его личным руководством. Этот момент можно считать поворотным в карьере Игоря Васильевича.

К этому же периоду относится и важное событие в личной жизни Курчатова — он женился на Марине Синельниковой, сестре своего друга детства Кирилла. Поскольку детей у пары не было, Марина Дмитриевна все свое время посвятила Игорю Васильевичу, обустроив его быт и сделав их совместный дом одним из самых приятных мест. Как и большинство увлеченных своим делом ученых, Курчатов дома работал не меньше, чем в институте.

Академик Иоффе славился тем, что его ученики и подчиненные не были ничем ограничены в собственном научном самовыражении. К моменту, когда Курчатов присоединился к этому коллективу, ему было чуть за двадцать, а самому институ-



ту — около семи лет. Институт в шутку называли «детским садом папы Иоффе».

Первой печатной работой Курчатова в лаборатории диэлектриков стало исследование прохождения медленных электронов сквозь тонкие металлические пленки. При решении этой задачи проявилась одна из типичных черт Игоря Васильевича — он умел четко подмечать про-

тиворечия и аномалии и выяснять их природу прямыми опытами. «Это же свойство, — писал Иоффе, — привело его к открытию сегнетоэлектричества, к поискам механизма выпрямления тока, к изучению нелинейности токов <...>, а позже к открытию в области атомного ядра...»

Параллельно с исследовательской работой Курчатова преподавал — на физико-математическом факуль-



*С женой  
Мариной  
Синельниковой*

тете ленинградского Политехнического и в Педагогическом институте. Лектором, по воспоминаниям студентов, он был блестящим. Ему удалось понятным языком объяснять самую суть описываемых явлений. Он не скрывал от своих подопечных результатов собственных научных разработок, побуждая учеников мыслить самостоятельно и вызывая в них интерес к настоящему делу.

В 1933 году Игорь Васильевич был назначен начальником Отдела ядерной физики Ленинградского физико-технического института и стал одним из первых, кто открыл явление ядерной изомерии. После этого открытия ядерными изомерами стали активно заниматься ученые из других стран.

Курчатов и его сотрудники в последующие годы работали над раз-

витиём представлений о структуре атомного ядра. В начале сороковых годов коллеги Игоря Васильевича, Флеров и Петржак, сообщили об открытом ими самопроизвольном делении урана в американский журнал «Physical Review». Письмо журнал опубликовал, но никакого отклика на значительное открытие не поступило. Оказалось, что американцы засекретили все свои работы по атомному ядру.

А тем временем началась Вторая мировая война, и вместо ядерной физики Курчатову пришлось заниматься работами по защите кораблей от магнитных мин. Однако мысль ученого нельзя остановить, даже если он занят совсем другим делом. В 1943 году он возглавил советский атомный проект, впоследствии ставший Институтом атомной энергии. И всего через

год был пущен циклотрон, что означало значительный прорыв во всех разработках.

Чтобы ученый тратил как можно меньше времени на дорогу от дома до работы, неподалеку от главного здания института для него был построен коттедж. Сотрудники называли его «хижиной лесника», так как располагался домик в лесу.

Во время создания и испытания первой советской атомной бомбы Курчатов находился под постоянным контролем со стороны органов Госбезопасности, а также лично Берии и Сталина. Берия был его непосредственным начальником и мог в любой момент приостановить проект и посадить, а то и расстрелять всех причастных к этим испытаниям. Однако, по словам коллег, в Курчатове, к счастью, «воплотилась тогда и компетентность, и ответственность, и власть».

Но не обходилось и без нервных моментов. В конце 1946 года Берия, ознакомившись с работой первого реактора и выходя из реакторного здания, задал Игорю Васильевичу вопрос, который многих заставил бы поседеть: «Кто ваш преемник?» В тот раз все обошлось, и ясно почему. В работе Курчатова и его коллег была кровно заинтересована вся страна и лично Сталин. Когда вождь народов после очередного удачного испытания награждал ученых, он заметил: «Если бы мы опоздали на один-полтора года с атомной бомбой, то, наверное, «попробовали бы ее на себе». Курчатов же «удостоился» особой благодарности — получил в подарок портрет Сталина в полный рост.

Как на большинство ученых-физиков, на Игоря Васильевича имелась особая «папка» в КГБ. Когда в 1945 году избирали нового прези-



дента Академии наук, ее доставили Сталину, Молотову и Маленкову. Характеристика, данная Курчатову, гласила: «Обладает большими организационными способностями, энергичен. По характеру человек скрытный, осторожный, хитрый и большой дипломат». Стоит ли говорить, что президентом Академии наук Курчатов не стал?

29 августа 1949 года близ города Семипалатинска прошло успешное испытание нового оружия, и США перестали быть единственной страной, владеющей атомным оружием.

Понадобилось еще 4 года, чтобы провести испытание и первой в мире водородной бомбы. Однако Курчатов, изобретатель всего этого страшного оружия, считал, что атомная энергия должна служить на пользу человеку, а не убивать его. На заседании Верховного Совета СССР 31 марта 1958 года он выступил со словами: «Ученые глубоко взволнованы тем, что до сих пор нет международного соглашения о безусловном запрещении атомного и водородного оружия. Мы обращаемся к ученым всего мира с призывом превратить энергию ядер водорода из оружия разрушения в могучий, живительный источник энергии, несущий благосостояние и радость всем людям на Земле».

Чтобы слова не расходились с делом, он приступил к разработке проекта атомной электростанции. Ее пустили уже через несколько лет, а Игорь Васильевич вынашивал новые амбициозные планы: электростан-

ция на основе управляемой термоядерной реакции, первая подводная лодка, первый атомный ледокол... Благодаря Курчатову родилась новая отрасль атомного подводного и надводного судостроения.

Годы работы не могли не сказаться на здоровье ученого, и в 1956 году у него случился инсульт. Врачи запретили ему много работать и часто встречаться с коллегами. Не привыкшего к бездействию Игоря Васильевича это угнетало.

За время, которое ученый провел дома, борясь с воспалением легких, у него отросла большая черная борода (та самая, что так выделяет московский памятник Курчатову). И сотрудники между собой прозвали его «Бородой». Когда Игоря Васильевича спрашивали, когда же он ее сбредет, он с усмешкой отвечал: «Ну, какой же я Борода без бороды?» Борода стала своеобразным маркером, по которому коллеги могли угадывать настроение начальства: если Курчатов гладил ее, значит, все хорошо, если же теребил и тянул вниз, значит, что-то шло не так, и он пребывал в дурном настроении.

Едва возникала возможность, он снова принимался за работу. Когда же это было невозможно, проводил время в компании жены, слушал, как она играет на рояле, порой выбирался в консерваторию. Будучи большим поклонником классической музыки, даже за несколько дней до кончины он побывал там, слушая символический «Реквием» Моцарта.



Не стало его во время прогулки по парку, во время беседы с коллегой Юлием Харитоновым. В какой-то момент они присели на лавочку, и Харитонов уловил затянувшуюся паузу в разговоре. Обернувшись, он увидел, что Курчатов умер.

Тело ученого было кремировано, а прах помещен в урну в Кремлевской стене на Красной площади.

Своим ученикам Игорь Васильевич не раз в той или иной форме повторял одну и ту же мысль: «Делайте в работе, в жизни только самое

главное. Иначе второстепенное, хотя и ненужное, легко заполнит вашу жизнь, возьмет все силы, и до главного вы не дойдете... Исследуйте то, что приведет вас к цели».

К своей цели он, безусловно, пришел. Научный руководитель Семипалатинского испытательного полигона Михаил Садовский однажды сказал слова, которые очень четко описывают Игоря Васильевича: «Курчатов — это что-то исключительное, он все-таки явление природы». □

Сергей Шувалов



# БЮРО ЖЕЛАНИЙ

Мелкий неумемный снег стучал в дверь, засыпал крыльцо, забивался в углы, а самые смелые снежинки умудрялись проникать в маленький коридорчик, разделявший внутренние и внешние двери. Злой колкий ветер, закручиваясь, проникал в замочную скважину и останавливался у батареи в чуть нагретой после одиноких выходных комнате. Вывеску совсем занесло, только если очень внимательно приглядеться, можно было прочитать: «Бюро желаний».

— Доброе утро! — поприветствовал я Марину и, повесив пальто на спинку стула, спросил: — Посетителей еще не было?

— Ни одного, — отозвалась она.

— Прекрасно! Значит, можно перевести дух.

Тут за дверью послышался скрип сминаемого ногами снега.

— Ну вот... — Я сделал глубокий вдох. — Мариночка, включите, пожалуйста, чайник, а я тем временем приму первого клиента.

Дверь открыл опрятно одетый молодой человек лет двадцати восьми, курносый и рыжий. Он торопливо вошел и робко остановился посреди комнаты.

— Это здесь исполняются мои желания? — задал он вопрос, недоверчиво осматриваясь.



— Да-да, вы пришли по адресу. Только с одной оговоркой: все, что вы загадаете, должно произойти в течение одних суток, — ответил я. — Ну и, простите, в рамках разумного, конечно.

— Я присяду? — Молодой человек подошел к стулу, стоявшему напротив моего стола — стало понятно, что он решился, — и произнес: — Я бы хотел проснуться на море...

— Так, хорошо, — кивнул я, всем своим видом показывая, чтобы он продолжал.

— И вид был... — Молодой человек замер в нерешительности. — Ну, то есть веранда...

— Ясно. Сколько метров? — быстро спросил я. Похожие желания мне приходилось слышать не раз.

— Чтобы берег слева, справа отдыхающие... — Он развел руки, показывая размер воображаемой веранды.

— Понятно, метров двадцать. Жара?

— Да, чтобы жарко было уже с утра. Я люблю жару. Но в номере должен быть кондиционер! — осмелел клиент.

— Конечно, — согласился я.

— А можно, чтобы утром ко мне постучалась... — К молодому человеку снова вернулась робость.

— Незнакомка? — спросил я, предугадывая мысли посетителя.

— Именно!

— Красивая?

— Если можно...

— А что вы так неуверенно? Неужели вы недостойны? — попробовал я ободрить его. — Хорошо. Нет проблем! Блондинка, наверное, с длинными шелковистыми волосами?

— Да! Я бы ей открыл...

— ...А она бы вам: «Ошиблась номером!» — подхватил я.

— Но... — опустил он глаза.

— Ну да, вы же стеснительный.

— «Может, и не ошиблась...» — сказала бы она, сомневаясь, — предложил молодой человек, теребя конец шарфа.

— Сделаем.

— И чтобы она не уходила... Ведь можно так? — Он смотрел на меня как на волшебника, дарующего последний шанс.

— Конечно. Она не уйдет.

— И все-таки вряд ли я ей вот так сразу понравлюсь, — покраснев, смущенно проговорил клиент.

— Внутренним миром хотите поразить? — улыбнулся я.

— Да... Мне, может, стихотворение выучить? Посоветуйте, какое? Пушкина, может быть?

— Нет. Учите Байрона — не ошибетесь, — посоветовал я. — Пушкин — это банально, а вы ведь хотите произвести впечатление.

— А какое лучше? — спросил молодой человек совершенно серьезно.

— Ну, прочтите ей «Расставание» — простенькое, но с душой, — порекомендовал я. — Только читайте с выражением. И встаньте на стул для эффекта. — Я не смог удержаться от того, чтобы не подколоть его. Но молодой человек иронии не уловил.

— И я потом скажу: «Вы не против, если в такой прекрасный день я угощу вас чаем?»

— Предлагайте коктейль. Мы все подготовим и поставим в холодильник. Чай — это уже не модно!

— Ага, спасибо. Тогда, в общем, мы выпьем и поговорим обо всем... Я так много всего знаю интересного. Можно только вот... — Молодой человек снова стал теревить шарф. — Пока рассказывать буду, она будет слушать меня, затаив дыхание, с волнением, что ли... Ну, вы меня понимаете.

— Конечно! Сделаем.

Желания наших клиентов до ужаса однообразны. Я прикладывал огромные усилия, чтобы изображать заинтересованность.

— А потом пусть пойдет к холодильнику за льдом. Вы, кстати, холодильник можете поставить так, чтобы она как раз мимо меня прошла? И я ее зацеплю случайно, руку на талию положу... Можно?

— Нет проблем.

— Ну, она остановится, свои руки мне на голову положит и так пальчиками в волосах покопается... А я тогда привстану немного, нежно обниму ее и поцелую... Это будет прилично?

— Послушайте, мне кажется, что некоторых своих желаний вы немного стыдитесь. Скажите мне, что я обманываюсь! Ведь это до неприличия прилично! Ваши желания абсолютно нормальны и даже более чем, по сравнению с желаниями некоторых из тех, кто приходит сюда...

— Ну, тогда... Пусть она после этого уйдет. Но уйдет с надрывом, чтобы я почувствовал, что я нужен ей. Что эта мимолетная встреча взволновала ее душу до самых глубин. Будто она на самом деле хочет остаться. Но я скажу ей, что у меня дела, — подытожил молодой человек, разводя руками от бессилия предложить что-либо еще.

— Я понял, — вздохнул я.

— И телефон ее чтобы...

— Можете не продолжать. Дальше?

— Ну, дальше я тогда на пляж.

— Место? — Я взял бланк и начал старательно записывать.

— Удобный гамак. И чтобы слева от меня лежала...

— Положим, — отозвался я, не поднимая головы.

— А кандидата наук можете положить? — Молодой человек, видимо, вошел во вкус и перестал робеть.

— Какие науки интересуют?

— Давайте философских, пожалуй.

— Нет проблем. Возраст? — поинтересовался я.

— Приблизительно около двадцати двух.

— Молодая слишком для кандидата, не находите? — усмехнулся я.

— Ну... — замялся он.

— Хорошо, посмотрим. Может быть, тридцать устроит?

— Угу... На симпатичную можно надеяться?

— Найдем даже красивую! Среди кандидатов и такие бывают, — успокоил его я.

— Что-то у меня фантазия разыгралась! А можно вот так просто яхту к берегу? Простенькую такую, но чтобы нам видно было.

— Там же пляж, люди. Техника безопасности...

— Я просто спросил, извините.

— Ладно. Сделаем причал. Людей подвинем. Яхта с командой? Капитан, повар?

— А можно?

— Если можно яхту, то все остальное — уже не проблема, — заверил я, улыбнувшись.

— Хорошо, я тогда в шутку скажу ей о яхте, будто бы она моя. Приглашу ее... Как вы думаете, она прокатится со мной?

— Уверен. А как же иначе?

— Но прежде хотелось бы ее чем-то заинтересовать...

— Образованностью?

— Ага...

Я с состраданием посмотрел на него и, вздохнув, произнес:

— Тогда вам стоит почитать о Перикле, Диогене, Сократе, Платоне, Анаксагоре и Ксенофоне. И, конечно же, выучить «Илиаду».

— Так много? — недовольно спросил он.

— Вы же хотите поразить кандидата философских наук!

— Может, тогда не надо кандидата? — растерялся молодой человек.

— Как хотите. Вы что, сдаетесь?

— Ну уж нет! Прочитаю.

— Договорились, — удовлетворенно кивнул я. — Каюту для двоих готовить?

— Мне бы не хотелось с ней так сразу: кандидат все-таки... Если только на всякий случай.

— Шампанское?

— Бутылочку. Хорошего.

— Еще пожелания?

— Когда мы вернемся с прогулки, я провожу ее до дома? — неуверенно проговорил он.

— Не обязательно.

— Можно не провожать? Было бы, честно говоря, здорово! — обрадовался посетитель.

— Да, ее отвезут. Еще что-то?

— Итак, будет примерно восемь часов вечера. Я немного посплю в номере, а потом можно в ночной клуб? Там хочу выпить покрепче, расслабиться...

— Проще простого! Все подготовим.

— Отлично! Спасибо вам!

— Это вам спасибо. До свидания!

— Всего хорошего!

Как только довольный молодой человек покинул приемную, Марина принесла мне долгожданный чай.

— Что на этот раз? — спросила она.

— Ничего интересного. Все как всегда. Застенчивый и закомплексованный молодой человек.

Я вдохнул аромат напитка, душистый, крепкий, и уже поднял кружку, как в дверь постучали, и на пороге показался мужчина лет пятидесяти, помятый, давно не стрижен, одет просто: черное пальто с засаленным воротником, поношенные брюки и ботинки, которых давно уж никто не носит. Видно было, что новый посетитель любит прикладываться к бутылке.

— Не помешал? — спросил он, словно входил в кабинет к чиновнику.

— Проходите, — сказал я и с грустью посмотрел на нетронутый чай.

Мужчина тяжело опустился на стул.

— Знаете, тут такое дело... Я, в общем-то, женатый человек, уже как двадцать восемь лет.

— Жена одна была?.. — не удержался я.

— Да.

— Восхитительно!

Искренне уважаю таких людей. Может, он попросит что-то для супруги. Такое редко бывает, но в данном случае надежда была.

— Она у меня очень ревнива, до болезни. Вроде бы столько лет прошло, дети взрослые, пора бы успокоиться, а она... У нас, знаете ли, двор

такой, в виде квадрата. Вот во дворе мы с друзьями козла забиваем, иногда в шашки, шахматы играем. Выпиваем, конечно. Но все в меру. А вот выхода со двора нет...

— Как нет? — спросил я, уловив в голосе мужчины нотки, которые меня насторожили. Вера в благородство этого человека не хотела умирать.

— Ну, жена не отпускает, следит...

— Любит, а не следит, — поправил я, не сдаваясь.

— Нет, именно следит! У нее, видимо, уже старческое... — Мужчина иронично улыбнулся. — В общем, сидит у окна и смотрит за мной сверху. А у нас, знаете, двор-то квадратный, я говорил вам.

— Хорошо, — вздохнул я, уже понимая, что сейчас услышу.

— Ну так вот, в соседний двор приходит женщина посидеть на скамеечке. Полюбилась она мне. Сидим вот так, на расстоянии, уже не один год и переглядываемся незаметно. До того незаметно, что и сами не верим в происходящее. Мне бы денек с ней провести... Чувствую я, что не лишним будет этот день в моей жизни... — Мужчина просящим взглядом посмотрел на меня.

— Мы пришлем человека как две капли воды похожего на вас, он поиграет в шахматы. А вы тем временем... — начал я.

— Подмена?! — Клиент, кажется, почувствовал себя героем шпионского сериала.

— Да, — кивнул я.

— Здорово придумали! А если жена выйдет? — засомневался новоиспеченный Штирлиц.

— Вы на каком этаже живете?

— На третьем! — с готовностью ответил он.

— Отлично! Подгоним пожарную машину. Если ваша жена выйдет, начнем тушить соседнюю квартиру.

— Так там же люди!

— Не волнуйтесь, договоримся. Зальем немного и вашу квартиру. Ваша супруга почует запах гари, увидит машину и поднимется обратно собирать вещи, документы. Народ сбежится поглазеть на пожар. В общем, не до вас ей будет...

— Гениально! Спасибо! — Мужчина даже хлопнул себя по коленкам.

— Да что вы! — привычно ответил я и спросил: — Когда начнем?

— Давайте на следующей неделе.

— Договорились.

— Спасибо! — радостно воскликнул клиент и, чуть ли не пританцовывая, покинул офис.

— Что за человек? — поинтересовалась Марина.

— Ничего интересного. Вся жизнь по строгому сценарию. Хотя в какой-то момент... — Не закончив, я махнул рукой.

Марина подлила кипятка в остывающий чай. Я даже не успел взяться за кружку, как дверь в тот же момент резко распахнулась. Вбежала девушка лет двадцати пяти, с правильными чертами лица, высокая, счастливая обладательница шикарных длинных черных как смоль волос.

— Тут желания исполняют, я не ошиблась? — запыхавшись, спросила она.

— Даже если вы и ошиблись, то не ошиблись, — ответил я.

— Что это значит? — растерялась девушка.

— Проходите, пожалуйста.

Она села, положив ногу на ногу, нервно разгладила руками подол юбки и неуверенно проговорила:

— У меня... Даже не знаю, с чего начать...

— Не стесняйтесь.

— У меня есть мужчина, которого я люблю. Скоро Новый год, и я бы хотела...

— Это вполне естественное желание, — перебил я ее, — встретить с ним наступающий год.

— Да-да! — горячо ответила девушка. — Но я не уверена, что он будет со мной. У него есть еще одна женщина, и у нее ребенок от него. В общем, он вроде бы любит меня, но никак не может определиться, с кем ему быть. Я решила для себя: с кем он будет встречать Новый год, с тем и... В общем, мы с ним встречаемся тридцатого. Боюсь, что он назначил мне эту встречу, чтобы тридцать первого быть с ней.

— Очень возможно, — понимающе кивнул я.

— Мы увидимся в кафе, — вздохнула она.

— Он ревнивый? — задал я вопрос, пристально глядя на нее.

— По-моему, очень.

— Прекрасно! — заметил я.

— Но он знает, что у меня никого нет, поэтому совершенно спокоен, — опять вздохнула она.

— А у вас, правда, никого нет?

— Никого. — Кажется, мой вопрос огорчил ее.

— Но один поклонник у вас уже точно есть. Появился. Причем совсем недавно. Пару минут назад... — подмигнул я.

— Спасибо, — улыбнулась посетительница.

— Итак, перейдем к делу. Давайте организуем вот что. Но это достаточно рискованно. — Я начал излагать ей план. — У вас, кстати, есть машина?

— Нет.

— Прекрасно! Тогда вы с ним сидите в кафе. Ведите себя достаточно скованно и держите дистанцию, хорошо? Пусть до вашего расставания остается некая недосказанность.

— Ну, допустим, — робко согласилась девушка.

— Он обязательно должен пойти провожать вас, — давал я указания.

— Он обычно провожает. До метро, — уточнила она.

— Замечательно. На этот раз он проводит вас до машины, которая будет стоять у кафе. Я думаю, лучше всего, «BMW». До последнего момента он не будет знать, что это за вами. Вдруг вы внезапно приоткроете дверь и скажете ему: «Поможешь сесть?» Для него это станет настоящим шоком. Конечно же, он поможет: откроет дверцу, подаст вам руку. А на заднее сиденье мы положим огромный букет цветов — его он непременно заметит — и больше ничего. Садитесь, уезжаете. И ждите звонка!

— А если не получится?

— Если нет, тогда ваш покорный слуга к вашим услугам!

— Вы?! — переспросила она и рассмеялась.

— Десятки раз в день я слышу вопрос: «Это возможно?» И почти всегда отвечаю: «Да». Теперь я хочу сам задать вам этот вопрос: «Это возможно?»

— Думаю, да, — сказала она тихо и отвела взгляд в сторону. — Но ведь «BMW» вы все равно пришлете?

— Без сомнения! — заверил я.

Девушка ушла. Было слышно, как на улице завывал ветер.

— Мариночка, можно чаю? — в который уже раз попросил я.

— Опять остыл? — вздохнула секретарша, отвлекаясь от пасьянса.

— Ага...

Она принесла новую кружку и спросила:

— Ваше мнение?

— Женское ожидание чуда под Новый год. Все или ничего, плюс обязательная привязка к тридцать первому декабря. Но, может быть, повезет и мне.

Марина поддерживающе улыбнулась.

Очередной стук в дверь нарушил молчание, царившее в кабинете.

— Добрый день!

Я увидел молодого человека лет двадцати пяти, взъерошенного, импульсивного, в целом приятного.

— Знаете, у меня есть желание. Я ведь туда попал?

— Абсолютно. Да вы садитесь, — предложил я.

— Нет, я постою. Послушайте! — начал он. — В детстве всегда Новый год для меня был настоящей сказкой. Впрочем, чего тут удивительного: многие дети верят в волшебство.

— Вы, по-моему, и сейчас еще способны на это, — вставил я.

— Понимаете, не так давно, несколько лет назад, я потерял это ощущение сказки, праздника: бой курантов, елочные игрушки, подарки и фейерверки... Так вот, мое желание очень простое: верните мне это чувство... Ну, в крайнем случае, окуните меня в мое детство... Вы же можете?

Я все больше попадал под обаяние этого молодого человека.

— Какое замечательное желание! Только я не волшебник, к сожалению, и не знаю, что могу для вас сделать.

— Но я слышал, вы многим помогаете и делаете их счастливыми! Что же такого невозможного в моем желании? Неужели оно сложнее других?

— Признаться, да, — кивнул я. Не рассказывать же, что удовлетворить мелкую страстишку гораздо легче, чем сотворить сказку.

— Значит, вы не поможете мне? — Молодой человек сник.

— Может быть, вам просто нужно снова поверить в чудо? — Я все-таки хотел найти выход.

— Но как?! — в отчаянии воскликнул он.

— Поймите, мы помогаем людям обманом, создавая иллюзию, но вам это не надо, — раскрыл я свои карты, обезоруженный его откровенностью. — И знаете что, я подумал.

— Спасибо! — обрадовался молодой человек. — Я буду очень надеяться! У вас чай остывает, — заметил он, улыбнувшись, указал на чашку и удалился.

— Да, спасибо! — крикнул я ему вслед и, наконец, сделал глоток. Приятно, когда о тебе заботятся. А потом позвал секретаршу: — Марина, нам просто необходимо помочь этому молодому человеку!

— Сложное задание?

— Очень. — И я рассказал ей, о чем мечтает наш молодой клиент.

— С таким мы еще не сталкивались, — задумчиво покачала она головой. — Елки, шоу, подарки — это все понятно. А тут — волшебство! Но ведь мы сможем! Мы просто обязаны!

— Тогда за дело! Все будет вот так. — И я рассказал ей о своем плане.

Днем тридцать первого декабря тот самый молодой человек, которого, кстати, звали Александром, среди прочих дел зашел, по своей давней традиции, в магазин елочных игрушек. Он наугад взял несколько фигурок с нарядной витрины.

— Вам упаковать? — спросила продавщица.

— Спасибо, пожалуй, я сам, — ответил Саша и направился к кассе.

Тихий плач заставил его оглянуться. Он увидел девочку лет девяти, в шубке и валенках с калошами, в руках она держала большой синий сте-



клянный шар, украшенный маленькими белыми точками — снежинками. Саша вздохнул. Переложив свои игрушки бумагой, он быстрым шагом направился к выходу. Но тут взгляд его снова упал на девочку, сидевшую на том же месте. Судя по виду, она так и не перестала плакать.

«Да что ж такое!» — в раздражении шагнул он к ребенку и, присев рядом с ней на корточки, спросил:

— Что случилось? Где твои родители?

— Их нет, — подняла она на него заплаканные глаза.

— Как это нет? — На лице молодого человека изобразилось недоумение.

— Меня бабушка в магазин послала купить хлеба, зелени, картошки... —

Девочка начала загибать пальцы.

— Стоп, стоп, стоп! Не перечисляй. Значит, ты пошла в магазин одна?

— Да, — кивнула девочка, размазывая слезы по лицу.

— Купила, что бабушка наказала?

— Все купила.

— А почему плачешь?

— Потому что я хотела себе стеклянного снеговика, вон того... — Она показала на одну из полок. — Но у меня денег не хватило, и я купила вместо него шар.

— Слушай, а ты чего вообще с незнакомыми людьми разговариваешь? Бабушка разве не говорила, что этого нельзя делать?

— Вы знакомый! — сказала она и впервые улыбнулась. — Вы в соседнем доме живете. Я вас часто вижу, поэтому и не боюсь.

— Хм... ладно, пусть так. И ты что, плачешь из-за игрушки? — переспросил Саша.

Девочка опять шмыгнула носом.

— А какого именно снеговика хочешь? Покажи.

Она указала пальцем на блестящего серебристого снеговика с синим ведром на голове и ярко-алой морковкой вместо носа.

— Посторожи сумки, — буркнул Саша и опять пошел к ярким стеллажам.

Вернувшись через пару минут, он протянул девочке желанную игрушку.

— Спасибо! — воскликнула она.

— Ты сама дойдешь до дома? — спросил он.

— Конечно!

— Тогда я побежал. Всего хорошего! — Саша помахал своей новой знакомой и направился к выходу. Но, сделав несколько шагов, обернулся и подумал:

«Нехорошо! Такая маленькая, и одна по темным улицам!»

— Черт! Ты говоришь, живешь рядом со мной? — крикнул он ей.

— Да, — кивнула девочка. Она уже тащила сумки к двери.

— Хорошо, давай свои пакеты. Я отвезу тебя. Как будешь встречать Новый год? — спросил он, укладывая пакеты в машину.

— Посижу у елки... — почти прошептала маленькая хозяйка.

— А в гости придет кто-нибудь?

— Нет, не придет, — грустно отозвалась она. — Бабушка болеет.

— Елка-то хоть живая? — сочувственно поинтересовался молодой человек.

— Что вы!.. Они дорогие, видела на елочном базаре. Я подняла несколько веточек, и сейчас они стоят у нас в вазе.

— Н-да... понятно... — протянул он. — Вот. Мы, по-моему, приехали.

— Спасибо вам! — поблагодарила девочка, вытаскивая сумки с заднего сиденья.

— За что? Ты на каком этаже живешь?

— На четвертом. Спасибо за снеговика!

— Да перестань! — отмахнулся Саша. — С Новым годом тебя!

— И вас!

Украшая елку, Саша вдруг вспомнил, как совсем недавно заходил в смешное заведение «Бюро желаний». Кто же рассказал про него? Но это неважно. Тот человек, который принимал заказы, все же обещал подумать... А вдруг, и правда, сможет помочь? Вдруг желание сбудется? Он улыбнулся. Ночной, по-новогоднему украшенный город отражался в пузатых игрушках. Эти огоньки, задорно поблескивая, радовали глаз... Саша взглянул на часы — было почти десять.

— Помоги мне с духовкой! — крикнула мама из кухни.

— А мне помоги застегнуть вот это, — сказала Сашина девушка, Ольга, указав на лежавшее перед ней колье.

— По-моему, утка подгорела. Тебе не кажется? — спросила мама, сняв с рук кухонные рукавицы.

— Нет, все нормально, очень аппетитно выглядит, — успокоил ее Саша.

— Ну, неси тогда... — И мама подала ему противень.

— Что ты мне сегодня подаришь? — остановила Сашу в узком коридоре Ольга.

— Оля, это будет восхитительно! — подмигнул он.

— Я очень и очень надеюсь. Но, может, ты все же скажешь? — попросила девушка.

— Милая, подожди немного, — покачал головой Саша. — Это же Новый год!

— А хочешь посмотреть, что я подарю твоей маме? Мне кажется, ей это очень подойдет! — хитро прищурилась Оля.

— Оленька, ну я не очень разбираюсь в этих женских тонкостях. Может, сразу маме покажешь?

Тяжелый противень оттягивал руки.

— Какой ты... противный... — капризно бросила Ольга и отпустила Сашу.

«Зато утка хорошая! — подумал он, направляясь к столу. — И елка очень даже ничего. Елка, елка...»

— Мам, слушай, я на минуту! — вдруг выкрикнул Саша, выбегая в прихожую. — Нужно. Ждите!

— Куда ты?! — выбежала вслед за ним Оля.

Но было уже поздно: Саша сунул ноги в кроссовки, накинул куртку и выскочил на улицу.

Елочный базар... До него было метров пятьсот. Запыхавшись, он подбежал к забору. Базар, конечно, был уже закрыт, а елок — ни одной. Он выбежал на шоссе и поднял руку.

— Куда тебе? — спросил остановившийся бомбила.

— Вези в лес, что ли.

— В какой? Новый год скоро, а тебе в лес! — рассмеялся тот.

— Да вези уж! — махнул рукой Саша.

— Тариф — новогодний, — предупредил водитель.

— Хорошо, — без раздумий согласился Саша. — Вот тут останови, — указал он и вдруг спросил: — Послушай, а есть у тебя что-нибудь пилящее? Ну, вдруг...

— Ты что, елку собрался рубить?!

— Не важно. Есть или нет?

— Есть ножовка, — подумав, ответил бомбила.

— Дашь?

— Не дам, а продам. Но тариф новогодний: пять тысяч!

Водитель явно не хотел упускать своего в новогоднюю ночь.

— Ну, ты вообще!.. — возмутился Саша.

— Как хочешь, — развел тот руками.

— Согласен, беру! — Саша кинул деньги на приборную панель, схватил ножовку и кинулся в парк.

— Глупость какая... — бормотал он. — Никогда не думал, что со мной такое может произойти!

Стрелки на часах показывали 22.40.

Времени на выбор почти не оставалось. «Ну вот, пусть она... — решил молодой человек. — Это, конечно, нехорошо, но...» И направился к небольшой елочке, растущей недалеко от дорожки. Пилил он ее долго, сломал у ножовки несколько зубов и уже почти отчаялся, но, в конце концов, елка оказалась в его руках.

Саша выскочил из парка и понесся к дому. От холода он не чувствовал пальцев. Прижав добытую елку к себе, он спешил добраться до городских кварталов. Вскоре с ним поравнялась полицейская машина.

— Куда бежим? — спросил полицейский, приоткрыв окно.

— Домой бежим! — ответил Саша.

— А елочка? «Из леса, вестимо»? — улыбаясь, спросил страж порядка.

— Нет, купил.

— А документ имеется?

— Нет, не имеется, — покачал головой Саша.

— Потерял, что ли? — Улыбка полицейского стала еще шире.

— Ага, потерял.

— Тормози! Будем оформлять. А вообще, нехорошо это — елки в парках рубить. Ты уже не маленький, — пожурил он.

— Да знаю я, капитан, но тут такое дело... Я не себе... — попытался оправдаться Саша.

— Ну что, будем оформлять? — повторил капитан, многозначительно посмотрев на нарушителя.

Саша поставил свою ношу на асфальт.

— Сейчас вот посмотрю... В карманах ничего... Вот, возьми мобильный!

Капитан взял телефон в руки и стал его придирчиво рассматривать.

— А может, часы? Возьмешь? Только довези меня!

— Ну, ты и наглец! — рассмеялся капитан. — Слышь, Петрович, иди пешком до участка. Парня подбросить надо, а то не успеет к Новому году. К любимой, наверное. — Полицейский повернулся и подмигнул Саше: — На место Петровича елочку и погрузим!

— Вот этот дом, — указал через некоторое время молодой человек. — Спасибо! — и, захлопнув дверцу, рванул к подъезду.

— Постой! Телефон звонит: «Любимая» вызывает. Ответишь? — прокричал вслед ему капитан.

— Нет, не отвечу. Скажи: «Потом зайдет». Скажи: «Не успевает».

— Странно. Ну, как скажешь! — донеслось из отъезжающей машины.

«Этаж... Какой этаж?.. Она говорила, вроде бы четвертый. Уже, наверное, без пяти, — волновался Саша. — Еще и домофон!»

Он наугад набрал номер квартиры.

— Кто это? Вы к кому? — послышался из динамика женский голос.

— Понимаете, мне нужно очень срочно поздравить! Пустите! — попросил Саша и добавил: — Да, и с наступающим вас!

Дверь открылась. Он вбежал на четвертый этаж и позвонил в первую попавшуюся квартиру. Дверь открылась, и Саша увидел веселую, слегка подвыпившую компанию в смешных разноцветных масках.

— Ого! Дед Мороз, да еще и с елкой! Заходи! — наперебой принялись приглашать его.

— Да подождите вы! Девочка с бабушкой в какой квартире живет?

— А-а-а, ты к ним? Вот, напротив, — указали на соседнюю дверь молодые люди.

Через секунду Саша был уже у квартиры напротив.

«Бабушка, кто-то стучится. Можно я открою? Вдруг это Дед Мороз?» — послышался за дверью уже знакомый голос. Дверь приоткрылась.

— Привет! Узнаешь? — протиснулся в квартиру Саша. — Елка вот... тебе...

— Ура! Ура! — запрыгала от радости девочка. — У нас настоящая елка!

— Значит, все-таки Дед Мороз! — отозвалась бабушка из соседней комнаты.

— Давай, знаешь, время не терять. Сколько уже сейчас?

— Двадцать три пятьдесят восемь.

— Отлично! У нас еще две минуты! Куда елку ставить будем?

— Давайте вот сюда, — указала на угол у окна девочка.

— Пару игрушек, быстрее! — скомандовал Саша, устанавливая елку.

Маленькая хозяйка протянула того самого снеговика, который помог им познакомиться.

— А, узнаю! — Саша подмигнул девочке и, повесив игрушку на елку, спросил: — У вас хоть сок есть?

Девочка тут же развернулась и побежала на кухню.

— Себе и бабушке не забудь! Вот можно сюда. Скорее!

Они разлили сок по стаканам.

— С Новым годом тебя!

— И вас! Так здорово, что теперь у нас есть настоящая елка! Это было мое желание на Новый год. И оно сбылось! Это настоящая сказка... — радовалась девочка.

Саша посмотрел в окно. Небо искрилось вспышками петард. Отовсюду доносились веселые возгласы. «Ну вот. По-моему, все...» — выдохнул он.

Прошло несколько дней. Саша решил еще раз зайти в «Бюро желаний». Там он встретил меня и рассказал историю, которая произошла с ним под Новый год.

— Ведь это вы все устроили? — допытывался он. — Признайтесь!

— Почему вы так решили? — сделал я удивленное лицо.

— Признайтесь же! — не отступал он.

— Ну, разве что самую малость... — улыбнулся я. — Но остальное все — вы, вы сами. □

Светлана  
Бестужева-Лада



# ЖИЗНЬ ДЛИНОЙ В ЭПОХУ

О русской эмиграции написаны, наверное, тысячи книг. Но от внимания большинства историков ускользнула уникальная судьба уникальной женщины, Нины Буровой, родившейся в 1894 году и ушедшей из жизни в 1998-м в возрасте... 104 лет. А между тем жизнь ее уникальна: она перенесла столько, сколько с лихвой хватило бы на десятерых мужчин. И осталась женщиной — изящной, утонченной, русской до кончиков пальцев. Даже на чужбине в эмиграции.

Девочка родилась в семье полковника Федора Ивановича Котлова и его супруги Нины Георгиевны, дочери флигель-адъютанта Александра II Георгия Николаевича Мандрыко и фрейлины императрицы Екатерины Васильевны Полтавцевой из рода Рюриковичей.

Счастливое детство, в котором были игры с детьми-ровесниками из царской семьи, закончилось, когда Георгий Николаевич погиб, упав с лошади во время маневров. Осталось пятеро сирот, в том числе и Нина.

Первые годы учебы в Патриотическом институте, да и позднее, вплоть до своего замужества, Нина ощущала заботу царственных особ. Особенно памятными были каникулы, когда Александр Александрович развлекал своих детей — Ольгу, Ксению, Николая, Михаила, Георгия, а вместе с ними и Нину — различными забавами: катание на коньках и санный поезд — зимой, качели, «гигантские шаги» и горки — летом. Покой, доброжелательность, царившие в венценосной семье, запомнились Нине на всю жизнь.

27 января 1893 года красавица Нина Мандрыко по взаимной любви вышла замуж за генеральского адъютанта Федора Ивановича Котлова. А 27 января 1894 года родилась их первая дочь. Девочка была славная, улыбчивая, — все отмечали необычайную привлекательность ребенка. Ее назвали в честь матери — Ниной.

Быт многих дворянских семей определялся матерью, ее способностями,

навыками, религиозностью. Будучи уже в преклонных годах, пережив войны, революцию, изгнание, нищету, Нина Федоровна всегда помнила дом родителей, его быт, порядок, определенный матерью, ее неистовую религиозность. По вечерам, если не читались за круглым столом литературные новинки в журналах «Русский вестник» и появившейся позднее «Ниве», родители музицировали: Федор Иванович играл на скрипке, Нина Георгиевна ему аккомпанировала на фортепьяно; в доме пели, устраивали музыкальные вечера, праздники для детей.

На девятый день рождения Нина получила в подарок альбом для стихов, открывавшийся рисунком и стихами отца. Таланты родителей в музыке и живописи достались и их детям, внукам, правнукам.

Когда Нине исполнилось 8 лет, семья перебралась в Ригу, где отец получил должность военного коменданта города. По архитектуре, быту и стилю жизни Рига была скорее городом немецким. Население говорило в основном на немецком, прислуга была тоже из немцев. Круг друзей Федора Ивановича и Нины Георгиевны сложился из русской военно-аристократической элиты города.

С осени Нина стала приходящей ученицей в Институте вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Подобные учебные заведения для девушек были открыты во многих больших городах России. Они не так запомнились, как Смольный —

с его историей, именами и архитектурой, но принесли много пользы.

При поступлении в институт надо было пройти приемные испытания: математика и русский язык, чтение одной из басен Лафонтена на французском. Нину к приемным экзаменам готовила мать. Если математика требовала систематических занятий и даже контроля отца, то все остальное было привычно с детства: чтение, писание, заучивание наизусть.

За годы жизни в Риге появился еще один язык — немецкий: кроме преданной служанки Ленхен в доме жила кухарка Ева (эта немецкая женщина разделила все радости и горести семьи до их отъезда с началом войны в Харьков). Учительница музыки фрау Зильберт тоже способствовала языковой практике детей.

В 1908 году пятый класс рижской гимназии Садовского, где Нина училась после института, расставался с ученицей Котловой: Федор Иванович получил назначение снова в Вильно. Было жаль брусчатых мостовых, четкости и величия Домского собора, Ратушной площади... К родному Вильно привыкать не было необходимости: слишком яркими и незабываемыми были детские впечатления.

В огромном старинном здании с аршинными стенами, с внутренним садом помещался институт для девочек. Первое, что увидела новенькая, изящная маленькая брюнетка, войдя в актовый зал, украшенный портретами царей, была большая красная доска, на которой золоты-

ми буквами вписаны имена институток, получивших золотую медаль за успехи в науках. За вечерним чаем, делясь с домашними впечатлениями о первом дне, Нина умолчала о клятве себе — «Мое имя тоже будет на этой доске».

Обещание она выполнила.

Продолжать учебу Нина решила только в Московском университете. Во время поездок в Москву здание на Моховой привлекало необычайно. В счастливые для нее осень-зиму 1911–1912 годов случилось и много юношеских влюбленностей. Приехала из Италии крестная, осыпала крестницу подарками — платья, украшения, кружева. Жизнь казалась праздником, ничто не предвещало трагедии.

Шел март 1912-го. Как-то раз вечером шаги отца в гостиной внезапно прекратились, шум падения испугал занимавшуюся Нину; вбежав в комнату, она нашла отца на полу, без сознания... Пуля, засевшая в теле Федора Ивановича с 1905 года, пришла в движение. Все было кончено в течение нескольких минут.

Горе, слезы, панихида... Восемнадцатилетняя Нина стала главой семьи. Необходимо было думать и о семье, и собственном будущем. Мечты о дальнейшей учебе были отложены, в ответ на поданное в Министерство народного просвещения прошение Нина Федоровна Котлова получила должность классной дамы в институте для девочек.

Однажды, возвращаясь с прогулки, мать и дочь встретили подтя-



нутого немолодого военного, вежливо раскланялись с ним, а буквально чуть ли не на следующий день среди карточек посетителей уже лежала визитка Петра Никитовича Бурова...

После его визита мать рассказала Нине о новом знакомом: о его знаменитом в Костроме родовом гнезде, о предках, среди которых был знаменитый Иван Сусанин. А через месяц мать сообщила Нине, что Петр Никитич просит ее руки... Девушка ответила согласи-

избранницу — изящную, стройную брюнетку с огненными темными глазами.

В 1913 году состоялось венчание. Свадебного путешествия не было — траур только что сняли, но поездка с мужем к месту его бывшей службы на Восток наполнила душу Нины радостью, новыми впечатлениями. К осени супруги вернулись в Вильно, Нина обустроивала дом с присутствием ей вкусом, украсила его собственными картинами, а также коврами и безделушками, привезенны-

**В**

**ойдя в актовЫй зал, украшенный портретами царей, первое, что увидела новенькая ученица, маленькая изящная брюнетка, — это большую красную доску, на которой золотыми буквами были вписаны имена институток, получивших золотую медаль за успехи в науках. И Нина мысленно дала себе клятву: «Мое имя тоже будет на этой доске». Обещание она выполнила**

ем: почти двадцатилетняя разница в возрасте ее не смутила, настолько интересен и незауряден был жених.

Дальше все завертелось — помолвка, предсвадебные хлопоты... Поездка в Петербург, где Буров, в соответствии с происхождением, должностью и званием, должен был представить свою невесту Двору. Император Николай Александрович, ценя полковника не только по службе, но и как друга, с удовольствием смотрел на его

ми Петром с Востока из его многочисленных поездок.

Муж, занятый в штабе генерала Ренненкампа, где он служил начальником разведки, еще преподавал в военном училище, его уроки по тактике признавались блестящими. По вечерам он допоздна сидел за рабочим столом. Трудно вспомнить, кому первому пришла в голову шальная мысль о том, что Нина могла бы стать помощницей мужа в проверке работ курсантов, высвободив Петру необходимое время. Вряд ли кур-

санты подозревали, что уверенные пометки на полях их работ выполнены изящной женской ручкой, настолько толковыми и четкими были замечания.

Рождение дочери, крестины, поздравление крестного, генерала Ренненкампа, были, пожалуй, последними радостными событиями молодой семьи. Дальше — выстрел в Сараево, война, служба мужа в действующей армии, Нины — в Красном Кресте: с началом войны она записалась сестрой милосердия в Виленский гарнизонный госпиталь.

Случались и недолгие встречи с мужем. В ожидании очередных родов выносить беспощадный режим войны было всего труднее. В какой-то момент Нина, получив сообщение от Петра Никитича, вырвалась к нему в Петроград, оставив новорожденного Петрушу со своей матерью.

Время разметало прежде благополучные семьи. Буровы решили, что лучше и безопаснее Нине с детьми переждать войну в Финляндии. Кто же знал, что «переждать» не случится: рушился мир, страна, устои, ранее доброжелательные финны становились агрессивными и неприветливыми.

Тем не менее какое-то время Нина с детьми провела в Келломяки — это и стало ее опытом нового времени, новой страны и судьбы. Ей казалось, что здесь, в купленном еще до войны имении, можно будет пережить весь этот кошмар. Здесь было тихо, покойно, надежно, но... голодно. Соседи отказывались продавать

продукты, отводили при встрече глаза. Пришлось возвращаться в Россию, в Петроград. Уже не Санкт-Петербург...

Но зато удалось воссоединиться с мужем, чудом избежавшим смерти. Восставшие солдаты зверски убивали всех офицеров, раненых добивали с особым удовольствием. Когда разъяренная толпа солдат бывшего 37-го полка вывела генерал-майора Петра Бурова на расстрел, он мысленно попрощался с женой и детьми, солнцем и небом над головой. В этот момент между ним и озверевшей толпой и встал комиссар, бывший горнист полка Иннокентий, которого Буров когда-то вынес раненого с поля боя.

— Стой, братва! Он на плечах своих вынес меня из-под огня. Дак он же нам как отец был. Справедливый. Солдата зря не наказывал. Нет, товарищи, кончайте меня, раз такое дело. Меня, но не его!

Петр Никитович даже не помнил его фамилии, зато солдат помнил, кому обязан жизнью, и чтит добро и справедливость генерала по отношению к простым мужикам, воевавшим под его началом. И Бурова отпустили.

Чудо? Безусловно. Но таких страшноватых чудес в жизни Нины было предостаточно.

«В ненастную декабрьскую погоду 1919 года мой муж, двое маленьких детей и я на бронепоезде «Мстислав Удалой» отступали от Харькова, с многочисленными остановками, починками разобранного пути,



*Муж Нины —  
Петр  
Никитич  
Буров*

с боями и перестрелками с красными. На столбах, на семафорах раскачивались повешенные. Чья это была расправа, и кто болтался на веревках — имена их только Господу известны...

Наших спутников беспощадно косил сыпняк, и «Мстислав Удалой» был больше похож на полевой лазарет, чем на бронепоезд. Наконец

докатались мы до ст. Тихорецкой, освободились от мертвецов и сдали в госпиталь больных.

24-го декабря днем мы были в Екатеринодаре. Приютил нас в маленькой комнатке, на Базарной улице, гостеприимный грек. Мой муж саблей срубил в парке елочку, украсил ее орденами (их было у него много: две бриллиантовые персидские

звезды Льва и Солнца, золотая от Эмира Бухарского, Белый Орел, Владимир 2-й степени с мечами и много, много медалей и младших наград; Георгиевский же крест он всег-

недостатком времени научил меня исправлять работы и задачи юнкеров по тактике и, зная языки, переводить с немецкого на русский важные военные документы для Глав-

**К**

**убанцы были изумлены, когда молодая женщина продемонстрировала им свое мастерство в верховой езде и стрельбе. Молва о молодой генеральше-наезднице распространилась по всей округе, многие приезжали к хутору, чтобы только посмотреть на нее. А вскоре торжественная делегация от кубанских казаков объявила, что Нина Федоровна Бурова выбрана атаманом партизанского отряда в 200 сабель**

да носил на себе). И так в последний раз мы отпраздновали Рождество на нашей Родине».

В феврале 1920 года Петр Никитич Буров с Добровольческой армией отступил на Новороссийск, а Нина переехала в Горячий ключ.

«Здесь и началась моя партизанская эпопея. Беседы с осколками донских и кубанских частей убедили меня в полной их растерянности и отсутствии какой-либо организации и цели. Не было ответов на вопросы: Что дальше? Куда бежать? Ведь пощады не будет! Получив с детства спортивную подготовку (стрельба, рубка, верховая езда) и в раннем замужестве некоторое военное образование (мой муж, офицер Генерального штаба, был профессором в Виленском военном училище, читал лекции по тактике, за

ного штаба в Петербурге), я стала объяснять окружающим меня действия партизанских отрядов, вспоминая когда-то прочитанную книгу генерала К. «Тактика партизанской войны». На хутор все прибывали новые люди».

Кубанцы были изумлены, когда молодая женщина продемонстрировала им свое мастерство в верховой езде и стрельбе. Молва о молодой генеральше-наезднице быстро распространилась в округе, многие приезжали к хутору, чтобы посмотреть на нее. Визиты эти были опасны и для гостей, и для хозяев. Нина же смотрела со стороны на окружающих ее казаков и удивлялась покорности людей, прежде составлявших костяк российской армии. Реакция на ее выкрик: «Вы не мокрые курицы! Вы — лихие, удалые

казаки кубанские!» — была ошеломляющей.

На следующий день торжественная делегация от кубанских казаков объявила, что Нина Федоровна Бурова выбрана атаманом партизанского отряда в 200 сабель.

«Знаете ли вы, какой наш девиз? — Не сдаваться. Смерть ждет нас. Жертва детьми и семьей на милость Божию. Пробирайтесь через горы в Турцию, продолжать борьбу и набеги».

Казаки перекрестились и хором ответили: «За тобой, Нина Федоровна, — и с Богом».

В перестрелках и боях казацкий партизанский отряд участвовал около 11-ти месяцев. В последнем бою Бурова была ранена пулеметной пулей в грудь и доставлена большевиками в особый отдел Екатеринодара.

В декабре 1922 года за военные действия против советской власти трибуналом 1-й Конной армии Нина была приговорена к высшей мере наказания — расстрелу. Ожидание приговора в камере смертников длилось шесть месяцев. Периодически молодую «атаманшу» избивали шомполами до полусмерти, шрамы остались у нее на всю жизнь, ужасая всех врачей, которые их видели.

— После таких ран не выживают... это невозможно, — слышала Нина.

И смеялась в ответ:

— Как видите, пережить можно все, кроме... собственной смерти. Но у нас с ней договор о ненападении.



*Рисунок Н.Ф. Буровой  
в Майкросском отряде*

1 мая, по амнистии, она получила пожизненный лагерь в Соловках, то есть, как говорили заключенные, «медленный расстрел голодом и холодом». Там Нина отморозила ноги и только молилась, чтобы не ампутировали. Обошлось...

Позже в ее бараке все заключенные умерли от сыпного тифа, а она даже не заболела.

Из Соловков ей помогло выбраться умение рисовать. Нина научилась делать великолепные татуировки. К ней выстраивалась очередь из заключенных, которые платили съестными припасами. Начальство рассудило переправить талантливую художницу в Харьков.

Нина знала, что ее дети должны быть здесь, где-то среди беспри-



*Нина  
Федоровна  
Бурова  
с детьми  
в Вильне  
после  
побега  
из России*

зорников. И вот еще одно чудо: тюремные охранники помогли найти детей и разрешили жить вместе с ней в камере. А потом она узнала, что чуть ли не самым влиятельным человеком в городе является некто Сологуб, бывший адъютант ее мужа, которого тот спас от самоубийства из-за карточного долга, заплатив из собственного кармана.

Нине удалось выяснить, где живет Сологуб, начальник штаба самого командарма Фрунзе, и встретиться с ним у него дома. Она попросила бывшего адъютанта спасти ее и детей. Сологуб молча дал денег, а потом устроил побег Нины с детьми в Польшу. Он немногим рисковал: про «майкопскую атаманшу» уже почти забыли, а изможденная заключенная с двумя маленькими детьми никому не была интересна.

11-го февраля 1924 года Бурова с детьми пересекла советско-польскую границу. Но Польша принимала «москалей» неласково, и она решила, во что бы то ни стало, добраться до Парижа.

Ей это каким-то чудом удалось. Опять чудом!

В 1925 году Нина воссоединилась в Париже с мужем, который считал ее погибшей. Одно время, чтобы заработать на жизнь, выступала в парижском цирке с джигитовкой. В маске и под псевдонимом — все-таки жена генерала, неудобно. Зрители сходили с ума от восторга, а семья Бутовых постепенно встала на ноги.

Нина решила открыть ресторан и для этого окончила специальные кулинарные курсы. Меню в ресторане было чисто русским, а блюда —

отменными. Ресторан быстро стал местом встреч членов царской семьи, французских и английских аристократов, русских писателей — Бунина, Тэффи и многих других.

искусства при Лувре. Когда она все успевала?

Вторая мировая война пощадила семью Буровых, но все равно появилось желание уехать из вечно

**Э**

**мигрировав в Париж, Нина решила открыть ресторан и для этого окончила специальные кулинарные курсы. Меню в ресторане было чисто русским. Этот ресторан быстро стал местом встреч членов царской семьи, французских и английских аристократов, русских писателей — Бунина, Тэффи и других, и приносил неплохой доход, который давал возможность ее детям получить образование в самых престижных учебных заведениях**

Этот эмигрантский ресторан приносил неплохой доход, но требовал восемнадцатичасового рабочего дня. Зато дети получали образование в самых престижных учебных заведениях: сын учился в лицее для детей французской элиты, дочь — в консерватории.

Когда она все успевала — неизвестно, но через несколько лет Нина Бурова получила известность, как художник-преподаватель и журналист с талантливым пером. А когда в семье окончательно воцарилась стабильность и определились профессиональные дороги детей, Нина Федоровна в сорокалетнем возрасте поступила в Сорбонну на факультет психологии и получила диплом и докторскую степень. Вскоре к этому прибавился диплом об окончании Курсов византийского

грозящей войнами и революциями Европы в более спокойное место. О возвращении в Россию не могло быть и речи: слишком страшными оказались судьбы вернувшихся, которых на первых порах приняли хоть и прохладно, но приветливо, а потом методически уничтожили в тюрьмах и лагерях.

Бурову особенно потрясла судьба дочери Марины Цветаевой, Ариадны, которая вернулась на родину по идейным соображениям — помогать строить новый мир, и угодила прямиком в концлагерь на долгие двадцать пять лет. Ни в чем не повинная, юная, восторженная девушка...

Какая же судьба могла ждать «майкопскую атаманшу» и генерала, приближенного к последнему российскому императору?

В начале 1950-х годов супруги Буровы уехали в США к сыну, который обосновался там еще до войны. Петр Никитич, с которым Нина прожила почти полвека, там и скончался в 1956 году.

Несмотря на постигшее ее горе, Нина Федоровна продолжала преподавать искусство, иконографию и язык и знакомить американцев с русской живописью. Кроме того, постоянно публиковалась в русской периодической печати: в газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Русская жизнь» (Сан-Франциско), «Русская мысль» (Париж), писала рецензии на книги.

Занималась она и портретной живописью, писала иконы в византийском стиле. Стала членом Конгресса русских американцев и Русской академической группы в США. Основала Общество русско-американских художников в Калифорнии. Сотрудничала в комитете по выборам президента США.

В 1990 году в Вашингтоне увидел свет ее сборник исторических очерков, объединенных под общим названием «Река Времен». (Название это взято из державинского стихотворения.) Открывает сборник очерк о двуглавом орле — гербе Российской империи. Есть в нем очерки о наших прославленных соотечественниках — Достоевском, Гоголе, Пушкине, Державине, Анне Ярославне — королеве Франции, Екатерине Великой, генерале Корнилове, есть и автобиографические мате-

риалы — биография генерала Бурова, рассказ о действиях майкопского отряда. А также немало калейдоскопически интересной информации о тайнах средневековых готических соборов, о чуть было не состоявшемся романе будущего русского царя Александра II и английской королевы Виктории, об эзотерических знаниях древних египтян, о дощечках Изенбека с текстом таинственной Велесовой книги и о многом-многом другом.

В 1993 году в Вашингтоне была проведена выставка художественных работ Буровой, посвященная столетию со дня ее рождения. Эту выставку открывала сама Нина Федоровна — не в инвалидном кресле и не с палочкой, а стоя на собственных все еще стройных и красивых ногах.

«У меня со смертью договор о ненападении...»

Смерть свою часть договора выполнила. Прожив 104 года, Нина Бурова тихо скончалась во сне.

До последнего дня жизни она не признавала халатов и шлепанцев, даже дома ходила в элегантных платьях и туфельках, с непременным маникюром и легким макияжем. И еще любила напоминать, что она — русская, и говорила на таком изумительном чистом языке, которого в обожаемой ею России уже невозможно было услышать.

— Я русее всех вас, — подчеркивала она при каждом удобном случае.

А может, и правда — русее... была? □




A portrait of Maria Makeeva, a young woman with long, wavy brown hair, wearing a blue polka-dot top. She is looking upwards and to the right, with her hands raised behind her head. The background is a blurred indoor setting.

Фото:  
Елена  
Кондратова

# Мария Макеева

*«Мы, певицы, —  
проводники  
классической  
музыки»*

Мария Макеева — молодая талантливая солистка Московского государственного театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, лауреат международных конкурсов, стипендиат Фонда Муслима Магомаева, а также участница концертных программ Международного благотворительного фонда Владимира Спивакова.



*«Дон Жуан». Донна Анна*

Фото: Сергей Родионов

**— Мария, что нового происходит в вашей творческой жизни сегодня?**

— В 2018 году мой родной театр, в котором я работаю семь лет, отметил свой юбилей — Московскому музыкальному академическому театру имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко исполнилось сто лет! Для каждого из нас, кто служит нашему театру изо дня в день, это событие очень трепетное и долгожданное. Счастье быть в такой юбилейный год частью нашего театра, можно сказать, войти в историю. Нам есть чем гордиться, и мы благодарны нашим дорогим основателям за этот уникальный театр.

В юбилейном сезоне мы показали оперу Сергея Прокофьева «Война и мир», прежде этот грандиозный

спектакль уже был в репертуаре театра, теперь же его восстановили в связи с проведением Фестиваля Сергея Прокофьева.

Кроме этого, на Малой сцене нашего театра состоялась премьера оперы Томаса Морса «Фрау Шиндлер». Дирижер-постановщик — Тимур Зангиев, режиссер — Владимир Алеников. Опера современного американского композитора продолжает тему, начатую в картине «Список Шиндлера» Стивеном Спилбергом. Морс на протяжении нескольких лет работал над партитурой произведения, героиней которого стала Эмилия Шиндлер. Это история об ужасах войны, о силе духа, о борьбе за жизнь.

Также планируется несколько концертов в Европе. Проекты интерес-

ные, музыка — потрясающая! Сейчас идет активная подготовка.

**— В 2018 году вы стали победителем Третьего международного оперного конкурса в городе Монтекатини Терме, в Италии. На протяжении более чем трех десятилетий это был фестиваль, который собирал лучших музыкантов и певцов со всего мира. Расскажите, пожалуйста, об этом.**

— Я не любитель конкурсов. Для них необходим определенный азарт, умение и желание себя показать, преподнести... Мне больше нравится выступать на сцене в спектаклях, быть частью творческого процесса, коллектива, создавать и проживать историю своей героини от начала до финала.

Конкурс — это совсем иное, и не каждый артист может проявить себя сразу... Но для новых перспектив и личного роста конкурс — это, скорее всего, необходимость, которая требует огромного вложения сил, и предшествует ему большая подготовка. У каждого конкурса свои правила и свой режим, порой очень жесткий.

Фестиваль оперы — визитная карточка Монтекатини Терме, с 2014 года в рамках фестиваля реализуется Международный образовательный проект «МОА — Монтекатини Опера Академия», созданный для совершенствования молодых исполнителей, вокалистов со всего мира, желающих утвердиться на мировой

сцене... Руководитель Академии Оперы в Монтекатини Терме — Мария Джулия Граццини. Главный дирижер нашего театра — Феликс Павлович Коробов — президент жюри вокального конкурса.

В конкурсе прошлого года певцы могли пробовать себя в двух категориях. Первая — так называемая, свободная, когда вокалисты сами имеют право выбирать арии, на свое усмотрение. Вторая категория, в которой я участвовала, певцы претендовали на исполнение сольных партий в опере «Травиата» Джузеппе Верди: соревновались в мастерстве Виолетты, Альфреды, Жермоны, Анины, Флоры, бароны. Победители получали право выступить в опере «Травиата» в 2019 году в Монтекатини Терме. Благодаря своему театру я имела честь представлять Виолетту, и этот опыт сыграл, наверное, главную роль. Я очень рада, что мне посчастливилось петь в этом прекрасном историческом городе.

Монтекатини Терме — старинный, завораживающий своей атмосферой город на воде, во все времена он был центром встреч культурной элиты, его посещали Верди и Россини, Пуччини, Леонкавалло, Тосканини, Карузо...

Этот опыт мне очень дорог, и я благодарна Феликсу Павловичу Коробову, именно он рассказал мне об этом конкурсе и вдохновил меня на поездку в Монтекатини.

**— Кто из композиторов вами особенно любим?**

— Обожаю Пуччини, Верди, Моцарта, Массне, Генделя, Чайковского, Прокофьева... Их творения божественны, это музыка невероятной красоты и глубины, она — гениальная, вечная... О любимых композиторах можно говорить бесконечно, как и о любимых партиях, которые исполняю или мечтаю исполнить...

**— Кто оказал влияние на ваш жизненный выбор — стать певицей?**

— Это мой личный выбор и только мое желание! Мои родные: мама, папа, брат, бабушка — все с хорошим слухом, и часто в детстве мы пели всей семьей под гитару или а сарелла в многоголосие. Но профессия моих

близких далека от сцены. Я родом из Новокузнецка, мама — полковник УФМС УВД в отставке, папа работает на заводе.

Во втором классе, где-то полгода, ходила заниматься на фортепиано, но затем уроки сошли на нет... Потом, в возрасте 14 лет, я твердо решила петь, и мой друг посоветовал пойти на занятия в хоровую студию, где занималась его сестра. Я пришла в Детскую хоровую студию «Надежда» на генеральную репетицию... увидела хор в полном составе — человек пятьдесят. Голоса хористов так потрясающе звучали, что навсегда заворожили меня своим пением, и я осталась. Создатель хора, художественный руководитель и дири-



*«Волшебная лампа Аладдина».*

*Бадр-аль-Будур*

Фото:  
Вера  
Кузнецова

Справа:  
*«Травиата».*  
*Виолетта Валери*

Фото:  
Сергей  
Родионов



жер Курихина Нина Константиновна, заслуженный работник культуры РФ, стала моей крестной мамой в мире музыки. Я попала в Детскую хоровую студию «Надежда», поступила в музыкальную школу при ней и через год стала заниматься вокалом. А еще через год попала в вокальный класс к Нине Константиновне Курихиной. Благодаря ее таланту и профессионализму, именно она влюбила меня в музыку, я поняла, что жизнь без музыки для меня не имеет смысла.

По окончании школы я поступила в местный вуз КузГПА на естественно-географический факультет, но занятия музыкой продолжала, съездила на «Сибирскую романсиаду», стала лауреатом 3 степени, и появилась надежда, что что-то может

получиться. Затем мы поехали вместе с Ниной Константиновной в Москву, где ее знакомая, солистка Большого театра Ирина Михайловна Журина, посоветовала мне поступать в ГИТИС. Это было самое верное и счастливое для меня решение!

Я поступила на курс музыкального факультета ГИТИСа, в мастерскую народных артистов России, профессоров А.Б. Тителя и И.Н. Ясуповича. В класс профессора, народной артистки Армянской ССР, К.П. Лисициан.

**— Кто из педагогов оказал на вас особенное влияние?**

— В жизни мне очень везет на педагогов, все они — невероятные!!!

Нина Константиновна Курихина заботится и поддерживает меня на про-



«Сказание  
об Орфее».

Эвридика

Фото:  
Сергей  
Родионов

тяжении семнадцати лет, она всегда рядом!

Карина Павловна Лисициан — педагог, который меня «ограняет» как изысканный Мастер, помогает настроиться на роль, подготовиться к партиям и всегда все это делает с огромной любовью и заботой!

К.А. Васильева, концертмейстер в классе Марины Павловны Лисициан, — потрясающий профессионал своего дела. В театре у меня тоже появилась «волшебная фея» — Галина Константиновна Михеева. Человек, который всегда помогает найти самый правильный подход к любым партиям.

А.Б. Титель — наш педагог, человек, который для нас является проводником в мир искусства, музыки и сцены, который вкладывает в своих студентов и артистов свой богатый опыт, знания, прививает вкус,

эстетику и музыкальное осмысление происходящего на сцене.

Вообще, в жизни певцов очень много педагогов, мы работаем над партиями с коучами, концертмейстерами, дирижерами. У каждого свой опыт и своя энергия, которой они с нами делятся. Это все наполняет нас, певцов, и развивает.

**— Вы владеете иностранными языками? Ведь нередко партии приходится петь на языке оригинала...**

— Счастье нашей профессии в том, что мы поем на разных языках. Когда мы готовим партию на новом для нас языке — нам делают подстрочный перевод в театре, затем сама работаю над текстом, благодаря переводчикам и словарям, так я сближаюсь с языком, и он становится для меня объемным и звуча-

щим. С артистами работают также коучи, чтобы научить точно воспроизводить фонетику языка.

**— Какими качествами должен быть наделен оперный певец?**

— Здоровьем, выносливостью, умом, достойным вкусом, хорошим чувством юмора и желанием постоянно и много работать над собой.

**— Театр — живое искусство, в чем его сложности, как вы считаете?**

— В театре все происходит здесь и сейчас. На сцене идет один и тот же спектакль из года в год, и каждый раз он разный. Живое искусство сложно тем, что сегодня ты можешь выступить, сыграть великолепно, а завтра — уже не так, и наоборот. Свою партию певец должен постараться спеть так, как того хотел композитор, не мешать задуманному, чтобы каждый зритель, сидящий в зале, затаив дыхание, вкушал и наслаждался. Если вышел на сцену — пой качественно.

Мы, певцы, — проводники великой классической музыки, если певец поет легко, красиво, то и зритель увлеченно и с легкостью воспринимает произведение, у него появляется желание еще раз прийти и услышать его. Музыка — вот что первоначально для певцов.

Каждый раз, начиная работу над партией, задаю себе вопрос: смогу ли я спеть как должно, как это задумал композитор? И знаю, что нужно много и постоянно работать над со-

бой, чтобы улучшить результат. Надо петь так, чтобы зрителям было интересно, чтобы они сразу включались в процесс спектакля и были его участниками.

Сегодня нужно выступить лучше, чем вчера, — это то, к чему я стремлюсь. □

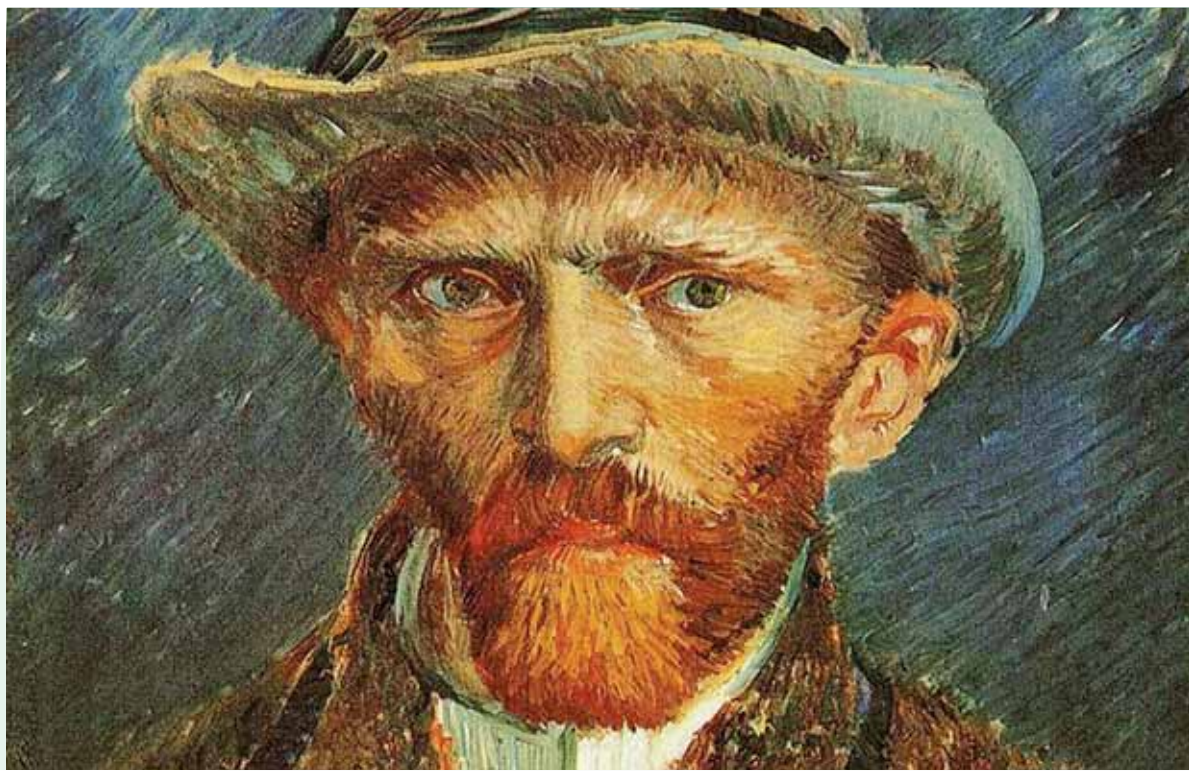
Беседовала **Елена Воробьева**



Фото:  
Дарья  
Елизарова

Виктор Ом

# Ван Гог



«Как трудно  
быть простым!»



1890 год обещал быть успешным для Ван Гога. Впервые была продана его картина — «Красные виноградники».

В журнале «Меркюр де Франс» появилась статья о его творчестве.

---



Здоровье улучшилось. Из психиатрической лечебницы Сен-Реми он переселился в живописный городок Овер близ Парижа. Здесь за два месяца он написал около 80 картин, в том числе и портрет доктора Гаше, ставшего ему близким другом.

Овер вообще очень полюбился художникам. Добины построил здесь мастерскую — прямо в саду. Камиль Писсаро часто навещался из расположенного неподалеку Понтуазе. Сезанну, Ренуару и Моне нравилось работать в этом поэтичном месте. И все они бывали в доме доктора Поля Фердинанда Гаше.

Гаше был страстным любителем живописи. Он и сам рисовал, занимался офортом, гравюрой. Подписывал свои работы «Р. Ванн Рейсел», что означало на фламандском «из Лиля». Он даже выставлялся в Салоне Независимых вместе с импрессионистами, которых высоко считал. Это был своеобразный и разносторонне образованный человек, вольнодумец, нонконформист и альтруист. Он состоял в Антропологическом обществе, Обществе Ламарка и Историческом обществе Пасс и Отейя.

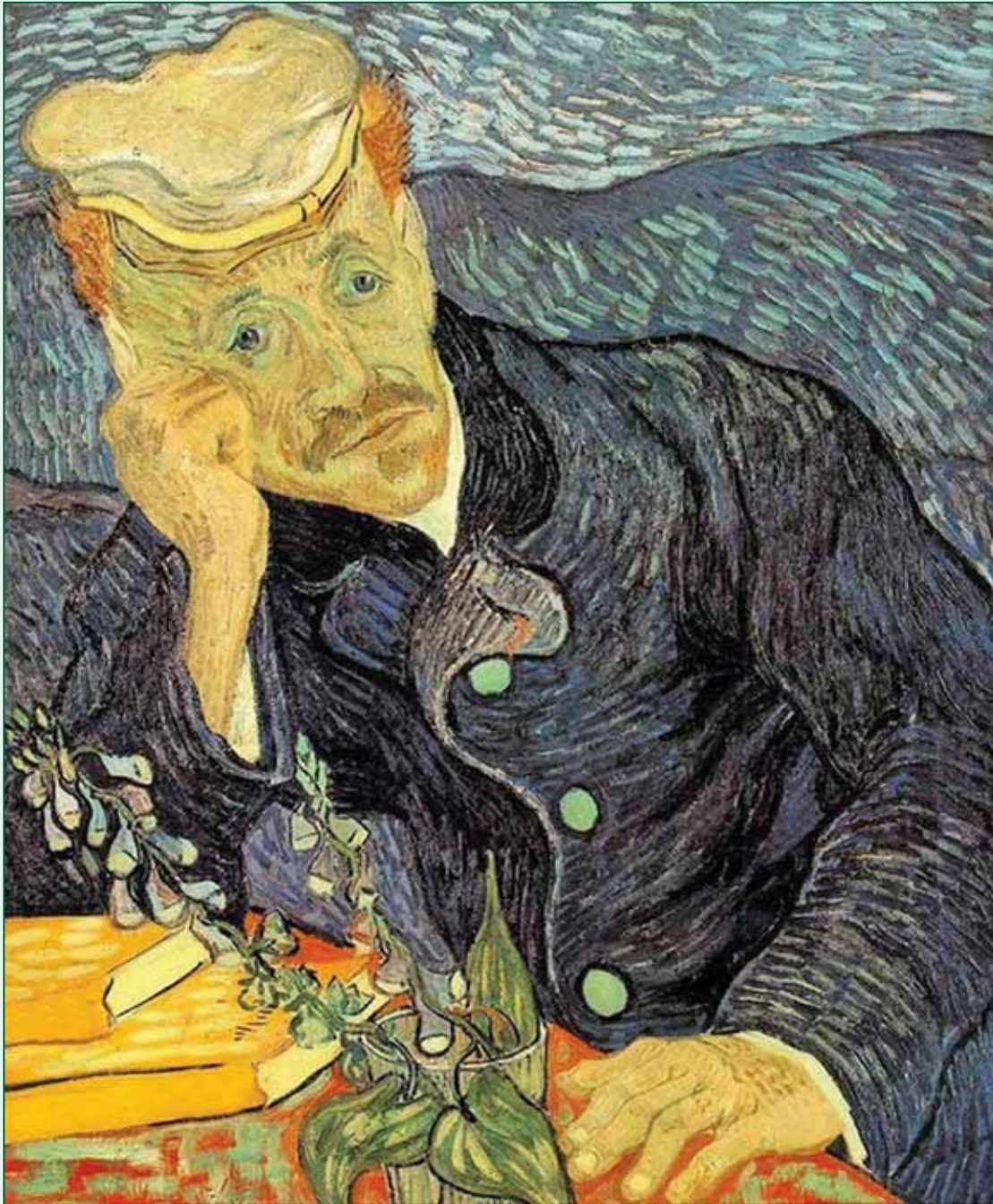
Кроме своей основной врачебной специализации — урологии, Гаше слыл знатоком сердечных и нервных заболеваний. Был новатором в медицине: одним из первых заинтересовался гомеопатией, изобрел состав антисептического раствора, использовал электричество для лечения некоторых почечных заболеваний.

В Овере он не практиковал. Здесь, на улице Вессно, у семьи Гаше был двухэтажный дом с прекрасным садом, уступами спускающимся по холму. Доктор, которому в то время было 62 года, наезжал сюда трижды в неделю. С тех пор как умерла его жена, он все больше погружался в меланхолию. Спасало общение с уже взрослыми детьми — Полем и Маргаритой.

Ван Гог появился у Гаше с рекомендательным письмом от брата Тео. Из всей родни именно младший брат Тео стал самым близким человеком для Винсента. Всю жизнь он поддерживал брата материально, пытался продавать его картины и, несмотря на то, что это не всегда удавалось, верил в его талант. Теперь Тео просил доктора Гаше взять больного художника под опеку.

Винсент же, переступив порог дома на улице Вессно, боялся одного — равнодушия. Однако доктор оказался на редкость обаятельным человеком. Побеседовав с Винсентом, он посоветовал ему больше работать и забыть о болезни. Гаше знал: психиатрическое лечение требует терпения и времени, он очень надеялся, что здешняя природа окажет благотворное воздействие на израненную психику художника...

Дом доктора походил на музей. Чего здесь только не было! Дельфтские вазы, старинная мебель, итальянский фаянс, но главное — картины. Работы Сезанна, Гийомена, Моне, Сислея, Писсарро...



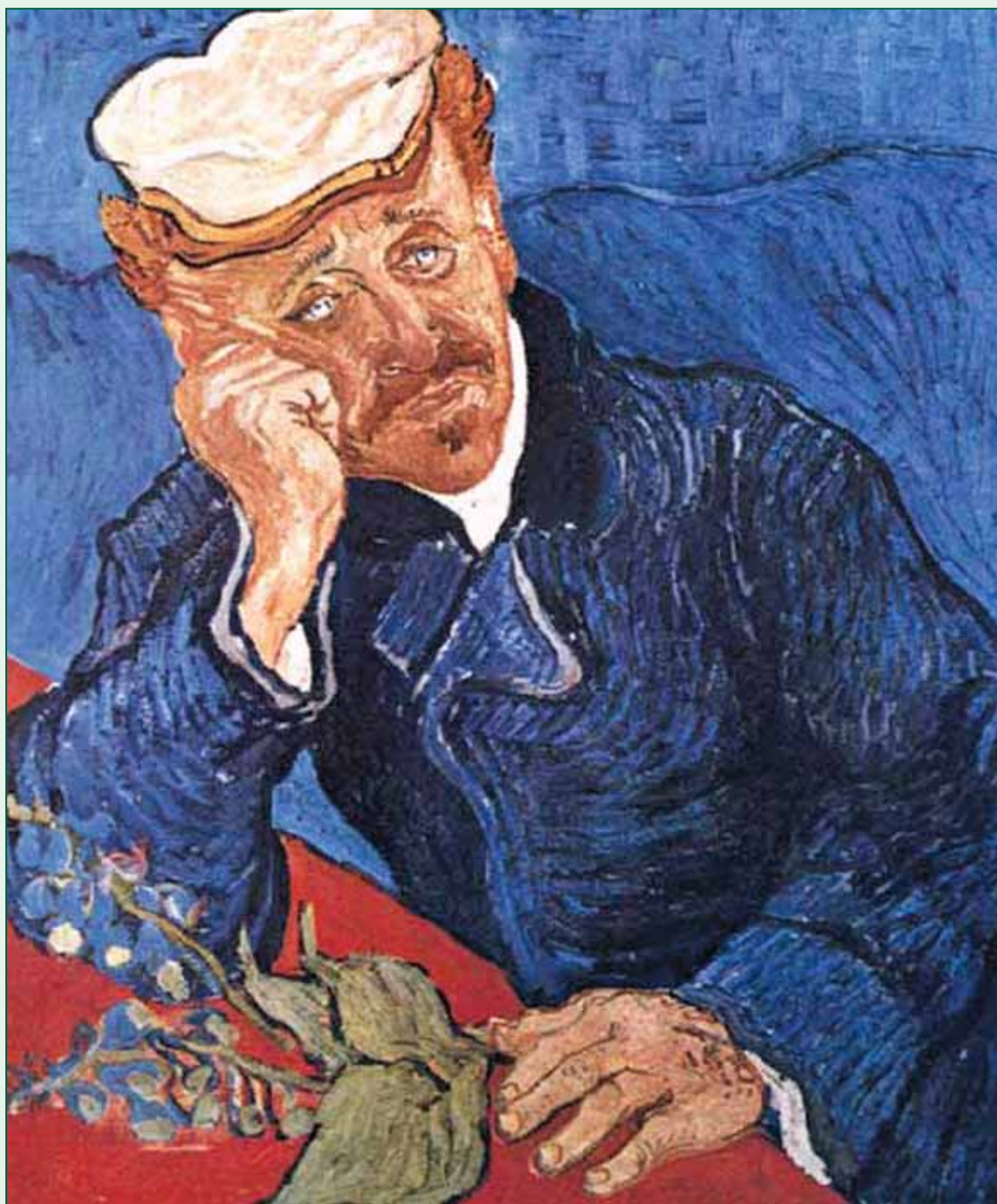
*«Портрет доктора Гаше» (первый вариант)*

---

Гаше и Ван Гог сразу почувствовали симпатию друг к другу. Долго пили чай, говорили об искусстве, о старых мастерах, о выставках современных художников. Доктор оживлялся, его лицо светилось улыб-

кой — тихой улыбкой много повидавшего, уставшего от жизни человека. Не тогда ли Ван Гог и решил взяться за его портрет?

Винсент писал брату, что Овер радует его деревенской красочно-

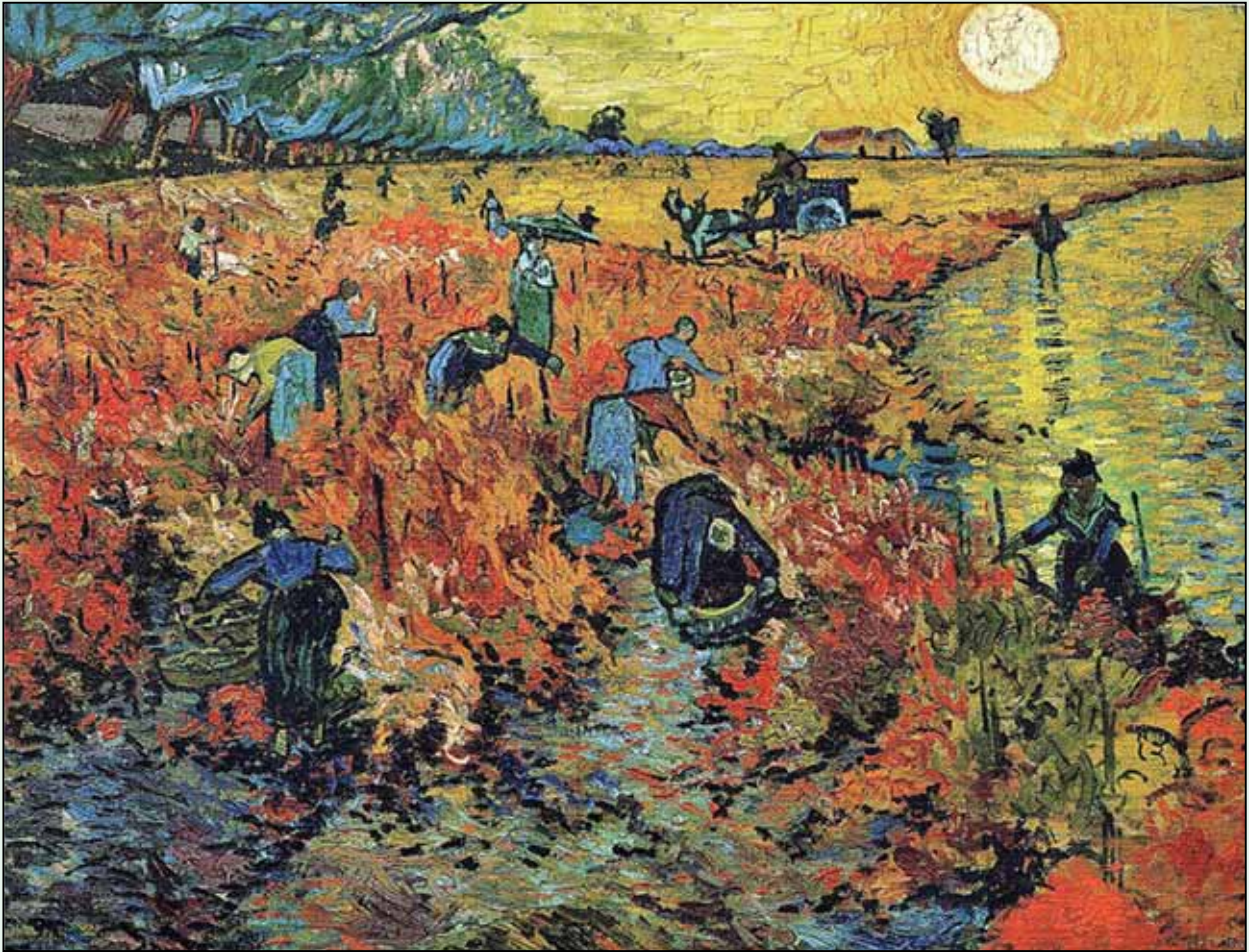


*«Портрет доктора Гаше» (второй вариант)*

стью, что старые соломенные крыши напоминают родной Брабант, что симптомы его болезни исчезли. После стольких месяцев больницыного заточения дни казались ему неделями. Он не мог остано-

виться, писал не только днем, но и ночью.

Их общение с доктором Гаше внешне мало напоминало врачебный контроль. Непринужденная беседа, как правило, заканчивалась обедом,



*«Красные виноградники в Арле»*

после чего Винсент с этюдником уходил в прекрасный сад доктора, где работал дотемна...

Однажды Гаше решил навестить своего пациента. Поднявшись в мансарду над кафе, где художник снимал комнату у хозяина заведения Раву, он долго рассматривал его работы... Буйство красок на холстах Ван Гога резко контрастировало с убогой, обшарпанной комнатенкой. Тогда доктор и произнес знаменательные слова: «Как трудно быть простым!»

У него, знавшего многих художников, не вызывало сомнений: этот че-

ловек, недавно выписанный из сумасшедшего дома, — гений! Доктор вдруг остро осознал свою ответственность за здоровье Ван Гога. Почувствовал, что здесь требуются не только врачебные приемы. Еще важнее и нужнее — человеческое сострадание...

Теперь врач и художник понимали друг друга с полуслова. Между ними установился духовный контакт. Их взгляды на живопись совпадали. Да и в характерах, склонных к меланхолии, было сходство. Винсент писал брату: «Он такой же больной и нервный, как мы с тобой... Работаю

сейчас над его портретом: голова в белой фуражке, очень светлые и очень яркие волосы; кисти рук тоже светлые, синяя куртка и кобальтовый фон. Он сидит, облокотясь на красный стол, где лежит желтая книга и веточка наперстянки с лиловыми цветами. Вещь сделана с тем же настроением, что и мой автопортрет, который я захватил, уезжая сюда. Г-н Гаше в безумном восторге от этого портрета и требует, чтобы я, если можно, написал для него точно такой же, что мне и самому хочется сделать».

В этом портрете оригинально все — начиная с неожиданно динамичной, диагональной композиции. Очень выразительна поза доктора: одна рука словно с трудом удерживает голову, а вторая безвольно брошена на стол. Лицо монохромно, почти бесцветно. И действительно, разве бывают цветущими меланхолики? Рисунок очень выразителен. Все линии, сам ритм мазков ведут взгляд к глазам... Про такие глаза в народе говорят: «выцвели от невыносимой тоски». Те, кто знал доктора, говорили, что до смерти жены он был другим человеком — жизнерадостным, азартным, сильным, жаждущим всего нового!

«Я предпочитаю писать глаза людей, а не соборы, ведь в глазах есть нечто, чего нет в соборах, при всей их торжественности и величественности. Человеческая душа, пусть даже душа несчастного нищего, на мой взгляд, гораздо интереснее», — признавался Ван Гог. Как художник

достигает такой глубины? Прежде всего — точно найденным композиционным решением, экспрессией линий, выразительными контурами, цветовыми контрастами. При этом он избегает эффектов демонстрации мастерства. К этому Ван Гог привел весь его десятилетний напряженный поиск. Говорят же, что всякий творец проходит три этапа в своем творчестве: на первом этапе пишет просто и плохо, на втором — сложно и плохо, и только на третьем — просто и хорошо... Ван Гог написал этот портрет просто и... гениально!

Нынче этот портрет находится в парижской галерее «Же де Пом». Ван Гог выполнил просьбу доктора Гаше, сделал еще один портрет — похожий, но не копию первого. У доктора появилась надежда, что состояние его пациента значительно улучшилось. Навестив Тео в Париже, он сказал: «Ваш брат совсем выздоровел».

Это было очень похоже на правду... Винсент действительно чувствовал себя превосходно. Замок в Оверре, пшеничные поля вокруг, подлески, сад Добины... Он никогда еще не работал с такой поразительной быстротой. В мансарде над кафе мсье Раву буквально росла гора картин.

В воскресный день, 6 июля 1890 года, Винсент по приглашению брата приехал в Париж. В доме брата царил уныние — все болели... Иоханна, жена Тео, опасалась за жизнь ребенка. Обсуждали, где провести предстоящее лето. Вопреки жела-

нию Винсента, Тео с женой и детьми решили поехать в Голландию. И что-то было сказано еще... Что именно, мы уже никогда не узнаем. Можем только предполагать. Может быть, Винсента упрекнули в том, что он давнишняя обуза для семьи. Так или иначе, он вернулся в Овер со смертельной раной в душе. Пытался работать — кисть выпадала из рук. Написал брату — тот не ответил. Не находя себе места, Винсент поспешил на улицу Вессно — доктор Гаше был в отъезде. Несколько дней он бродил в одиночестве по улочкам Овера, стараясь успокоиться. Выглядел мрачным и встревоженным. Как-то вечером даже признался хозяину кафе, что у него уже нет сил жить дальше. В письме Тео от 23 июля он писал: «Мне о многом хотелось сказать тебе, но потом желание пропало, и вдобавок я чувствую, что это бесполезно». Ему все казалось бесполезным. Он чувствовал себя неудачником, инвалидом, живущим за чужой счет.

В один из дней Винсент с этюдником поднялся на вершину холма, где над хлебными полями с карканьем носились вороны. Безысходная тоска водила его рукой, прокладывая на холсте среди рыжеватых просторов хлеба глухие тропинки, которые вели в никуда... Над огненно-оранжевым заревом созревших злаков — небо необычайно синего, сурового и тревожного цвета. «Вороны над полем пшеницы» — так безобидно называется картина, где небо со-

шлось с землей, будто заранее отнимая всякую надежду.

7 июля с полудня до сумерек Винсент бродил в полях по окрестностям Овера. Был воскресный день, стояла жара. Городок погрузился в сонную дрему. Крестьянин, повстречавшийся с художником на дороге, слышал, как тот бормотал: «Это невозможно! Невозможно!»

Остановившись у оверского замка, Ван Гог вынул пистолет, одолженный под каким-то предлогом у Раву, направил ствол себе в грудь и нажал на курок... Черные вороны сорвались с крыши, каркая и кружа над замком...

Семейство Раву приступило к ужину, когда в дверях появился Винсент. Он быстро прошел мимо и поднялся по лестнице в мансарду. Госпожа Раву заметила, что Винсент держится за бок. Чуть позже папаша Раву, услышав стоны, стал стучаться к нему, но художник не отзывался... Взломали дверь!

Винсент лежал на кровати в кровле, отвернувшись к стене. Побежали за доктором Гаше. Винсент повторил доктору то, что сказал трактирщику: он хотел покончить с собой. Рана оказалась смертельной, надо было срочно известить о случившемся брату. Пока разыскивали Тео, только что вернувшегося из Голландии, пока он домчался до Овера, прошло много времени. Рядом с угасающим Винсентом оставался сын доктора Гаше Поль. Ван Гог попросил трубку



«Вороны над полем пшеницы»

и молча курил. Он дождался Тео и успел сказать ему: «Не плачь, так будет лучше для всех».

Художнику было всего — тридцать семь лет...

За полтора года до смерти Винсент писал брату: «Я верну деньги или умру». Денег он не вернул, а те восемьсот шедевров, которые Ван Гог написал за девять лет отчаянно-подвижнического труда, пылились в ожидании покупателей. За всю его жизнь была продана только одна картина — «Красные виноградники в Арле».

Современники были к нему несправедливы. Его творчество отвергали даже те, кто считал себя знатком живописи.

Прошло столетие, и на мировых аукционах работы Винсента Ван Гога стали продаваться по «фантастиче-

ским» ценам! За духовную глухоту, за страх перед всем новым в искусстве гения, не признанного современниками, попросил прощения лишь выдающийся русский поэт Арсений Тарковский:

*Пускай меня простит Винсент Ван Гог  
За то, что я помочь ему не мог,  
За то, что я травы ему под ноги  
Не постелил на выжженной дороге,  
За то, что я не развязал шнурков  
Его крестьянских пыльных башмаков,  
За то, что в зной не дал ему напиться,  
Не помешал в больнице застрелиться.  
Стою себе, а надо мной навис  
Закрученный, как пламя, кипарис.  
Лимонный крон и темно-голубое, —  
Без них не стал бы я самим собою;  
Унизил бы я собственную речь,  
Когда б чужую ношу сбросил с плеч.  
А эта грубость ангела, с какою,  
Ведет и вас через его зрачок  
Туда, где дышит звездами Ван Гог. □*

Ирина Опимах

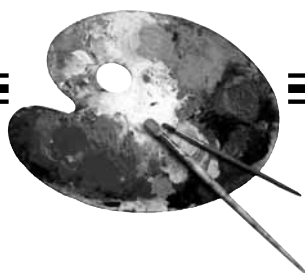
# ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ



*А.Е. Яковлев, В.А. Шухаев. Автопортреты*



В петербургской Академии художеств в первое десятилетие XX века одним из самых любимых преподавателей был Дмитрий Николаевич Кардовский. В его мастерской молодые художники чувствовали себя свободно, раскованно. И всегда знали, что мастер непременно найдет для них правильное слово, даст дельный совет. В 1906 году в мастерскую попал Александр Яковлев, а в следующем учеником Кардовского стал Василий Шухаев. Они как-то быстро подружились. Одногодки (оба родились в 1887 году), оба талантливые, оба готовые посвятить всю свою жизнь искусству, они происходили из совсем разных кругов. Отец Александра Яковлева был морским офицером, мать — доктором математических наук, первой среди женщин, сестра — знаменитой оперной певицей, старший брат, архитектор и инженер, — одним из первых русских авиаторов. А Шухаев родился в семье сапожника, рано стал сиротой. Но как-то так получилось, что у этих очень разных молодых людей была одна общая страсть — искусство, и это сделало их друзьями, очень близкими людьми на всю жизнь.



Многие ученики Кардовского приходили в его мастерскую не только на занятия живописью — здесь говорили об искусстве, вели беседы на философские темы, обсуждали социальные проблемы, яростно спорили — искали истину, просто отдыхали и устраивали вечеринки. Вот и после Рождества, 9 января 1909 года, тут устроили костюмированный вечер — сохранилась большая фотография, на которой запечатлены его участники в маскарадных костюмах. И среди них — два друга, два будущих выдающихся художника, Яковлев и Шухаев. В тот вечер

основным в программе был спектакль «Балаганчик», поставленный по пьесе Блока, недавно с успехом прошедший на сцене театра Комиссаржевской. Яковлев сыграл Арлекино, а Шухаев — Пьеро.

Все их приятели, и они сами, «болели» в то время театром, и неудивительно, что когда в 1910 году в Петербурге открылся театр «Дом интермедий», они тут же пришли туда. Да и как было не прийти в этот театр! Там было все необычно: зрители сидели за столиками, как в кабаре, и могли просить во время представления напитки и даже какую-то еду — то есть



*Александр  
Яковлев.  
Авто-  
портрет*

чувствовали себя свободно. Атмосфера юмора, тонкого вкуса, изысканных текстов — все это быстро превратило «Дом интермедий» в центр культурной жизни российской столицы. Руководили театром известный поэт Кузмин, художник Сапунов и главное — сам Мейерхольд! Он выступал под именем Доктор Доппертутто (скрывался под псевдонимом, поскольку режиссеру Императорского театра не пристало заниматься столь легкомысленными де-

лами). В репертуаре «Дома интермедий» были небольшие пьески, водевили, фарсы. Театр просуществовал недолго — всего два года и дал всего лишь 25 представлений, зато какие это были представления! О них говорил весь Петербург!

Одной из постановок Мейерхольда в «Доме интермедий» был «Шарф Колумбины» Шницлера, ставший гвоздем первого сезона. Так случилось, что первые исполнители ролей Арлекино и Пьеро спустя какое-то

время ушли из театра, и их роли отдали Яковлеву и Шухаеву.

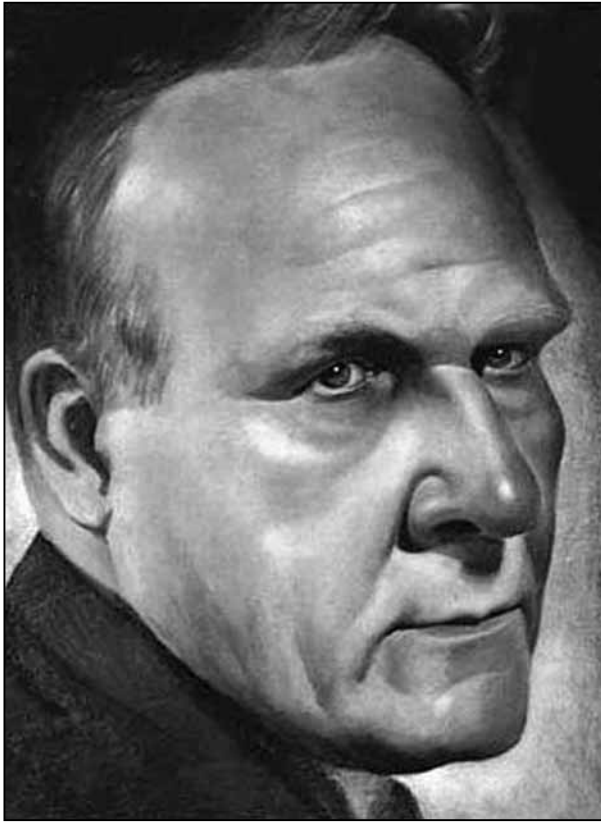
«Это было счастливейшее время, — позже вспоминал Шухаев. — После занятий в Академии мы шли в театр играть свои роли. Мы жили полной, насыщенной искусством жизнью... Нам так понравился этот театр, что мы все свободные вечера проводили в нем. Там мы перезнакомились со всеми актерами и с самим Мейерхольдом!»

Яковлев и Шухаев оказались неплохими актерами, и Дягилев даже предлагал Шухаеву стать артистом в его труппе. «Бросайте свою академию и вступайте на сцену, актер вы первоклассный, а художник еще неизвестно, какой из вас выйдет», — говорил он.

Позже, вдохновленный успехом своих постановок в «Доме интермедий», Мейерхольд задумал поставить еще одну пантомиму — «Влюбленные» на музыку Дебюсси, причем сюжет придумал для нее сам режиссер. И вот тут он поручил Шухаеву и Яковлеву всю оформительскую работу — и костюмы, и декорации. И, конечно же, друзья выступили на сцене как актеры.

Зрители увидели «Влюбленных» в январе 1912 года на сцене домашнего театра адвоката Карабчевского, располагавшегося на Знаменской улице. Спектакль так понравился, что уже вскоре Мейерхольд поставил его второй вариант — уже силами Товарищества актеров, писателей и музыкантов и художников в Териоках. Только вот Шухаев и Яковлев

в нем участия уже не принимали — Яковлев летом жил на академической даче в Вышневолоцком уезде, писал этюды к важной работе — групповому портрету студентов Академии художеств, а Шухаев заканчивал в Петербурге грандиозное полотно «Вакханалия», которое было представлено на конкурс и вызвало хвалебные отзывы прессы. Полотно оценило и Общество поощрения молодых художников в Риме («Русское общество в Риме») и пригласило Шухаева посетить Италию, куда он и отправился в конце 1912 года. А спустя год в качестве пенсионера Академии художеств в Италию приехал и Яковлев. В мае 1914 года друзья, как писал Яковлев, «совершили изумительную поездку по Италии и с середины июня обосновались на ближайшем острове Капри», где «полдня сидели в воде, занимались гимнастикой и доводили себя до благородного цвета обитателей острова Гонолулу». И вот там, на Капри, вспоминая недавнее время, занятия в мастерской Кардовского, феерические спектакли Мейерхольда, и себя в ролях героев дель арте, они задумали свой двойной портрет «Арлекин и Пьеро». «Работали мы тут и над пейзажем, над скалами и выполняли давно нами задуманный и разрабатывавшийся портрет, собственно, двойной автопортрет...», — пишет Яковлев, а Шухаев писал Кардовскому, что затеяли они эту работу в знак их крепкой дружбы и в честь их встречи на итальянской земле:



Композиция была довольно проста. Каждый должен был написать свою фигуру — в соответствии с общим эскизом: смуглый, с румянцем на щеках, в ярком, разноцветном костюме Арлекин — Саша-Яша (как звали его друзья) Яковлев, и бледный, романтичный, в белых воздушных одеждах Пьеро — Вася Шухаев. Контрасты в цветах, в настроении героев символизировали противоречия жизни, материи и духа, земного и небесного. Картина демонстрировала их приверженность традициям классического искусства и то новое, что несло их собственное творчество, а еще их теплые отношения, воспоминания о театральной юности, об увлечении сценой, Мейерхольдом.

Яковлев все делал быстро, вот и тут он выполнил свою задачу лег-

ко, затратив недолгое время. А Шухаев все медлил, ждал вдохновения — и в результате работа над картиной затянулась на долгие годы. Спустя почти пятьдесят лет, уже после смерти Яковлева, он все еще дописывал кистью левой руки, держащую бокал, детали костюма, менял фон — вместо двух арок, первоначально венчавших каждую фигуру, написал одну, придавшую законченность композиции.

Тогда, в 1914 году, вместе работая над картиной на Капри, под ярким голубым небом Италии, согретье ее нежным солнцем, они были счастливы. Молоды, здоровы, красивы, полны сил. А еще свободны! Казалось, впереди у них яркая, радостная, наполненная творческими свершениями жизнь....

Они оба стали знаменитыми художниками.

Об Октябрьской революции Яковлев узнал, путешествуя по Китаю, и решил не возвращаться на родину. Приехав в 1919 году в Париж, он снял дешевую комнатенку на Монмартре. Но уже в апреле 1920 года о нем заговорили — в галерее «Барбазанж» с успехом прошла его выставка. Были показаны 169 его работ на темы Востока. О нем узнали и в Англии, и в США — его выставки были организованы в Лондоне (в 1920 году) и Чикаго (в 1922 году), а в 1922 году парижский издатель Люсьен Вошель выпустил тиражом 150 нумерованных экземпляров роскошную книгу с пятьюдесятью его работами — «Рисунки и картины Дальнего Востока».

Слева:

**Василий  
Шухаев.  
«Портрет  
Федора  
Ивановича  
Шаляпина»**



**Александр  
Яковлев.  
«Портрет  
Василия  
Шухаева  
в студии»**

Яковлев, обожавший путешествия и приключения, объездил весь свет, оставив тысячи замечательных картин. В качестве официального художника он принимал участие в экспедициях в Азию и Африку, организованных фирмой «Ситроен. Первая из них, получившая название «Черный рейд», состоялась в октябре 1924 — августе 1925 года. Художник выполнил около

трехсот картин и рисунков, запечатлевших природу Африки и быт туземцев, а также большой групповой портрет участников экспедиции. На парижской выставке в 1926 году, где были показаны эти работы, побывало множество любителей искусства, а Л. Вожель издал второй большой альбом Яковлева — «Зарисовки Африки» тиражом 1020 экземпляров.

Вторую экспедицию «Ситроен» организовал в Азию, и Яковлев снова был ее участником. В этом путешествии он написал около восьмисот работ, которые в 1933 году экспонировались на выставке в парижском особняке Ж. Шарпантье. «Эта выставка, повторяю, событие, — писал А. Бенуа. — Настоящее событие, и не только художественного, но и общекультурного значения. Сумма наблюдений Яковлева действительно баснословна. Она так велика, что действует подавляюще. С трудом верится, что все выставленное сделано одной рукой в очень короткий срок, а очень многое — на месте, в самых неудобных условиях путешествия, в условиях, требующих закаленного здоровья и совершенно исключительной приспособляемости... Когда же убеждаешься, что такой сверхчеловеческий фокус все же произведен руками, интеллектом и волей человека, то невольно проникаешься к нему чувством, похожим на суеверное почтение. В средние века Яковлева заподозрили бы в колдовстве и в пользовании услугами нечистой силы».

Творчество Яковлева после всех этих работ получило международное признание. Еще в 1926 году он стал кавалером ордена Почетного легиона. Его выставки с успехом прошли в Питтсбурге, Нью-Йорке, Амстердаме, Париже, Брюсселе, Копенгагене, Белграде. Увидели его работы и на родине: в 1928 году полотна Яковлева демонстрировались в русском отделе выставки «Современное французское искусство» в Москве и в

залах Академии художеств в Ленинграде.

Александр Яковлев узнал, что такое успех, слава, деньги, только вот долгая жизнь ему была не суждена. 12 мая 1938 года художник скончался — от рака желудка, во время операции.

А вот его другу удалось прожить долгую, насыщенную резкими поворотами жизнь.

В 1914 году, как раз перед Первой мировой войной, Шухаев с женой вернулся в Петроград. Он работал в театре, писал портреты, делал эскизы к большим монументальным картинам. А после Октябрьской революции стал преподавать в Центральном училище технического рисования барона Штиглица, реорганизованного к 1918 году в Высшее училище декоративных искусств. Позже его избрали руководителем мастерской в Академии художеств, а в 1918 году он получил профессорское звание.

Но, видно, большевистская власть ему все же не очень нравилась, не нравились голод, цензура, малообразованные люди, которые вдруг неожиданно обрели власть, и в январе 1920 года Шухаев с женой Верой и супругами Пуни бежал по льду Финского залива в Финляндию, где было имение отца Пуни. Этот побег был настоящим приключением, опасной авантюрой! Но у них все получилось! Вскоре Пуни решили уехать в Грецию, а Шухаевых позвал в Париж давний верный друг Саша-Яша Яковлев. В Париже все у Шухаева сложилось удачно: вскоре он уже препо-

давал в их собственной художественной школе-мастерской, а позже, в 1926–1930-х, — в Русском художественно-промышленном институте и Русской художественной академии Т.Л. Сухотиной-Толстой. В те годы он много и плодотворно работал — сотни полотен, рисунков, театральных эскизов, книжных иллюстраций, монументально-декоративных работ, жанровые картины, натюрморты, пейзажи. Особенно интересны портреты, и среди них — С.С. Прокофьева, И.Ф. Стравинского, Ф.И. Шаляпина.

Все шло просто замечательно. Его работы пользовались успехом, он был принят французскими интеллектуалами, и лучшая часть русской эмиграции считала его своим. Он не нуждался ни в чем — его гонорары обеспечивали вполне благополучную жизнь. И вдруг Шухаев — в 1935 году — принимает решение ехать на родину. Что произошло, кто его уговорил? Возможно, в этом сыграл роль просоветски настроенный издатель Люсьен Вожел, тот самый, который издавал альбомы Яковлева и который, по-видимому, сотрудничал с Коминтерном. Так или иначе, это случилось, и он вернулся в Россию, в Ленинград. Поначалу все складывалось неплохо — Шухаев снова преподавал в Академии, ему дали мастерскую. Но счастье длилось недолго, уж такое тогда было время — в апреле 1937 года его вместе с женой арестовали, обвинив, конечно же, в шпионаже, и осудили на 8 лет ссылки, причем



*Василий Шухаев.  
«Портрет режиссера  
Всеволода Мейерхольда»*

сначала супругов отправили в разные места, и снова они оказались вместе только через два года, в одном из магаданских лагерей. «Дай Бог, чтобы твоя страна тебя не пнула сапожищем», — говорил в одном из своих стихотворений Евгений Евтушенко. Шухаева его страна пнула сапожищем, и сделала это грубо, беспощадно. Он отведал все прелести лагерной жизни — пришлось работать на лесоповале близ поселка Кинжал на Колыме, затем — в ремонтном цехе 4-й автобазы близ лагпункта Стрелка в бухте Нагаева. Наверное, он бы погиб, как погибли многие жертвы сталинских репрессий, талантливые и не очень граждане Советского Союза, но его спас случай.

В 1939 году, просматривая письма зеков, начальник колонии обнаружил в его письме, адресованном жене, автопортрет (Вера писала мужу, что так давно его не видела, что даже забыла, как он выглядит). Стало понятно, что Шухаев — художник, и его назначили оформителем местной самодеятельности, а в 1941 году он даже стал главным художником Магаданского областного музыкально-драматического театра, а его жена Вера, которую перевели в магаданский лагерь, получила место в театральной швейно-вышивальной мастерской театра.

Уже почти перед самой победой, 29 апреля 1945 года супругов Шухаевых освободили — «по отбытии срока наказания». Правда, без права проживания в 16 крупнейших городах страны («минус 16»).

Но Шухаеву всегда везло на хороших людей — режиссер Моисей Вахнянский, с которым художник познакомился в магаданском лагере, пригласил его к себе в Тбилиси. Вскоре у художника появился там свой дом, мастерская и интересная работа — он стал профессором кафедры рисунка в Академии художеств Грузинской ССР, оформлял спектакли Грузинского государственного драматического театра имени К. Марджанишвили, писал портреты деятелей грузинской культуры, жанровые сценки из жизни грузинского народа, принимал участие в многочисленных выставках. А в 1962 году на его персональной выставке в Академии художеств в Ленинграде впервые был

показан «Двойной портрет» — тот самый, который он писал вместе с Сашей-Яшей Яковлевым совсем в другой жизни, на Капри, в далеком 1914 году. Шухаев, наконец-то, закончил картину, дописал некоторые детали, сделал последние добавления и исправления. (Наверное, ни над одной своей картиной он не работал так долго — с 1914 года!) «...Пьеро был не закончен, и мне в течение многих лет не удавалось приняться за окончание. Наконец уже здесь, в Тбилиси, довелось... переписать фон, закончить рюшки в костюме и руку, держащую бокал», — рассказывал он.

В 1968 году в залах Академии художеств СССР в Ленинграде открылась последняя прижизненная персональная выставка, приуроченная к 80-летию художника, показавшая величайшее мастерство и большое значение его творчества для советского искусства.

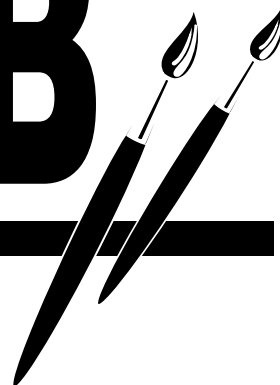
14 апреля 1973 года В.И. Шухаев скончался. Ему было 96 лет. Пройдя суровые испытания, узнав сталинские лагеря, он сумел сохранить и свое искусство, и свою личность.

А «Двойной портрет», на котором запечатлены два замечательных художника, Шухаев и Яковлев, два верных друга, которым досталась яркая — одному короткая, а другому длинная — жизнь, сегодня украшает собрание петербургского Русского музея. Арлекин и Пьеро по-прежнему живы, как живо само творчество Василия Шухаева и Александра Яковлева. □



МОЙ Иван Переверзин

# ГЛАЗУНОВ



8

Можно сказать, спонтанное решение Ильи Сергеевича написать мой портрет вылилось в такое решительное желание, что вскоре имело свое необычное продолжение. На дворе невозмутимо, как ушедший глубоко в себя думающий человек, стояла сумрачная, как бы насупившаяся январская погода, время самых коротких дней. Зимний город, словно непроницаемым панцирем огромной морской улитки, был по всему низкому небу накрыт сплошными темными, волглыми тучами, в которых из-за полного безветрия никак не образовывались колодцы-прогалы, чтобы солнце хотя бы на час-другой, получало возможность радостно озарить землю своими животворными лучами. Снег, под утро то усиливаясь, то ближе к вечеру затихая, все сыпал и сыпал, словно не существовало для

него никакого времени. Дорожные службы с ним не справлялись, хотя по всем городским информационным службам сообщалось, что на очистку столичного города выехало несколько тысяч специальных машин, — и все улицы за какую-то неделю превратились в сплошные сугробы, в которых бульдозеры и грейдеры на проезжей части улицы прорезали что-то вроде туннелей. Но из-за того, что многие автолюбители, не имея возможности ставить машины на специально оборудованные всем необходимым, в том числе и охраной, стоянки, бросали их прямо на дороге, напротив домов, где проживали, туннели получились очень глубокие и узкие — и, как следствие этого, сплошные многокилометровые пробки, значительно уплотнившись, делали передвижение на автомашинах по городу почти невозможным.

Накануне старого Нового года я все же рискнул выехать в центр за покупками, подъехал к Петровскому пассажи, кое-как припарко-

Продолжение. Начало в №№11–12, 2018

вал машину в одном из узких проулков, каким-то чудом сохранившим значительные следы своего старинного каменного обличья. Но, когда, загрузив багажник добрым десятком туго наполненных целлофановых пакетов со всевозможными продуктами к праздничному столу, наконец решил возвращаться, то не мог даже тронуться с места — настолько плотно забились машинами улица... А бесполезный, хотя упрямо и все усиливающийся автомобильный сигнальный гул с пронзительной силой давил на слуховые перепонки, чуть ли не сводя с ума. Простояв достаточно долго, я, наконец, не видя в ближайший час никакой перспективы тронуться с места, бросил на удачу машину и, подхваченный пестрым людским водоворотом, как щепка в ледоход, когда вода в реке вдруг резко начинает падать, спустился в ближнее метро и уже через двадцать пять минут был дома. Машину с помощью знакомого водителя вызволил только глубокой ночью!

В один из таких январских дней по городскому телефону позвонил Илья Сергеевич и попросил меня на ближайшие выходные дни ничего серьезного не планировать — он будет писать мой портрет. Последовавшие за этим с моей стороны бурные возражения он самым решительным образом отмел, да что там — даже слушать не захотел! Делать было нечего, как только тщательно, а главное, спокойно готовиться к позированию, дело ведь тоже не простое — это

только кажется: сиди себе да сиди в одной позе каких-то два часа, а на деле уже через десять минут руки, ноги, шея — все тело затекает так, что лишь благодаря силе воли, словно претерпевая страшные муки, досидишь до конца сеанса! И все-таки я подумал: «Как же это он будет писать, если зимний дневной свет настолько слаб, что не проникает через окна дальше половины моей комнаты, пусть она и длинная? Может, при электрическом свете? Но ведь он сильно искажает черты позирующего? Ладно, что не по своему делу голову ломать, приеду — увижу». И стал, прежде всего, психологически готовиться, ведь позировать надо было с полным душевным равновесием. Как всегда, когда свяжешься с женой в простом вопросе выбора одежды, в какой предстоит выйти в люди, он обернется таким сложным, что потратишь немало времени, чтобы выглядеть поприличней. В этот раз остановились на черном костюме с едва заметными синими полосками, в тон к нему подобрали и галстук.

Строго к указанному часу, минута в минуту, миновав постового милиционера, предупрежденного о моем приезде, — и потому еще при подъезде к воротам он их размеренно распахивает перед машиной и, рукой отдав мне честь, показывает, мол, прошу проезжать — вхожу в дом Глазунова. Услышав мои приветственные слова, хозяин быстро, словно у него за плечами не восьмой

десяток лет, а всего-то три, ну, от силы, четыре десятка, спустился со второго этажа и, сам в рабочей одежде: коричневой рубашке с туго застегнутыми в запястьях рукавами, с вязанным шарфиком красного цвета, свободно повязанным на шее, в черных широких брюках, быстро помог мне раздеться. Но едва я повесил легкое пальто на вешалку-вертушку, стоявшую у самых дверей справа и вышел на более яркий свет, он, окинув мой наряд оценивающим взглядом, удивленно произнес:

— Иван Иванович, как же неудачно вы оделись!

— Илья Сергеевич, не понял... Объясните!

— Дело в том, что у меня уже давно, еще с того времени, как я впервые вас увидел, сложился именно образ поэта! А какой же, извините, поэт в выходном костюме! Но ничего — быстро снимайте пиджак с галстуком и расстегните на две верхние пуговицы ворот рубашки.

Не знаю, почему, но я, словно заколдованный, а скорее всего, просто на некоторое время сбитый с толку событиями подготовки к позированию, продолжал растерянно стоять, лишь широко, безвинно, как какой-то идиот, улыбаясь. Тогда Глазунов, приняв это за желание быть написанным в костюме, мгновенно принял решение, которое для него оказалось в то время единственно верным, и, лишь еще раз смерив меня взглядом, вполне буднично, как будто собирался растирать краски, проговорил:

— Хотите, так сказать, при всем выходном параде, с блеском, с шиком? — И не дождавшись моего ответа, продолжил: — Значит, будем в один и тот же сеанс писать два портрета! Но не в мастерской, там маловато дневного света, а в гостиной — у самого окна.

Действительно, едва я, как всегда, через ступеньку, торопливо поднялся в гостиную, то сразу увидел стоящий рядом с давно отпылавшим камином, напротив окна с непривычно широко раздвинутыми темно-синими гардинами установленный мольберт с холстом, туго натянутым на довольно большой — не меньше метра в высоту! — подрамник. Рядом на небольшом и низком столике лежали палитра и краски всех цветов и оттенков с кистями. Они тоже были и разных размеров, и по своей разной твердости предназначались для разного употребления. Классическая музыка, то ли Бетховена, то ли Стравинского, легкими негромкими волнами успокаивающе разливалась из магнитофонных динамиков, широко разнесенных друг от друга по помещению, создавая своеобразный романтический настрой, видно, очень вдохновляющий тонкую душу художника.

— Иван Иванович, так как в сложившемся у меня образе поэт должен быть изображен в полный рост, то и позировать вам придется стоя. Но не переживайте — первый сеанс займет не больше двух, максимум, трех часов. Все будет зависеть от того, насколько долго продержится

дневной свет, который сегодня что-то уж, как назло, очень скудный, словно просеянный через тучевое сито. Ну, ничего, за этот сеанс для меня главное — это передать на полотне ваш взгляд, а если успею, то и руки, очень уж они у вас характерные, сразу видно, рабочие — в мозолях, бугристых венах! Встаньте рядом с холстом с правой стороны лицом к окну.

Я послушно встал, от охватившего душу волнения даже забыв про травмированный на ленской лыжне позвоночник... И — работа, словно вскипяченная вода в котелке на таежном костре, бурно закипела! Да, да, именно, закипела, ибо мастер принялся, не отрывая от меня проницательного взгляда, так быстро, широкими мазками наносить на холст краски, что при одном очень резком движении из-под кисти вылетела масляная струя и почти наполовину запачкала мою рубашку, однако он этого не заметил, настолько глубоко ушел в образ портрета, который так выразительно стоял перед его мысленным взором, что художник редко прерывал работу, порывисто отходил на два шага в сторону от холста, внимательно смотрел то на меня, то как бы вовнутрь себя, делал несколько глубоких сигаретных затяжек — и опять неистово продолжал писать. С каждым верным мазком на холсте все более и более выплывался мой поэтический образ — и не терпелось знать, каким же он получится...

Через полчаса работы Илья Сергеевич, видимо, довольный результатом своего труда, несколько сбавил темп и неожиданно стал расспрашивать меня о художниках. Больше всего его живо интересовали те из них, кто давно под его строгим руководством и пристальным вниманием и отеческой заботой окончил созданную им академию, на кого он оправданно возлагал большие надежды, но не имел ни возможности, ни времени видеть их многие новые картины. Ведь его жизнь была настолько наполнена всевозможным трудом, что я порой терялся в пытливых догадках — замечает ли он сам невозвратное течение времени? Я с удовольствием посвящал учителя во все творческие свершения и даже в замыслы его бывших «гениев» — так обычно он называл лучших молодых художников.

За разговором совершенно незаметно пролетело время первого сеанса. Тщательно помыв кисти в керосине и опустив их в большую, испачканную красками банку с водой, Глазунов вдруг сказал:

— Иван Иванович, я обычно никому из портретируемых не показываю своей работы до тех пор, пока ее полностью не закончу и не оформлю в соответствующий багет, но вам как писателю, тем более — поэту, думаю, будет полезным познакомиться с процессом написания работы, поэтому, в порядке исключения, после каждого сеанса буду вам показывать, что у меня получается на холсте.

И тут же спешно попросил меня встать рядом с ним, но лицом к мольберту... Порывисто разглядывая свой наполовину написанный портрет, я невольно поразился, что всего за каких-то два часа, пусть и очень напряженной работы, в разноцветной массе красок уже вполне можно было узреть мой поэтический образ. Особенно меня поразило собственное видение, оно было настолько устремленным, что буквально пронизывало насквозь, — я даже невольно, как бы прячась от самого себя, внутренне съежился! И вопросительно подумал: «Когда, где мастер смог своими цепкими глазами так верно схватить, как он говорит, не глаза, а взгляд в момент моей напряженной работы над стихами, ведь я никогда при нем не сочинял?! Чудеса какие-то — да и только!» И, конечно, я был очень доволен, что мой поэтический образ мастер видел на фоне такой любимой каждому русскому человеку по-весеннему распустившейся всеми клейкими, блестящими листочками белоствольной красавицы-березы, а вдалеке, за степенно текущей между камышовыми пологими берегами, рекой, в которой отражались высокие, гонимые свежим ветром перистые облака, на самом лобастом пригорке, как бы венчая его, возвышался с голубыми куполами и золочеными крестами белокаменный храм. Я смотрел на него — и мне невольно виделся едва видимый в кучевых белых облаках лик какого-то святого с золо-

тым нимбом вокруг седовласой головы!

Немного передохнув с традиционным выкуриванием до половины любимой сигареты, Глазунов, то ли оттого, что немного устал, то ли потому, что первый, самый бурный порыв жажды творчества несколько замедлил свое течение, теперь уже не спеша приступил к написанию моего другого портрета, как он подчеркнуто выразился, портрета русского мецената — в строгом черном пиджаке с застегнутой верхней пуговицей, ну, и конечно, с галстуком. Но когда он, уже в лиловых сумерках, через оконные стекла начавших с улицы незаметно заполнять гостиную, наконец закончил работу, и мне было позволено посмотреть и на это полотно, я опять пришел в сильное изумление, ибо с холста на меня смотрел, понятно, я, но совершенно с другим взглядом, чем на портрете поэта. Это был взгляд человека, знающего себе истинную цену, а также то, для чего он пришел в этот суетный, трижды проклятый, но тем не менее дорогой для каждого жизнелюбивого сердца мир! Да, конечно, Илья Сергеевич мог меня наблюдать в каком-нибудь кругу художников, где страстно обсуждались последние новости художественной жизни, но все-равно до чего же поразительно! И в первую очередь, что эти два совершенно разных образа создавались мастером почти одновременно! Иначе, чем гениальностью — это назвать нельзя!

Вернувшись домой, я бережно, если не любовно, снял напрочь запачканную в краске рубашку, передал жене и сказал: «Света, очень тебя прошу не стирать эту реликвию, пусть она сохранится для истории со следами краски, вылетевшей из-под гениальной кисти!» Искреннее желание Глазунова непременно показывать мне после каждого сеанса, как упрямо, мазок за мазком, им умело создаются друг за другом два совершенно разных моих художественных образа, не пропало зря. Немного позднее, вдохновленный необыкновенным мастерством Глазунова, я на одном дыхании, прогуливаясь в вечернем полупустом парке, словно продиктованным мне самим небом, написал стихотворение «Портрет поэта». Вот оно: *«Художник написал портрет/ с натуры в мастерской-квартире, — / и вечным образом поэт/ явился сумрачному миру./ Печаль вселенская в глазах,/ но брови — огневые стрелы./ И рвет рубаху на плечах/ тугое, яростное — тело.../ Во взоре — отсвет золотой,/ что льется с небосвода звоном.../ И месяц, отрок неземной,/ сияет праздничной иконой./ На фоне русской красоты: / лужаек, тростника и кленов,/ парят небесные кресты,/ звучат малиновые звоны.../ Витает в воздухе мечта/ земли, дающей нам бессмертье./ И слово-счастье: ле-пота! / Как клятву, повторяет сердце».*

Передавая жене Светлане рубашку со следами глазуновской краски, я доподлинно знал, что в ее лице бо-

лее надежного хранителя семейной реликвии не сыскать. Очень часто на встречу с Ильей Сергеевичем и его женой Инной Дмитриевной со мной ездила и она. В первый же вечер они с гением духовно сблизились, да иначе и быть не могло! Моя жена, родившаяся в простой рабочей семье, мать — заслуженный сельповский хлебопек, отец — совхозный токарь с такой репутацией, что к нему с раннего утра выстраивалась длинная очередь трактористов и водителей автомашин с просьбой выточить ту или другую деталь вышедшего из строя агрегата, хотя другие мастера точки были свободны, с раннего детства свободно воспитывалась в среде, где высокие слова о любви к Родине были не просто заученными по команде преподавателя обязательными словами, а повседневной, ничем не заменимой действительностью, в которой, что ни говори, всегда можно было увидеть то, чего сейчас уже нет, — это заботу государства о своих гражданах! Поэтому и все крайне суровые несправедливости современной, новой жизни, обрушившиеся, в первую очередь, на простых людей, моя жена принимала настолько близко к сердцу, что о всех горестных событиях делилась со многими знакомыми людьми, в том числе и с самим Глазуновым, да с такой горечью, что он даже однажды за чуткую, полную сострадания к людям душу в одном из разговоров назвал ее «нашей бо-

ярыней Морозовой». А один раз, глубоко тронутый ее справедливой горячностью, сказал:

— Ах, Света, Света, боярыня наша Морозова, ну почему ты, такая проницательная, глубоко мыслящая, сама все никак не понимаешь, что, если всех новоявленных господ, как местного разлива, так и западного, но в глубине души специально либерально настроенных, с развалом державы слетевшихся, как пчелы на мед, на израненное, кровоточащее тело нашей матушки России, которая обладает неисчислимыми природными — и не только! — богатствами, умудриться переодеть в военную форму, то будет сразу видно, что мы живем в самой настоящей оккупации!..

Услышав эти слова, я в душе аж вздрогнул, даже хотел возразить гению, но подумал: «А как иначе охарактеризовать хотя бы ту ситуацию, которая далеко не случайно сложилась в средствах массовой информации, в первую очередь — в электронных, когда представителям, независимо какой профессии, но патристически настроенным, или вообще не дают слова, как будто они и в природе-то не существуют, или специально обмазывают такой черной грязью, от которой совсем не просто отмыться!» Конечно, будет совсем не лишним отметить, что, в конце концов, мало-помалу и так называемое демократическое руководство стало, словно враз прозрев, по заслугам воздавать живописцу и на Родине, но, увы, скорее всего, не с четким по-

ниманием и безусловным принятием значения всего, что сотворил в первую очередь для своего народа гений Ильи Сергеевича Глазунова, а исходя из соображений защиты от западной критики, находящейся на позициях высочайшей оценки мировых заслуг великого художника в развитии не только живописи, архитектуры, прикладного искусства и всей культуры, являющейся достоянием современной цивилизации!

Но написание моих портретов — не единственная щедрость, проявленная гением ко мне в те первые годы нашего знакомства. Однажды в одном из многих глазуновских альбомов, как правило, изданных прекрасно, мне приглянулась репродукция одного зимнего пейзажа, на котором на самой опушке леса, среди глубоких снегов притулилась древняя церквушка, с почерневшими от времени и непогоды деревянными, рубленными из круглых неотесанных лиственниц стенами. Мимо бревенчатого храма какой-то мужичок, одетый в теплый зипун и собачью шапку, а ноги в лаптях, для защиты от мороза до самых колен плотно обмотанных обычным куском мешковины, на простых санях-дровнях ехал по первопутку, видимо, по дрова в лес. Сани везла небольшого роста темной масти лошаденка, в холке не больше полутора метров, с сильно подтянутым от хронического недоедания животом, тощим хвостом, уныло, как привязанная метелка к палке, скользящим по снегу. В низ-

ких, сплошь покрытыми мрачными тучами небесах кружил черный хищный коршун, распластав в воздушном потоке свои мощные крылья и зорким взглядом высматривая на земле добычу, которой запросто могла стать полевая мышь, по неосторожности покинувшая свою теплую снежную норку, или зазевавшийся шибко вертлявый суслик, а может, даже и заяц-русак, вдруг безоглядно решивший пересечь заснеженную пустынную поляну. В общем, все такое знакомое и близкое — глубинно природное, от чего, как написал в своих замечательных стихах Сергей Есенин, легко зарыдать! И я настойчиво попросил художника написать для моего собрания живописи вариант очень понравившегося пейзажа. Илья Сергеевич заказ мой не то чтоб с удовольствием, но, явно борясь в душе с чем-то неприятно саднящим его, принял. Но вот уже и зима со своими трескучими морозами и воющими, как голодные волки на одной из околиц погрузившейся в сон деревне, давно закончилась, и весна, в том году особенно пышно расцветшая пахучей черемухой в таком количестве, что она прямо своими отягченными цветами гибкими ветвями ломилась из-за палисадников, подошла к концу, готовая вот-вот передать права золотолицему, так и пышущему, словно начищенный медный самовар, пылом да жаром красавцу-лету, а от художника — никаких вестей... И вдруг как-то ближе к вечеру звонит:

— Здравствуйте, Иван Иванович!

— Здравствуйте, дорогой Илья Сергеевич! Чем обязан?

— Вы мне, честно говоря, — ничем! А я вам звоню сообщить, что вашу просьбу в отношении зимнего пейзажа выполнил. Если сегодня не трудно заехать, то, как всегда, буду рад нашей встрече!

— Илья Сергеевич, в чем вопрос!

Время подходило к вечеру, надо было торопиться, чтобы успеть при дневном свете полюбоваться пейзажем, очень уж тронувшим мою творческую, впечатлительную душу. И, как всегда, тепло попрощавшись с любимой женой и уверенно сев за руль своего полуспортивного «сааба», я с такой стремительной скоростью, так рискованно поехал-полетел, что всего через полчаса был у Глазунова дома. Встретив меня в прихожей, Илья Сергеевич почему-то, как обычно, сразу по боковой, парадной лестнице повел меня в мастерскую на второй этаж, а поспешно сопровождал в смежный с кабинетом небольшой зал, увешенный картинами известных западных мастеров далекого восемнадцатого столетия, преимущественно старой голландской школы, благодаря которой удалось очень известному гениальному художнику Рембранту написать одну из моих самых любимых картин «Ночной дозор». Все полотна были с тщательным умением и вкусом освещены позолоченными подсветками со специальными продольными и очень ярко горящими в полу-



мраке лампами. При входе в проходной зал справа я сразу заметил какой-то узковатый значительного размера предмет, под углом прислоненный к дверному обрамлению, полностью накрытый то ли одеялом, то ли просто куском плотной черной ткани.

— Иван Иванович! Прошу вас отвернуться лишь на несколько мгновений к окну! — интригуяюще произнес за моей спиной Илья Сергеевич.

Я послушно исполняю просьбу. Стою в недоумении — жду.

— А теперь можете смело поворачиваться и во все глаза любоваться сколько душе угодно! — слышу радостный глазунувский голос.

Тотчас поворачиваюсь — и вижу перед собой одетый в старый, инстругтурированный лепниной багет, местами немного потрескавшийся, но действительно зимний, очень красивый пейзаж, только не кисти Глазунова, а Ендогурова — достаточно известного петербургского художника, плодотворно и не без успеха творившего в конце двадцатого века.

— Илья Сергеевич! Ничего не понимаю! Объясните, пожалуйста!

— Как это вы ничего не понимаете, когда сами же мне и заказали зимний пейзаж! Вот я как раз и не понимаю вас!

— Не отказываюсь — заказывал, но, извините, вашей кисти! А то, что вижу, является дорогой антикварной, очень известной вещью. О ее сегодняшней рыночной стоимости я даже боюсь заикаться!

— Да, Иван Иванович, вы правы: не моей кисти. Но дело в том, что недавно, будучи в родном городе на Неве, зашел к знакомому антиквару, торгующему еще до войны, к нему еще и мой дед, и отец частенько заходили, и среди других посредственных работ вдруг увидел вот это чудо! Поторговавшись с продавцом, как в таком случае положено, приобрел его. Честно признаюсь, сначала думал подарить академии, а потом вспомнил о вашем настойчивом заказе — и решил это чудо вам преподнести в дар. Пусть оно займет достойное место среди современных и классических работ, как образец, к которому должен стремиться каждый начинающий художник, если он, в конце концов, хочет стать настоящим мастером!

Я опешил! Несколько долгих секунд пребывал в серьезном замешательстве, лихорадочно ища выход из так неожиданно возникшей непростой ситуации. Наконец, придя в себя, произнес:

— Даже не знаю, что и сказать! Как отнестись к вашему предложению — от всей души принять в подарок эту классную работу, ведь она страшно дорогущая, да к тому же очень редкая! Вторую, подобную ей, сегодня немало времени надо будет потратить, чтобы сыскать! Да если и найдешь, то такую цену заломят, что и от покупки откажешься!

— Пусть вас это не смущает! Да и потом, как говорится, дареному коню — в зубы не смотрят! Берите,

берите пейзаж! В вашем уже достаточно большом собрании ему будет находиться в самый раз!

Пусть простит Господь меня за нескромность — пейзаж известного русского художника я, несмотря на все свои сомнения по части чести и совести, все же принял в дар! Но должен сказать, что Илья Сергеевич все-таки в следующую зиму написал и заказанный мной вариант зимнего пейзажа. Так, с легкой руки и широкой души гения, я вместо одной работы получил аж целых две! И — каких! Но, справедливости ради надо сказать, что Глазунов, когда я со спокойной душой, без какого-либо угрызения совести рассчитывался с ним за выполненную им зимнюю работу, не считая, взял у меня внушительную пачку денег — ровно столько, сколько, по нашему уговору, я платил прежде, и вдруг неожиданно строго спросил:

— Здесь сколько?!

— Как обычно!

— Как обычно?! Хорошо!.. Но, запомните, это в последний раз!

На мгновение я просто опешил, душу с силой охватило такое неприятное чувство, словно меня схватили за руку при совершении мной очень недостойного поступка, по крайней мере, достойного строгого общественного порицания. В то же время это позволило мне наконец-то высказать свое мнение о покупке картин у мастера, давно созревшее, но все никак мной не озвученное в силу разных обстоятельств и причин:

— Илья Сергеевич! А я больше и не собирался у вас приобретать картины, если бы они даже вами оценивались по самым низким ценам!

Говоря это, я прекрасно понимал, что, видимо, приведу Глазунова в серьезное замешательство, может, даже он, не поняв моего решения, не на шутку обидится, а то и вовсе оскорбится. Но отступить было поздно — и я с нетерпением ждал ответной реакции художника, приобрести картины которого желают очень многие не только страстные коллекционеры, но и просто, так сказать, для престижа, богатые люди, а тут какой-то писатель без роду и племени, явившийся из таежной глубинки в Первопрестольную, вдруг капризно отказывается от покупки художественных шедевров мирового уровня! Было от чего глубоко задуматься! Нервно почесать затылок! Наконец Глазунов как-то враз осевшим, хрипловатым, но, вопреки моим тревожным ожиданиям, совсем не обидным голосом, смотря мне прямо в глаза, спросил:

— А не изволите ли объяснить причину?

— Охотно! Тем более я о ней вам уже как-то обмолвился, значит, теперь постараюсь выразиться более конкретно! Заключается она в том, что я твердо решил в основном сосредоточиться на приобретении картин у ваших лучших учеников! Причина и проста, и, я думаю, очень справедлива: я уже как-то вам однажды

после открытия государственного музея вашего имени говорил, что теперь, сколько бы и каких бы прекрасных полотен ни написали, ваше значение как великого художника пребудет мировым! А вот для того, чтобы вас показать еще и как замечательного преподавателя-организатора, необходимо создать музей, основу которого составляли бы работы ваших лучших учеников! Без этого они могут запросто остаться в горьком забвении — известные лишь узкому кругу знакомых. О покупателях и вообще говорить не стоит, ибо они купленной картиной украсят одну из стен своего замка-особняка — да и напроочь забудут о ней, а их авторов и добрым словом не отметят, либо, оказавшись в финансовом плане на мели, продадут на сторону, скорее всего, первому же попавшему начинающему коллекционеру! Как ни печально сознавать, но в наших сегодняшних, таких сумасшедших условиях времени всеобщего накопительства и, пусть честно не объявленного, но упрямо, будто полевой сорняк, возрождающегося и чуждого народу так называемого капитализма, настолько безнравственного и бездуховного, что молодые люди, ничуть не смущаясь, в объективы телекамер путают героя романа Евгения Онегина с автором Александром Пушкиным, иначе и быть не может! Да, не может, не может! Пусть я буду насмерть поражен молнией, если вдруг безоглядно говорю неправду! — И, не дав Глазунову опомниться, напря-

мую попросил: — Так что будьте настолько добры, чтобы благословить меня на доброе и для народа российского, и для вашего увековечивания как преподавателя знаменательное дело!

Илья Сергеевич, ничуть не смутившись, как полагается в таком случае, не положил руку мне на голову, но вполне растроганно проговорил:

— Иван Иванович, дорогой, ваше, прямо скажу, судьбоносное решение о коллекционировании живописных работ моих лучших учеников, с последующим их сохранением и представлением народу российскому в музее вашего имени, заслуживает самого глубокого уважения! На этом непрестом пути можете полагаться на мою помощь, хотя бы как профессионального знатока живописи! И да хранит вас Бог!

Хотя в это раз мы и мирно разошлись, но, оставшись наедине с собой и с грустью вспомнив заявление Глазунова, что больше он мне не будет продавать картины по оговоренной заранее цене, я подумал: конечно, художник имеет полное право, руководствуясь обстоятельствами, в том числе и меркантильного характера, иной раз и менять устоявшуюся за многие годы цену, особенно при постоянном росте инфляции, равно как и заказчик — приобретать по ней картину или нет, но, заранее не предупредив покупателя о пересмотре им же самим предложенных условий приобретения картин, он ставил его, то есть в данном слу-

чае меня, в тягостное положение озадаченного должника с невозможностью хоть когда-то сполна расплатиться...

И может быть, вызванное этим саднящее горькое чувство не обиды, а некоторого разочарования в прежних, вроде проверенных временем отношений, все же как бы затянулось со временем другими, более важными событиями, если бы оно не имело продолжения в других сложных ситуациях, складывавшихся в совсем не простых отношениях между мной и Глазуновым...

## 9

---

---

---

Однажды, по доброму совету моего нового московского друга Владимира Николаевского, я, тогда знающий только понаслышке о всемирном курорте Карловы Вары, после долгих душевных колебаний наконец-то решил вместе с женой очередной отпуск провести в этом, как неоднократно слышал и от других знающих людей, любящих много путешествовать, чудном благословенном месте на свете, тем более что оно находится в самом сердце старушки Европы! Да и не последнюю роль в моем окончательном выборе сыграло то, что для меня было важно опробовать силу целебных вод, благоприятно воздействующих на хронически больной кишечник. А мои сомнения были вызваны за многие годы укоренившейся привычкой отдыхать на курортах любимого с детства, вос-

петого в гениальных стихах, особенно поэмах, таких как «Мцыри», «Демон» Северного Кавказа: Кисловодске, Ессентуках и, конечно, Пятигорске, где чуть ли не каждый камень напоминает о дорогом моему сердцу имени великого русского поэта Лермонтова, трагически погибшего на дуэли! Но откровенно признаюсь, что, пусть не сразу, но по мере знакомства с древним городом и его окрестностями все мои мыслимые ожидания всемирная здравница превзошла с лихвой! Помню, как в первый же день приезда мы оказались в отеле Бристоль-палас на обеде за одним столом с очень дружной, благопристойной семейной парой Валиевых, весьма солидного возраста, родом из славного Татарстана, но, как и мы с женой, уже значительное время проживающей и работавшей в Первопрестольной. К сожалению, они оба страдали лишним весом, особенно это сказывалось на ней, — если он три раза в день все же заставлял себя силой воли ходить к целебному источнику и подниматься обратно в отель по настолько крутому и длинному подъему пешком, что даже у меня, спортивно подготовленного человека, в полтора раза увеличивался пульс, то она этот трудный путь в два конца проделывала на специальном пассажирском лифте и дорожном транспорте. Поближе с ними познакомившись, мы охотно разговорились.

— Значит, уважаемый Иван Иванович, вы со своей прекрасной мо-

лодой супругой Светланой в первый раз приехали на отдых и лечение в знаменитые Карловы Вары! — неспешно приступив к диетическому завтраку, нарушил висевшую над столом тишину Ренат Хайдарович.

— Так точно! — по-военному подтвердил я.

— Знаете, а мы с супругой, — продолжил разговорчивый новый знакомый, — как только с развалом СССР появилась возможность выезжать за границу, где только не побывали! Можно сказать, что отдыхали чуть ли не на всех всемирно известных курортах, в том числе и океанских! Но чисто случайно, кстати, тоже по совету знакомых, приехали сюда, в этот сказочный город, где ни один древний каменный дом не напоминает даже приблизительно другой, и душой как прикипели к нему. И, верьте не верьте, но вот уже десять лет подряд только здесь и проводим отпуск. Уверен, да что там, готов об заклад биться, что и с вами, Иван Иванович, и с вашей красавицей женой Светланой произойдет то же самое! Да что я так долго говорю — не пройдет и трех дней, как сами убедитесь в правоте моих хвалебных слов, причем идущих от всего сердца!

И мы действительно убедились, да так, что стали ежегодно, в майские праздники, проходить полный двадцатидневный курс лечения удивительными по силе целебных свойств карловарскими водными источниками, открытыми случайно во время охоты чешского короля Карла Чет-

вертого. Очень действенными для моего сильно травмированного на скоростной лыжне позвоночника оказались и грязевые процедуры, правда, настолько трудно переносимые, что при их приеме сердцебиение учащается чуть ли не вдвое, а пот буквально ручьями заливает глаза. Вскоре мы с женой познакомились и близко сошлись с еще одной семейной парой из Курска. С Донченковой Зинаидой Петровной, женщиной достаточно возрастной, полной, белокожей, с голубыми, распахнутыми глазами, любительницей за вечерними разговорами по душам с курортными друзьями на сон грядущий выпить рюмочку замечательной чешской настойки «Бехеровки», и ее мужем Юрием Викторовичем, таких же лет, тоже с лишним весом, с сильно поредевшими светлыми волосами и острым, оценивающим взглядом. Она занималась частной предпринимательской деятельностью, а он уже долгое время состоял на государственной службе в качестве начальника областного статистического управления. В свободное время настолько серьезно занимался краеведением, что написал и издал несколько исторических обширных и глубоких монографий о Курской области с самого начала ее образования! Сотворил огромный, можно сказать, энциклопедический по объему труд, достойный глубокого уважения и поклонения! Кроме этого, Юрий Викторович много лет занимался коллекционировани-

ем старинных, царских времен, открыток с российскими видами городов, природы, исторических интересных личностей! Он был так увлечен любимым, как говорит сегодняшняя молодежь, хобби, что порой мне казалось: в Карловы Вары он приезжал исключительно потому, что мог там не только успешно лечиться, но и оттуда в выходные дни свободно ездить по всем крупным европейским городам, таким, как Прага, Берлин, Вена и даже Париж, на открыточные аукционы, ведь по российским дорожным меркам — до них рукой подать!

Каждый майский вечер, обычно удивительно тихий, прохладно-теплый, но с неустанным звучным пением дроздов в парковом лесу, начинавшимся сразу за кованой, окрашенной в черный, как смоль, цвет оградой отеля, с напоенным щедро мягким, как чистейший хлопок, озонном и пьянящими тонкими запахами новой листвы и хвои удивительно целебным воздухом, мы всей своей компанией, сформировавшейся за многие годы из земляков, в том числе уже много лет живших за границей, собирались на застекленной с трех сторон веранде: делились курортными новостями, обменивались ни к чему не обязывавшими курортными мнениями. По настойчивой просьбе друзей, знающих меня как поэта, я, чуть ли не поневоле, все же иногда читал свои стихи, а Елена из сибирского Барнаула, женщина еще совсем молодая, очень рассудитель-

ная, а главное — умеющая слушать собеседника, с отличием окончившая в юности музыкальное училище, играя на гитаре, прекрасным голосом охотно исполняла русские романсы. В общем, отдыхали настолько культурно, насколько нам всем, раз в году съезжавшимся со всех уголков нашей необъятной отчизны, позволяло заложенное еще в детстве умение человеческого общения.

Но однажды, когда мы чуть ли не битком заполнили веранду, я все-таки заметил, что Юрия Викторовича почему-то среди нас нет. Я спросил об этом его супругу, попивавшую из маленькой хрустальной рюмочки знаменитую на весь мир свою «Бехеровку», и она сообщила, что муж совсем недавно вернулся из Праги, куда ездил на аукцион, привез много ценных открыток, и настолько был охвачен счастьем приобретения новых, прежде не встречавшихся даже в старинных каталогах, что, наскоро поужинав, приступил к их предварительному отбору. Я тут же выразил к этому сообщению живой интерес, продиктованный надеждой что-нибудь из нового выбрать для написания в масле какого-нибудь городского пейзажа царских времен. И на следующий день, встретившись на завтраке с Юрием Викторовичем, сердечно, как человек, прекрасно знающий цену любому антиквариату, поздравил его с удачной поездкой и попросил показать свои новые приобретения. Он с готовностью согла-

сился, только предложил встретиться у него в номере после обеда. Ровно в четырнадцать часов я уже был у коллекционера в гостях и с удовольствием рассматривал одну за другой старинные открытки, которые, по словам Юрия Викторовича, как и все предыдущие, войдут в новую, расширенную, историческую монографию о Курске и Курской области. Вдруг я увидел цветную — понятно, что разукрашенную вручную каким-то простым художником, не снискавшим себе славу мастера, и вынужденно подрабатывавшим в издательстве, — самую что ни на есть обыкновенную почтовую открытку с изображением дореволюционного Иркутска, но не центра, а одной из живописных окраин, с деревянным полосатым шлагбаумом, у которого остановилась крытая повозка, чтобы подобрать какого-то мужчину, с длинной изгородью, тянувшейся вверх параллельно мощенной булыжником мостовой и, конечно, с белокаменной церковью, все пять куполов которой венчали парящие в синем небе золоченые кресты, с характерным для многих мест Сибири низким, словно выцветшим небом, где вездесущие голуби облачными стаями стремительно кружили, подгоняемые задорным свистом какого-то парнишки, засевшего в дощатой голубятне. Задержав взгляд на этой открытке, я понял, что из открыточного вида может получиться прекрасный городской пейзаж со стаффажем! Пейзаж южно-

сибирского города, о котором у меня сохранились дорогие моему сердцу некоторые очень интересные, я бы даже сказал, глубоко религиозные воспоминания! И я не без определенного труда все-таки упробил многолетнего коллекционера дать мне под честное слово на два месяца заветную открытку, конечно, при этом объяснив цель своей просьбы. Юрий Викторович неохотно, но аккуратно завернул открытку в тонкий целлофан, перетянул банковской резинкой и передал мне в руки, прямодушно сказав:

— Иван Иванович, признаюсь, как на духу, если бы я совершенно случайно от вашей дражайшей супруги-красавицы, и вообще, очень глубокой души человека не узнал, что сам Илья Сергеевич Глазунов написал аж два ваших портрета, причем с натуры, то вашу просьбу, какой бы настойчивой она ни была, скорей всего, оставил бы неудовлетворенной!

— Интересно, интересно, Юрий Викторович! — воскликнул я. — Только какое отношение к моему желанию написать по вашей замечательной открытке пейзаж имеет великий художник, не изволите пояснить?

— Охотно! Глазунов кого попадая не пишет! Если он создал два ваших образа — собирателя живописи и поэта, значит, вы и как человек, и как творческая личность по праву достойны гениальной кисти! Вам можно в полной мере верить — не обманете и не подведете! Хотя не буду

кривить душой и в том, что, к своему глубокому сожалению, о вас, как большом русском поэте, почти ничего не читал! Но теперь буду рад открыть для себя ваш талант — это же всегда приятно вдруг узнать, что Россия, переживающая одно из самых тяжелых времен в своей истории, продолжает, как плодородная пашня хлеб, рожать замечательных сыновей, с одним из которых судьба, пусть за тридевять земель от дома, но все же свела, и я буду чрезвычайно рад крепнущей между нами дружбе!

— Юрий Викторович, мне очень приятно слышать от вас столь высокую оценку о человеке, которого я искренне люблю! А открытку, так дорогую вашему сердцу, еще раз повторяю, — верну точно в обещанный срок! В любом случае получится, что вы, страстный коллекционер открыток, еще будете в определенной мере причастны и к созданию моего музея национальной живописи. Уже сейчас могу сказать, что он будет не менее интересен, чем Третьяковский, а, может, даже и в какой-то мере содержательней, поскольку в собирательстве отечественной живописи я стараюсь не повторять ошибок, — а они, к сожалению, были! — великого коллекционера, вернее, хранителя исконно русской культуры!

Вернувшись в Москву, я, дождавшись субботы — выходного дня, в который обычно прямо с утра навещаю художников в мастерской,

отправился в Академию имени Глазунова к одному из лучших учеников Ильи Сергеевича, Николаю Сидорову, высокого роста, широкоплечему, с длинными руками, с открытым кругловатым славянским лицом, на котором светло-голубые глаза светились добродушием и участием к твоей судьбе. Обычно сложные пейзажные заказы я делал или Евгению Кравцову, в прошлом тоже одному из лучших учеников Глазунова, или его другу, очень талантливому Александру Акопову, а порой просто ехал к другому художнику, специализирующемуся исключительно на создании пейзажей, Александру Афонину, и выбирал на свой вкус необходимого содержания и цвета живописную работу. Но в этот раз решил изменить себе, поскольку это было продиктовано прямой просьбой Глазунова помочь финансово Николаю Сидорову, еще совсем недавно окончившему знаменитую «Суриковку», где Илья Сергеевич много лет заведовал мастерской исторической живописи, но теперь переехавшему из глухой провинции, куда был направлен по пресловутому министерскому распределению, в столицу и устроившемуся на работу в глазуновскую академию в качестве старшего преподавателя. Илья Сергеевич для своего нового ценного сотрудника выбил у столичного начальства однокомнатную квартиру с оплатой в рассрочку, пусть по и как бы льготной цене, но все равно неоправданно



стоящую больших денег, которых у Николая Сидорова, долгое время из-за отсутствия государственных заказов кое-как сводившего концы с концами, естественно, быть не могло, а о том, чтобы занять где-нибудь на стороне, при общем безденежье не могло быть и речи! Ну а для того, чтобы ежеквартально в срок вносить плату за жилье, дополнительные заказы, тем более, твердо гарантированные своевременной оплатой, были ему край необходимы!

Новому преподавателю ректор, не поскупившись и в этот раз, выделил отдельную мастерскую непосредственно в Академии, как прежде это делал и для многих других, кстати, не все из которых оправдали его и человеческие, и художественные надежды! В тот день новый протеже ректора оказался, отведав положенные учебные преподавательские часы, на рабочем творческом месте — за мольбертом, на котором стояло какое-то новое полотно, и, когда я вошел к нему, тепло меня принял, тотчас отложив в сторону кисти и краски. Мой заказ, в виде написания пейзажа по его свежим эскизам, пришлось Николаю по душе — он с готовностью согласился приступить к живописной работе не откладывая, попросив на исполнение, с учетом занятости в основное время преподавания, полтора месяца.

В ту же субботу я решил навестить и самого Илью Сергеевича, тем более что мне надо было снова пора-

ботать в его богатейшей библиотеке, а именно — ознакомиться с материалами Первого всероссийского съезда художников, проходившего под патронажем самой последней императрицы! С этой целью, как обычно, позвонил ему по городскому телефону — и был с радушием приглашен. В этот мой визит, хотя Илья Сергеевич только что вернулся очень утомленным из своего все еще строящегося музея, но принял, как всегда, приветливо. Однако по напряженному лицу, которое многочисленные морщины прорезали глубоко, я понял, что он еще и чем-то сильно озабочен. По-дружески, без всяких обиняков взял да откровенно спросил:

— Илья Сергеевич, вы сегодня какой-то очень уж задумчивый! Что-то на работе серьезное, из рук вон выходящее случилось?

— Понимаете, мне сегодня вечером один хороший знакомый, торгующий антиквариатом в своей лавке, куда я частенько после работы заглядываю, да и вы ее знаете, поскольку, если мне память не изменяет, там переплетали старинные книги, купленные по моему доброму совету, естественно, со скидкой, предложил купить к тому пейзажу, который висит в спальне, еще одну подлинную работу знаменитого Степана Колесникова, как вы знаете, одного из моих любимых начала прошлого века художников, вынужденных в силу разных жизненных обстоятельств покинуть матушку Россию вскоре

после революции, вернее, красного переворота. И основную цену-то для такого замечательного мастера называл небольшую, но в настоящее время я даже таких финансовых средств не имею. Жаль! Очень жаль! Ну да ладно, что-нибудь придумаю...

И он закурил еще одну сигарету, привычно стряхивая пепел в блюдце с водой, предусмотрительно поставленное Инной Дмитриевной.

— Илья Сергеевич! Если не секрет, не назовете испрашиваемую продавцом сумму за картину Степана Колесникова?

— А какой смысл? Денег-то все равно нет!

— Так, для интереса!

— Назову — двести тысяч американских долларов!

«Действительно, цена за такую антикварную работу и в самом деле не то, чтобы небольшая, но умеренная — это точно!» — подумал я, но вслух выразил прямое сожаление, что не могу ничем помочь. А потом вдруг сказал:

— Хотя... Если моих так называемых русских, с которыми знаком еще с якутских времен, уважительно да убедительно попросить, то, думаю, они смогут и более крупную сумму одолжить!

— Вы это говорите всерьез? — тут же оживился Глазунов, машинально потянулся за сигаретой, достал ее из пачки, но почему-то закуривать не стал, а, поднявшись, принялся расхаживать по гостиной, при этом лицо его заметно порозовело, морщины

значительно разгладились, в глазах появился характерный блеск возможной поимки удачи, которая так долго черт ее знает где скрывалась, но вот наконец-то появилась вновь!

— Илья Сергеевич, побойтесь Бога! Ну как можно в таком важном для вас деле шутить! Безобразие какое-то — да и только!

— А если точно всерьез, то ведь проценты-то какие набегут, пока я напишу несколько заказных портретов, тем более что хотя желающих видеть себя запечатленных маслом на полотне хоть отбавляй, но их же, сами понимаете, выдержать надо! В таком случае одна поспешность, пусть и вызванная неотложными обстоятельствами, может все дело загубить! Я надеюсь, Иван Иванович, вы понимаете, о чем идет доверительная речь...

— Это понятно, но, возвращаясь к заемным деньгам, я сделаю так, что никаких процентов и даже договора займа не будет!

— Как же так?!

— А так, Илья Сергеевич, что я деньги, в какой вам угодно валюте, возьму под свое честное, нет, крепкое якутское слово!

— Хорошо, пусть будет так! Но если со мной вдруг какая-нибудь беда случится, то вся ответственность за расчет ляжет на ваши плечи, дорогой Иван Иванович, а я этого допустить не могу! Больше скажу, если бы лично у вас были свободные деньги, то я все равно бы их не взял, поскольку это было бы с моей стороны бесовестно, ведь вы и так из

последних жил тянетесь, поддерживая регулярными заказами моих талантливых учеников! — задумчиво ответил Глазунов.

— Хозяин — барин! — просто сказал я. Но, к своему стыду, почти ничего не зная о жизни Колесникова, решился попросить Илью Сергеевича рассказать о своем любимом пейзажисте. И он живо ухватился за просьбу — стал быстро-быстро, непривычно короткими предложениями, словно боясь, что я могу его перебить, рассказывать, почти забыв про любимую сигарету, одиноко дымившуюся в блюдце с водой: «Совершенно удивительный, не похожий по манере письма ни на кого, Степан Федорович Колесников родился 11 июля 1879 года в селе Адрианополе Екатеринославской губернии Славяносербского уезда, в бедной крестьянской семье. Первые «уроки» письма он получил от заезжих изографов, но уже в 1896 году его рисунки были отобраны на Всероссийскую выставку, проходившую в Нижнем Новгороде, где и удостоились награды от земской управы в виде денежной стипендии для получения нужного образования. В 1897 году Степан Колесников поступил в Одесское художественное училище, которое уже в 1903 году с блеском окончил, что давало ему право поступления в Императорскую академию художеств без экзаменов. И он эту возможность не упустил, став учеником пейзажной мастерской профессора Алексан-

дра Киселева, очень интересного и видного пейзажиста. Но вскоре грянувшие революционные бурные события 1905 года остановили образовательный процесс в академии — и Степан Колесников временно уехал в малороссийское поместье своего друга Давида Бурлюка, где создал многочисленные этюды с натуры для будущих пейзажных работ. В это же время он успешно дебютировал на ежегодной Весенней выставке в залах родной академии. Его превосходная картина «Весна», написанная в 1905 году, получила вторую премию и была приобретена Императорским музеем. Первый успех пришел к даровитому художнику не случайно — с этих пор Степан Колесников стал постоянным участником весенних выставок, почти всегда получая «куинджиевские» премии за лучшие пейзажные картины. Однако, не приняв советскую власть, он был вынужден уехать в немилую эмиграцию, где с начала 1920 года стал постоянно жить в Сербии, купив в Белграде небольшой дом недалеко от центра города. Его работы глубоко русской школы хорошо раскупались, что позволяло некоторое время жить в достатке. Но последние двенадцать лет жизни на износ художник тяжело болел. Не имея возможности писать пейзажи, он вынужден был нанять двух молодых талантливых художников, которые по его очень общим наброскам выполняли живописные работы. Сам больной ма-

стер только добавлял в них некоторые детали и подписывал своим именем. В мае 1955 года вдали от горячо любимого им отечества его не стало. Степан Колесников был похоронен на Новом кладбище в сербском Белграде, недалеко от Иверской часовни, где его прах и покоится по сей день. Обидно! И будь моя воля, я перевез бы его поближе к родным местам — рано или поздно, но каждый выдающийся человек, сослуживший своим необыкновенным талантом уважение и славу, должен возвращаться к родным истокам, вспоившим его и вдохновившим по воле Божьей».

— Печальная судьба, ничего не скажешь! — с затаенным глубоко дыханием выслушав Илью Сергеевича, расстроено произнес я. — Но очень часто наступающая понастоящему даровитых художников, словно за свой огромный талант, позволивший в течение некоторого времени знать многие радости, им по воле свыше суждено оставшуюся часть жизни расплачиваться суровой болезнью и следующей за ней — след в след! — еще и откровенной, никакими оговорками власть предрешающих не оправдываемой нищетой. За другим, еще более печальным и горьким примером далеко ходить не надо — достаточно вспомнить Федора Васильева. С ума можно сойти от сознания, что классик пейзажной живописи, предтеча Куинджи и Левитана, прожил всего двадцать три года. Его современники-художники откровенно удивля-

лись, как стремительно, подобно весеннему побегу, Васильев повзрослел, достиг в полной мере духовной и творческой зрелости, как сумел всего за пять лет сделать столько, сколько иные художники делают за всю долгую жизнь. О многом можно лишь пытаться догадываться, ибо даже пронизательный Крамской вряд ли мог представить, как дальше развивался бы редкий дар, если бы сверхталантливый, гениальный юноша дожил хотя бы до зрелых лет! О степени таланта молодого Васильева широко известный, заматеревший в живописи старший товарищ сполна выразился в своем письме по поводу пейзажа «В крымских горах», написанного в 1873 году уже безнадежно больным художником: «... После Вашей картины все картины — мазня и ничего больше. Вот вы куда хватили. Понимаете ли вы теперь, как важно для Вас самих, какая страшная ответственность Вам предстоит только оттого, что Вы поднялись почти до невозможной, гадательной высоты. Кроме того, Ваша теперешняя картина меня лично раздавила окончательно. Я увидел, как надо писать...»

Возбужденный своими чрезмерно пылкими словами и на память произнесенным идущим от самого сердца высказыванием Крамского, я стремительно подбежал к краю стола, на котором как раз лежали мемуары-воспоминания Ильи Репина, и, лихорадочно полистав солидный том, прекрасно изданный,

в твердой обложке, на бумаге высшего качества, нашел нужное мне место и чуть не прокричал:

— А послушайте, что о Федоре Васильеве как просто о замечательном человеке после смерти гения, ставшей нам всем, русским людям, вечным укором, который, как ком в горле, будет стоять и стоять, не давая в полную грудь дышать каждому, кому дорога живопись, написал автор знаменитой картины «Бурлаки на Волге»... — И начал захлеб читать: «Это был феноменальный юноша, Крамской его обожал, не мог на него нарадоваться и в его отсутствие беспрестанно говорил только о Васильеве... Легким мячиком он скакал между Шишкиным и Крамским, и оба эти его учителя полнели от восхищения гениальным мальчиком.

Мне думается, что такую живую, кипучую натуру, при прекрасном сложении, имел разве Пушкин. Звонкий голос, заразительный смех, чарующее остроумие с тонкой до дерзости насмешкой завоевывали всех своим молодым, весенним интересом к жизни; к этому счастливцу всех тянуло, как магнитом, и сам он зорко и быстро схватывал все явления кругом, а люди, появлявшиеся на сцене, сейчас же становились его клавишами, и он мигом вплетал их в свою житейскую комедию и играл ими.

И как это он умел, долго в гостях не засиживаясь, побывать на всех выставках, катках, вечерах и еще с легкостью находил время посещать всех своих товарищей и знакомых?

Завидная подвижность! И что удивительно: человек бедный, а одет всегда по моде, с иголки; случайно, кое-как образованный, он казался и по терминологии и по манерам не ниже любого лицеиста; не зная языков, умел кстати вклеить французское, латинское или смешное немецкое словечко; не имея у себя дома музыкального инструмента, мог разобрать с листа ноты, кое-что аккомпанировать и даже сыграл одно произведение Бетховена — это особенно меня удивило. Несмотря на нашу значительную разницу лет — ему было девятнадцать, а мне около двадцати шести, он с места в карьер взял меня под свое покровительство, — и я, честно признаюсь, им нисколько не тяготился; напротив, с удовольствием советовался с ним. В таких случаях из беззаботного балагура-барина Васильев вдруг превращался в серьезнейшего ментора, и за его советами чувствовался какой-то особый вес. Откуда? Это меня не раз поражало».

Тут я, замолчав, восторженно посмотрел на Илью Сергеевича:

— Я вас своим невольно из-за любви к национальному молодому гению растянувшимся рассказом не слишком утомил?

— Что вы, Иван Иванович, читайте, сколько вашей душе угодно, ведь знаменитые высказывания и суждения Ильи Репина о молодом гении, так рано заявившем в полный голос о себе, как бальзам для сердца!

— В таком случае прочитаю еще один отрывок, совсем небольшой, но крайне важный: «На этого чудомальчика, выскочку в нашей области, смотрели широко отверстыми от удивления глазами, забыв всякое самолюбие... Не прошло и недели, как мы взапуски рабски подражали Васильеву и до обожания верили ему. Этот живой блестящий пример исключал всякие споры и не допускал рассуждений; он был для всех нас превосходным учителем. И учил нас, хохоча над нашей дебелой отсталостью радостно-любовно. Талант!» Ну что теперь скажете?

— Только одно. Русская земля во все времена была и, я уверен, будет богата на самородки, выдвигаемые самой матушкой-природой из самой народной глубины, в том числе и художественные, но, Иван Иванович, очень опасаюсь, что в ближайшие сто, а, может, даже и все сто пятьдесят лет нового художника, хотя бы равного Васильевскому таланту, мы не увидим! А вот это совсем грустно, нет, больно!

— А мне вдруг впервые за весь вечер пребывания у вас стало очень грустно от мысли, почему же мы при жизни не ценим то, что по размаху своего огромного дара, в общем-то, принадлежит всему человечеству. Я хочу осуждающе, причем крайне, сказать о Крамском, Репине, так восторговшимися молодым искрометным талантом, а особенно о Шишкине, родном тесте гения, супруга его горячо любимой дочери, как это они не догадались помочь в беде ближ-

нему человеку, чей великий талант приводили в пример другим молодым художникам, справедливо гордились им, а ведь ему для спасительного лечения за границей не так уж и много требовалось финансовых средств. По крайней мере, в складчину их можно было за совсем небольшие сроки собрать и срочно телеграфом отправить в Крым больному гению, при этом не слишком финансово и пострадав, — уж точно не пришлось бы с протянутой рукой стоять на паперти или с перекидной сумой ходить по миру и просить милостыню! Но ведь не помогли! А я бы, живя в то не такое уж и далекое время, последнюю рубашку заложил бы, поднял всю общественность, в конце концов, достучался до самого царя, но сделал бы все, что только было бы в моих скромных силах, чтобы, если окончательно не вылечить молодого мастера, то хотя бы продлить его драгоценную жизнь, неважно, на год, на два, но продлить! А вместо этого — стыд и позор всем тогдашним современникам! — наконец-то пришло долгожданное сообщение из академии о выделении необходимых финансовых средств, словно в ее руководстве не понимали, что в то время это выглядело в глазах передовой общественности как надменная усмешка, ведь по печальным, полным безысходных слез рассказам матери, Федор Васильев прочел известие из академии, простоял с полчаса посреди комнаты неподвижно, затем совсем убитый

сказал: «Все кончено». Слег и уже не встал. Так из-за черствости друзей, бессердечности власть предержащих мы потеряли Александра Пушкина, а следом за ним и Васильева, несомненно, неповторимое яркое солнце русской живописи, да и всей национальной культуры тоже! По этому поводу что можно сказать? Только одно: «Насколько же мы, люди, по своей даже родственной сути бываем до горьких слез жестоко лицемерны, если не хуже!» И здесь, как в народе, к великому сожалению, очень часто совсем не зря говорится, плетью обуха не перешибешь!

— Не горячитесь, Иван Иванович, не горячитесь! — успокоительно произнес Глазунов. — Конечно, очень жаль потерять самородный талант в самом расцвете творческих сил! Да, очень, очень жаль! Но, по моему убеждению, жизнь каждого высоко одаренного художника, неважно, кисти или слова, надо считать не по прожитым годам, а по тем значительным работам, которые ему с Божьей помощью удалось сотворить. Васильев за пять с небольшим лет написал более пятидесяти превосходных, неповторимых пейзажных картин! Чего же большего можно желать? Понятно, что этот вопрос спорный, но, говоря конкретно обо мне исключительно как о художнике, то я бы считал свою жизнь счастливо сложившейся, написав хотя бы десяток картин его уровня!..

— Илья Сергеевич, ну как вы не поймете, что я говорю о другом! —

чуть не вскричал я. — А именно, о обыкновенном человеческом участии в судьбе ближнего своего, можно сказать, родного человека!

Но тут же, словно язык враз напроць одеревенел, замолчал, вспомнив, что всю свою жизнь даю весьма охотно в долг не только родным и близким, но и просто знакомым людям, а когда однажды, как сейчас помню, лютой якутской зимой, у меня самого возникла острая необходимость в заемных деньгах, то я, можно сказать, все ноги сбил, щеки с ушами обморозил, как встревоженный лось, бегая запалено по родным и друзьям, но так и не смог собрать нужной суммы — почти все, как сговорившись, вежливо отказывали мне по причине, что чуть ли не терпели финансовое крушение! Конечно, в то оставшееся навеки в памяти время мне было обидно, нет, не за себя, а за них! Но больше всего — до такой степени противно, что я и сегодня стараюсь как можно реже встречаться с так называемыми «верными» людьми, хотя они, как ни в чем не бывало, продолжают набиваться мне в закадычные друзья! Фу! — да и только!

А вообще-то, дорогой Илья Сергеевич, я зашел к вам в этот вечер пораньше исключительно для того, чтобы некоторое время плотно поработать в вашей прекрасной библиотеке, не возражаете?

И, конечно, получив у Ильи Сергеевича разрешение, я, все еще находясь под впечатлением разгово-

ра об удивительно прекрасной и в то же время горестно печальной судьбы Федора Васильева, спустился в полуподвальное помещение, в конце которого располагалась в обширном помещении библиотека, надо сказать, уникальная, ибо ее составляли несколько десятков тысяч раритетных книг — прекрасно изданных в России еще в далекое царское время и по живописи, и по истории, и по философии, — почти всех направлений развития человеческой мысли и души. В полуподвале, куда я, с надеждой на скорое возвращение не попрощавшись с Глазуновым, спустился по узкой каменной лестнице, почему-то лампочки, защищенные специальными плафонами, горели через одну, и я, идя, точнее, пробираясь по слабо освещенному узкому, по обеим сторонам заложенному почти до самого потолка известными только самому хозяину дома стеновыми бревнами разобранной старинной избы-пятистенки, еще в молодые годы Глазунова привезенными им из далекой северной Архангельской области и каким-то чудом сохранившимися, я вдруг в самом конце коридора, перед самым входом в библиотеку, увидел несколько холстов, туго натянутых на подрамники и прислоненных под небольшим углом к побеленной по штукатурке кирпичной стене. Один из них из профессионального любопытства повернул лицевой стороной к себе — и, к своему немалому удивлению, увидел портрет Александра Руцкого,

совершенно законченный. Мгновенно задался вполне естественным вопросом: «Почему он, вместо того чтобы достойно висеть в Глазуновском музее, рядом с достойными сыновьями отечества, обидно пылится в полутемном подвале у художника, его когда-то, уверен, с удовольствием написавшего». Проделав в библиотеке всю необходимую мне работу, я, крайне озадаченный незавидной судьбой законченного портрета, поспешно вернулся в гостиную и, с нетерпением дождавшись, пока из мастерской, тщательно вымыв руки в раковине, придет уставший, но довольный еще одной законченной картиной великий художник, в душе несколько тревожно думая, что своим вопросом могу его расстроить или просто обеспокоить тем, что лезу не в свое дело, все же первым делом, но как бы между прочим, спросил его:

— Илья Сергеевич, интересно, почему готовый портрет личности столь известной и значимой для истории государства Российского как Руцкой пылится вместе с другими работами в полуподвале?

— А как это вы его в полумраке умудрились разглядеть?!

— Да уж постарался! Не взыщите!

И по суровому взгляду Глазунова понял, что коснулся темы, о которой он не хотел бы вообще говорить. И все же после длительного молчания художник не без какой-то внутренней борьбы ответил:

— Портрет Руцкого? Да я в свое время написал его с натуры!



— Извините, — перебил я Глазунова. — Уж не в осажденном ли президентскими войсками и отчаянно горевшем Доме правительства?

— Нет, еще задолго до этих кровавых событий!

— В то самое время, когда он был вице-президентом России? — продолжил, как мне ни было неудобно, допытываться я.

— Как раз в том-то и заключаются все многие, в первую очередь народные, да и наши с вами сегодняшние, совсем незаслуженные беды, что был, но, к большому моему сожалению, так бесславно сплыл! — уклончиво, но с заметным раздражением ответил Глазунов.

— Илья Сергеевич, по вашему тону мне кажется, что вы испытываете какую-то неприязнь к Александру Руцкому, или я ошибаюсь?

— Не то, чтобы неприязнь, но разочарование — это точно!

— Вот оно как! И значит, можно сделать вывод, вы настолько благоволите к людям, наделенным большой государственной властью, что не без восторженных чувств, вдохновенно спешите запечатлеть их многозначительные образы на полотне, причем неизменно с натуры, но стоит им потерпеть поражение в борьбе за все ту же власть — будь она, по большому счету, неладна! — как они чуть ли не мгновенно становятся для вас ну совсем неинтересны! Более того, вы их начинаете презирать до такой степени, что, как в поучительном случае с Руцким, да-

же испытывая острую финансовую потребность, никак не решитесь предложить ему выкупить портрет, в общем-то принадлежащий ему по вашему же праву, вернее, правилу, однажды и навсегда установленному! А почему? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Да потому, как я считаю, что вы с самого начала писали его в подарок — и портретируемый прекрасно знает об этом! Но и в этом случае я бы на вашем месте, не желая лично встречаться с Руцким, так, через общих знакомых, без лишних слов передал бы ему обещанную работу. Зачем лишний камень на сердце носить — не пойму?!

— Иван Иванович, вы мне, как какому-то нерадивому ученику, целую воспитательную отповедь пропели! Но все же я оставляю за собой право и сегодня поступать так, как считаю необходимым! Вам понятно?!

— В полной мере! — разгорячено, даже с некоторой обидой мрачно ответил я.

На этом наш непростой разговор, так неожиданно, словно вязанка хвороста, брошенная в горящий на ветру костер и вспыхнувшая, закончился. Начинать новый, до конца не осмыслив увиденное и услышанное в этот раз у Глазунова, мне ну совсем не хотелось, и я, вежливо раскланявшись с Ильей Сергеевичем и его верной спутницей, отправился домой. □

*Продолжение следует.*

# Дуддка

— Продам счастье, — перечитал Алексеев объявление в газете. — Недорого.

Счастье — это было то, что так не хватало Алексееву.

— Надо же, еще и недорого! — недоверчиво покачал он головой и протянул руку к телефону.

— Але! Это вы продаете счастье? — спросил Алексеев, когда ему ответил веселый девичий голос.

— Я!

— И что, правда — недорого?!

— Да, ей крест!

— А если оптом возьму, скидочку сделаете?

— На счастье скидочек не бывает, — ответил девичий голос таким тоном, что Алексееву стало стыдно.

Ехать пришлось за город.

Дом, в котором продавалось счастье, оказался деревенской лачугой. Алексеев даже хотел развернуться и уйти: разве может в такой конуре продаваться счастье?! Но внутренний голос, который просыпался исключительно в минуты сомнений, твердо сказал ему: «Попробуй! Чем черт не шутит».

Калитку открыла веснушчатая полная девушка. Без лишних разговоров она протянула Алексееву маленький сверток и сказала:

— Пятьсот рублей.

Алексеев отдал ей деньги и развернул газету. Внутри оказалась деревянная палочка с дырками.

— Что это? — обиженно спросил он, чувствуя, что его надули.

— Дудка, — объяснила девушка.

— Я не умею играть на дудке, — нахмурился Алексеев.

— А на ней не надо играть. Если чего-то захотите, в дудку дунете, и все исполнится.

— Врете!

— Ей крест!

— А зачем же вы тогда продаете такую чудесную дудку?

— Вы берете или нет? — рассердилась девушка.

— Беру, — растерялся Алексеев и сунул дудку в карман. Вот дурак, счастье захотел недорого купить!!!

Калитка захлопнулась у него перед носом, лязгнув железной щеколдой.

Автобуса не было сорок минут. Алексеев выкурил с десяток сигарет, проголодался и очень замерз. Через каждые пять минут ходили маршрутные такси, но это было для него непозволительно дорого.

Прошло еще десять минут. Алексеев так разозлился на себя за бесполезную поездку, что в сердцах выбросил сверток в урну. Ну, не дудеть же в дудку, чтобы автобус пришел! А впрочем...

«Чем черт не шутит», — сказал внутренний голос, который ничего не говорил просто так.

Наплевав на косые взгляды, Алексеев вытащил сверток из урны, развернул его, достал дудку и дунул в нее изо всех сил. Дудка издала резкий, противный звук.

— Хочу, чтобы автобус пришел,» — шепнул он и тут же увидел на горизонте желтый «Икарус».

— Совпадение, — развел Алексеев руками, но на всякий случай сунул дудку в карман.

Борисов на работе чуть не помер со смеху.

— Что, говоришь, счастье нашел?! Волшебную дудку купил?! За пятьсот рублей?! Желания. Говоришь, исполняет?! А ну-ка, ха-ха-ха, хочу, чтобы пивной дождь пошел! — Раздув щеки и покраснев от натуги, Борисов начал дуть в дудку, но та не издала ни звука.

— Смотри-ка ты, — удивился Алексеев, — хозяина знает!

Он отобрал дудку у Борисова, тщательно вытер ее носовым платком и, провозгласив:

— Хочу, чтобы с главной бухгалтерши юбка свалилась! — со всей силы дунул. Дудка отозвалась резким гудком.

Главная бухгалтерша была надменной блондинкой тридцати пяти лет с интересными формами.

Через пять минут она ворвалась в кабинет, потрясая над головой бумагами:

— Борисов! Алексеев! Что вы, разгильдяи, в ведомостях наворотили?! Почему у меня ни один показатель не сходится?! Чем вы тут занима...

Не успела главная договорить свой темпераментный монолог, как дверь за ее спиной стала закрываться и, зацепив шлевку, в которой крепился пояс, разорвала юбку на бухгалтерше пополам. Под юбкой оказался сложный корсет с утяжками и накладками, которые прибавляли бухгалтерше интересностей...

Ойкнув, она умчалась, подхватив юбку и уронив бумаги.

— Фантастика! — прошептал потрясенный Борисов. — Но, скорее всего, совпадение.

— Не знаю, не знаю, — пробормотал Алексеев, чувствуя, как от счастья засосало под ложечкой.

Ужинал он в ресторане.

Сначала в японском, потом в китайском, потом в мексиканском, а потом так вообще — в чешском.

После этого его затошнило, и он вернулся домой. На такси, разумеется, так как с деньгами проблем больше не было.

«И зачем деревенская девица продала эту дудку? — думал Алексеев. — Да еще так дешево... А сама-то, сама-то живет в такой халупе! И ходит в обносках!»

Из дома он позвонил Борисову:

— Ты это, передай завтра на работе, что я увольняюсь.

— Понятно, — с неприкрытой завистью вздохнул Борисов и положил трубку.

И все-таки — какая это была мелочь и шушера — автобус, рестораны, юбка бухгалтерши...

Этой мелочью Алексеев был счастлив ровно двадцать четыре часа.

От ресторанов его воротило, и хотелось кефира, кефира и только кефира — фруктового, с отрубями. А для этого и дудка была не нужна. А Потапова оказалась всего лишь смешливой душой с нарощенными ногтями.

Часами «Патек Филипп», машиной «майбах», парочкой вилл на Майями, счетом в швейцарском банке, квартирами в Париже, Лондоне и Берлине,

а также личной футбольной командой Алексеев обзавелся одним свистком. Вторым свистком были улажены вопросы с визами, налоговой и признанием в высшем свете.

С женщинами Алексеев решил подождать. А вдруг все они — дуры с нарощенными ногтями?!

Был ли он счастлив?

О, да!

Правда, от мысли, что в любой момент он может получить все, что захочет, начинало сильно тошнить...

Хотелось эту дудку чем-нибудь озадачить. Чем-нибудь эдаким, невыполнимым. Или хотя бы трудновыполнимым. Алексееву казалось, что если дудка исполнит какое-нибудь фантастическое желание, он будет более счастлив.

— Хочу на Луну, — сказал он дудке, нажарившись на пляже Ипанема и проиграв в Лас-Вегасе миллионное состояние.

Дудка в ответ издала совсем уж неприличный звук, но Алексеев тут же оказался на Луне. И чуть не умер от страха, холода, темноты, одиночества и нехватки кислорода. В легкиххватило воздуха ровно настолько, чтобы крикнуть: «Домой!» и дунуть в дудку, которая отозвалась радостным свистом.

— Ну, ты даешь! — испуганно выдохнул Алексеев, оказавшись на леопардовой шкуре в своей вилле на Майями.

Экзотики расхотелось. Впрочем...

— Хочу быть президентом Соединенных Штатов, — попробовал пошутить Алексеев.

Дудка сердито свистнула, и наутро Алексеев проснулся в Белом доме. Все было вроде и ничего, но... жена осталась от прежнего президента.

За три дня Алексеев так устал от президентских хлопот, что свалился с температурой.

— Вертай все обратно, — обессилено дунул он в дудку.

С этих пор Алексеев стал осторожен в своих желаниях. Более осмотрителен, что ли. Например, решил, что с плешью и животиком пора бы расстаться.

— Сделай-ка ты меня самым красивым мужиком в мире, — попросил он дудку и весело дунул в нее.

Дудка отозвалась тихим писком.

Утром Алексеев без особого интереса рассматривал в зеркале свое отражение. Ему достались темные волосы, голубые глаза, безупречные бицепсы, высокий рост, гордая осанка и взгляд с многозначительной поволокой. Его внешность была безупречна.

Был ли он счастлив?

О... да. Он был так счастлив, что помереть хотелось.

Затем Алексеев попробовал быть поп-звездой, депутатом Государственной думы, арабским шейхом, нефтяным магнатом и даже лидером международной преступной группировки. Все это оказалось утомительно и в конечном итоге — скучно.

Однажды он проснулся на своей вилле с отвратительным ощущением, что уже не знает, чего хотеть.

— Верни-ка ты меня домой, в хрущобу, что ли, подруга, — обратился Алексеев к дудке. — И сделай опять рыжим, плешивым, толстым и маленьким. Надоело видеть в зеркале знойного красавца.

Весело пикинув, дудка беспрекословно исполнила это странное желание.

Оказавшись в старой квартире, в своем прежнем облике, Алексеев почувствовал некоторое успокоение.

Пару дней дудка пролежала без использования. Пару дней Алексеев думал, чего бы еще захотеть.

Может быть, вечной жизни?!

При мысли о многих миллионах лет беспечного существования у него заныло под ложечкой, и он покрылся холодным потом. Пожалуй, он подождет с такими глобальными желаниями. Вдруг цивилизация погибнет, планета взорвется, дудка сгниет от старости, а он будет скитаться во Вселенной в темноте, страхе и одиночестве?

Но чего же тогда просить?! Чего желать?!

Может, попросить таланта? Только зачем? С талантом надо работать, а работать Алексееву не хотелось.

Здоровья?! Его вроде бы и так хватает.

Жизнь, несмотря на отсутствие проблем, уверенно заходила в тупик.

Друзей не было. Любви тоже.

Все это можно было получить мгновенно, по одному свистку. И от этого становилось тошно.

В результате началась затяжная депрессия. Отменять ее свистком не хотелось. Алексеев целыми днями думал, чего бы еще захотеть, чтобы стать счастливее.

Может, попросить что-нибудь для человечества? Отсутствия войн и болезней, например. Чтобы все стали добрыми, красивыми, умными, здоровыми, порядочными, интеллигентными....

Представив этот беззубый, приторно-прекрасный мир, Алексеев чуть не завыл от тоски.

Нет, он начнет с малого.

— Хочу, чтобы Петр Петрович с первого этажа помолодел и начал ходить, — приказал он дудке и победно дунул.

Петру Петровичу было восемьдесят девять лет, он лет десять как был парализован и все не мог отдать богу душу.

Увидев утром соседа, прогуливающегося во дворе с собакой, Алексеев обрадовался. Петр Петрович выглядел лет на сорок, седина осталась только на висках, а ногами он перебирал не хуже своей борзой.

— Петр Петрович, вы счастливы? — спросил Алексеев соседа, но наткнулся на непонимающий, хмурый взгляд.

— Застрелиться хочу, — ответил Петр Петрович.

— Почему? Вы так чудесно помолодели, начали ходить...

— Да потому, что я должен был помереть! — заорал Петр Петрович. — Я уже дарственную на квартиру дочери написал, а теперь что?! Теперь ей с мужем и детьми где жить?!

— Но это же такое счастье, такая удача вновь приобрести здоровье и молодость! — пробормотал Алексеев.

— Все должно идти своим чередом, — все так же хмуро проговорил Петр Петрович, и эта простая мысль поразила Алексеева. — Все! Человек не может выйти из точки А и прийти в точку Б, не протоптав собственными ногами каждый сантиметр пути, неважно — усыпаны эти сантиметры розами или утыканы гвоздями, понимаете, молодой человек? Если бы я, чтобы помолодеть и встать на ноги, боролся, сопротивлялся, страдал, делал все возможное и невозможное, тогда — да, я обрадовался бы полученному результату. А так... словно кто-то взмахнул волшебной палочкой. Это пошло, гадко, а главное — дочке негде жить. Застрелиться хочется.

Вечером Алексеев попросил дудку, чтобы Петр Петрович снова составил и его разбил паралич.

Все должно идти своим чередом. Из пункта А нельзя попасть в пункт Б, не протоптав каждый сантиметр своими ногами.

Как просто.

Как идиотски все просто, а главное — дудка для этого не нужна.

Утром позвонил Борисов и сказал, что они с отделом собираются в выходной на пикник. Алексееву так вдруг захотелось вместе с отделом в выходной на пикник, так захотелось... как не хотелось ни «майбаха», ни часов «Патек Филипп», ни уважения в высшем обществе. Это было первое желание за последнее время, которое не пришлось вымучивать. И для этого опять-таки не нужна была дудка!

Пикник прошел весело, с дешевой водкой, с подгоревшими и пересоленными шашлыками, с сальными анекдотами и скидыванием последних рублей на канистру пива.

Алексеев был счастлив.

Дудка лежала у него в кармане, и в ней не было надобности даже для того, чтобы наскрести денег на пиво.

Все звали Алексеева обратно в контору, и главная бухгалтерша тоскливо вспоминала, как ловко и всегда вовремя Алексеев сдавал свои отчеты и ведомости.

— Борисов, — шепнул пьяненький Алексеев другу, — а хочешь, я подарю тебе дудку?

— Нет! — отрицательно замотал головой Борисов.

— Почему?! Она же все желания выполняет, ей крест!

— Раз ты ее даришь, значит, здесь что-то нечисто. Нет, не хочу!

Алексеев удивился пронизательности друга. И как ему самому в голову не пришло, что, раз та деревенская девица так дешево продала такую чудесную дудку, значит, здесь что-то нечисто?!!

На работу он вышел с понедельника.

Дудка по-прежнему лежала в кармане, но он не дул в нее даже тогда, когда в буфете у него не хватило рубля на кекс с изюмом.

Все должно идти своим чередом.

Даже автобусы.

Наутро Алексеев дал объявление в газету.

— Продам счастье, — продиктовал он вежливой девушке. И, подумав, добавил: — Недорого! □





# Вера Бурдина

\*\*\*

Среди вселенского простора,  
Укутанная в небосвод  
Планета... Яблоко раздора?  
Познания запретный плод?

Она осталась бы невинной,  
Когда бы не была живой:  
С горячей, сочной сердцевиной  
Под тонкой, нежной кожурой.

В сиянье облачного шелка,  
В океанической росе  
Она кружит, но плодоярка  
Уже грозит ее красе.

Свободы сфера и неволи  
(под жесткий вектор: вверх и вниз)  
Уже размечена на доли  
Условной патиной границ.

Она полна любви и жизни,  
Земной, небесной и морской,  
Пока ее враждой не выжжет  
Едва рожденный род людской.

Без суемыслия, по-детски  
Садовника миров моли,  
Чтоб сохранил в ветвях эдемских  
Живое яблоко Земли!

\*\*\*

Земле глобальную разметку  
Придал географ. Ах, конфуз —  
Поэт ее забросил в сетку,  
Как будто быковский арбуз!

Географическая польза  
И поэтический пассаж:  
Минувшей «оттепели» поза  
И легкой фронды эпатаж.

Понятно, так удобней в носке.  
Но в чьей руке из года в год

«Земля качается в авоське  
Меридианов и широт»\*?

В какое попадет застолье,  
Где спело лопнет без ножа?  
Воображению — раздолье,  
Но ропщет бедная душа.

Метафоры полны пророчеств,  
От них порой бросает в жар.  
Куда несут повдоль обочин  
Расчерченный на доли Шар?

\*\*\*

Из подо льда воды не пробуй —  
Студеной обожжешь гортань...  
Январь. Нева. Чернеет прорубь —  
Зимы блокадной иордань!

Смертельная поземка стлалась,  
А по застругам среди льда  
Людская скорбно череда  
Тянулась к проруби... Осталась  
На жизнь лишь нельская вода.

Не замечая гром орудий,  
Обратный не предвидя путь,  
На наледь привалиться грудью,  
Набраться сил и зачерпнуть.

Не слышно стонов и рыданий,  
Лишь тяжесть общего ковша.  
Поднять его, едва дыша,  
С водой святой из Иордани...

---

\* А. Вознесенский



Прими крещение, душа,  
Во дни смертельного крещенья  
С великой жаждою отмщенья!

От санок лялочку — на плечи,  
Шажок, еще один шажок.  
А встречный ветер — как ожог.  
Даст Бог — дойдешь, а не расплещешь,

А не дойдешь — ничком в снежок.  
Минуя времени застругу,  
Донес ли через глад и хлад  
Святую воду к Петербургу  
Блокадный, скорбный Ленинград?

Смерть не становится понятней,  
Жизнь не становится мудрей.  
Январь. Блокада. Водосвятье  
Откуда в памяти моей?



\*\*\*

Из туч лиловых во дворы  
зима просыпала излишки...  
Катают снежные шары  
неугомонные мальчишки!

Теперь в ночи свечи не жги:  
как мир возник, душе известно —  
играли ангелы в снежки,  
и зажигались звезды в безднах!

И я почувствую ожог,  
и тяжесть мира станет легче,  
когда мальчишеский снежок  
запорошит лицо и плечи.

Лепили ангелы шары  
из облаков первичной плазмы  
в пылу Божественной игры  
среди бесплодного простанства.

Сниму перчатки, сброшу шарф  
и, вспомнив жар любви и слова,  
скатаю белоснежный шар  
из безнадежности бывшего.

Судьбу за холод не кори,  
пока не ведаешь итога —  
играют ангелы в миры  
под ласковым присмотром Бога...

# Итоги конкурса «Знаки судьбы»

*Дорогие читатели!*

Спасибо всем, кто принял участие в нашем конкурсе! Мы не ожидали, что придет такое количество писем с очень интересными и разнообразными историями. В конкурсе приняли участие более 2 тысяч человек, а победителями стали:

**1-е место** — Николай Крупин, г. Самара, рассказ «Вещий сон»

**2-е место** — Вадим Деревянский, г. Макеевка,  
Донецкая Народная Республика, рассказ «Ванька»

**3-е место** — Оксана Смирнова, г. Москва, рассказ «Суженый»

*Удачи и счастья всем вам,  
дорогие друзья, в Новом году!*

**1-е место**

Николай Крупин

## **Вещий сон**

От радости Арт чуть не подпрыгнул: вот так удача! Он совсем не ждал ее, а она пришла. Наверное, так и надо: не ждать и даже не думать об удаче — и она неожиданно нагрянет. Снова и снова Арт смотрел на монитор компьютера, выключал его, опять включал — ошибки не было: организаторы национального музыкального фестиваля приглашали его — непрофессионального, самодельного автора песен — выступить в итоговом концерте. Сообщалось, что концерт состоится в городе Л.

Арту скоро пятьдесят, почти столько же песен на свои и на чужие стихи он сочинил. Конечно, пятьдесят песен — это мало, но песни-то хороши! Даже профессиональные музыканты хвалили их, и, как казалось Арту, ему немного завидовали.

Лет двадцать назад Арт решил выступить на музыкальном конкурсе со своей песней, но разволновался, выступил плохо и даже не прошел предварительный отбор. После этой неудачи он решил больше никогда и нигде публично не выступать. Но не сочинять песен Арт уже не мог. Случалось, чьи-то стихи так будоражили его душу, что музыка сама ложилась на строки, и Арт ее только записывал, фиксировал. Это было как наваждение: минутная задумчивость, отстранение от внешнего мира, и вот — рождается гармония музыкальной фразы! Она пока физически не слышима, но осязаема сознанием. Так и случилось с последней песней Арта на стихи его друга, которая понравилась организаторам фестиваля. Он разместил ее в Интернете на одном из музыкальных сайтов. И вот результат: его приглашают на фестиваль. При этом оплачивают дорогу, проживание в гостинице... Такое случается один раз в жизни. К черту сомнения, робость! В дорогу!

Сегодня четверг, а концерт в субботу вечером. Значит, завтра же надо лететь самолетом — иначе не успеть. А сегодня ночью хорошенько выспаться. Да разве уснешь — такая радость! Арт, наверное, раз десять спел песню и не переставал восхищаться собой: как хорошо получился у него тот нечаянно возникший из-за ошибки переход от минорного уменьшенного септаккорда к мажорному уменьшенному нонаккорду! Этот переход — изюминка мелодии.

А теперь — спать! Спать и спать!

*Управление национальной безопасности республики.*

*Четверг, 5 июня, вечер.*

*Начальник управления:*

— Коллеги, я вызвал вас на экстренное совещание по причине, не требующей никаких отлагательств. Из достоверных источников получена информация о готовящемся покушении на жизнь президента. Источник указал только дату планируемой акции — 7 июня. И это все, что мы имеем. Как вы знаете, президент 7 июня прилетит в город Л. и проведет там весь день. Вечером он будет присутствовать на итоговом концерте лауреатов национального конкурса песни. Поступающая информация будет до вас доводиться немедленно.

— Билетов до Л. на сегодня нет. Есть только на послезавтра.

— Как нет?! — едва ли не закричал Арт.

Этого он никак не ожидал. Путешествие на самолете в последнее время стало очень дорогим удовольствием, и он надеялся, что билеты будут. Ехать на поезде? Арт прикинул расстояние, пересадки: на поезде не успеть. Тогда только лететь. Но где взять билет?

Он вдруг почувствовал, как кто-то взял его под руку — бережно и деликатно. Арт обернулся — рядом с ним стоял мужчина. Ничем не примечательный человек: среднего роста и возраста, прилично, но неброско одетый, с незапоминающимся лицом — такого не выделишь из толпы.

— Мы вам поможем. Вы на время станете генералом: получите форму, документы — все как положено — и пройдете в шестое окошко. Там получите билет.

Кто такие «мы», почему они ему хотят помочь? Арт об этом даже не подумал — его поразило предложение на время стать генералом. И пока он удивлялся этому странному предложению, не заметил, что оказался в приличном серо-голубом генеральском мундире. В кассе номер шесть ему, едва ли не кланяясь, протянули билет на Л. Арт поспешил на регистрацию рейса — диктор по радио его как раз объявил. Вот тут и началось непонятное и неприятное. Генеральский мундир вдруг куда-то исчез. И регистраторы, и охранники начали предъявлять непонятные требования. Например, не разрешали провоз гитары. Спор по поводу гитары шел очень долго, пока кто-то из охранников не сказал:

— Да пусть провозит эту бандуру!

Затем начались претензии к Арту по поводу багажа. Действительно, багажа было очень много: чемодан, рюкзак, сумки... Стали проверять содержимое. И все очень медленно, как показалось Арту — нарочито медленно.

— Я не беру с собой эти вещи! Оставьте их себе! — почти прокричал он и устремился к самолету. Что за чертовщина! Только что Арт находился в помещении современного аэропорта, но, ступив за дверь, почему-то оказался на пустыре. Вокруг железные и кирпичные сараи, беспорядочно растущие кустарники, скудная зелень под ногами. Неподалеку от него пожилая худая женщина пасла корову.

— Как мне попасть на самолет? — зачем-то спросил ее Арт.

— Переправишься через канал, там увидишь самолет. — Женщина палкой, которой погоняла корову, показала на канал.

— Как же я его переплыву? У меня гитара, сумка. Да, наконец, я в одежде. — Хоть чудеса и шли один за другим, Арт все никак не мог к этому привыкнуть.

— Ты что, не видишь — судно же стоит, — снова палкой показала она на судно.

Действительно, рядом, вяло покачиваясь на синих волнах, стояло судно. Арт ступил на палубу. Старое ржавое корыто — первое, что пришло ему в голову. Но самым удручающим было то, что на судне отсутствовала команда.

Один человек все же попал в поле зрения Арта. На ржавой палубе грелся на солнце немолодой полный мужчина. На голове его была капитанская фуражка, на лице рыжая и по виду жесткая щетина, а само лицо красное, то ли от солнца, то ли от ветра. «Он похож на «Морского волка», — отметил Арт.

— Как же мне переплыть канал? — тоскливо проговорил он и тут увидел, что вдалеке, на другом берегу, рядом стоят два огромных воздушных лайнера. Они стояли посреди пустынного поля, покрытого редкой сухой травой. «Морской волк» с палубы куда-то исчез, и вместо него появился невзрачный мужчина, среднего роста и возраста, в сером костюме и с незапоминающимся лицом. Он безразлично смотрел на воду за бортом.

— Куда летят эти самолеты? — спросил у него Арт.

— Эти птицы летят на «тот свет», — продолжая смотреть на воду, ответил незнакомец.

Не придав значения такому странному ответу, Арт снова спросил:

— А я долечу до Л.?

— Я же вам сказал: они летят на «тот свет» — один в рай, другой в ад.

До Арта все же дошел смысл слов незнакомца. Он хотел еще что-то спросить, но невзрачный мужчина пропал так же неожиданно, как и «Морской волк». А судно почему-то стояло уже на другом берегу. Арт спрыгнул на берег и устремился к самолетам. Но в какой самолет садиться? (Рай, ад — что за бред?!) У кого бы спросить? Он опять увидел женщину, пасшую корову. Но теперь она находилась далеко, очень далеко.

— На какой самолет мне садиться?! — сложив ладони трубкой, громко прокричал Арт как в рупор. И в ответ услышал тихий и спокойный голос, словно старуха была рядом:

— Не надо. Не садись в самолеты.

Но уже явственно слышались звуки разгоняющихся моторов, и было видно, как лайнеры медленно стали вырывать на взлетные полосы. Арт, позабыв обо всем, устремился к самолетам...

... Арт стоял за кулисами в большом концертном зале.

— Вы же Арт из города С.? Приготовьтесь — следующее выступление ваше, — скороговоркой протараторила женщина и сразу ушла.

— Да, да, конечно, — ответил ее спине Арт и с ужасом обнаружил, что у него нет гитары. Рядом с ним стояли другие музыканты, к ним он и обратился за помощью. Оказалось, что не так это просто — взять у музыканта

напрокат инструмент. Один музыкант предложил гитару, но у нее вместо струн по всему грифу располагались баянные кнопки. Другой музыкант подал Арту гитару вообще без струн:

— А ты представь, что струны есть и они зазвучат, — расхохотался он в лицо растерянному Арту.

Вдруг сзади кто-то легонько похлопал его по плечу. Это был неприметный мужчина в сером костюме, который держал в руке обычную шести-струнную гитару.

— Это вам, — сказал он и протянул Арту инструмент.

— Я вам ее сейчас же верну, вот только песню пропою, — обрадовался Арт.

— Гитара настроена. Идите — вас объявили, — и мужчина быстрым шагом удалился.

Арт вышел на сцену. Волнения — то, чего он так боялся, — не было. А был его голос, звук его гитары и притихший, огромный как весь мир зрительный зал. И была песня о снеге, который таял в руках прекрасной женщины и каплями прозрачной воды стекал ей под ноги. А снег — это ее любимый. Он был на небесах, и встретиться с ней мог только вот так — выпав снегом...

Звучание аккорда еще не закончилось, как с неба — наверное, в благодарность Арту — спустились серо-голубые птицы, много птиц. Они образовали вокруг него живое кольцо. И тут произошло чудесное и захватывающее дух явление: это кольцо засветилось вдруг ярче солнца, оно ослепило всех, сделало людей неживыми, прозрачными, как ангелы. И раздался чудовищной силы звук, словно взорвалось солнце — ослепив и оглушив всех...

...Арт проснулся. Солнце светило ему прямо в глаза. Сверху что-то грохнуло — закачалась люстра.

— Ненормальные соседи! — разозлился он. — Затягли переезд с утра пораньше. А какая все же ерунда приснилась перед поездкой!

Арт знал, что надо делать, чтобы быстрее забыть сон: надо сразу же заняться чем-то серьезным.

*Управление национальной безопасности республики.*

*6 июня. Пятница. Утро.*

*Начальник управления:*

*— Мы имеем новое сообщение от нашего агента. Покушение будет произведено во время фестивального концерта в открытом зрительном зале в городе Л. вечером 7 июня. Это будет взрыв. Как сообщает агент: и само взрывное устройство, и способ приведения его в действие еще нигде и ни-*



*когда не применялись. В нашем распоряжении не более полутора суток. Проверить все и всех: организаторов фестиваля, obsługу, зрителей, выступающих...*

Арт благополучно доехал до аэропорта. Свой старенький автомобиль оставил на стоянке и пошел в билетные кассы.

— Билетов в Л. на сегодня нет.

Не успев расстроиться, он, неожиданно для себя, продолжил за кассиршу:

— Есть только на послезавтра.

— Откуда вы знаете? — удивилась кассирша.

Он, наконец, пришел в себя: надо лететь, а где взять билет?

— Мы вам поможем, — сзади, слегка придерживая его за локоть, стоял неприметный, среднего роста мужчина.

— А мне для этого надо стать генералом? — почти с вызовом спросил Арт неожиданно появившегося помощника.

Мужчина обернулся к своему напарнику (их, оказывается, было двое), такому же, как и он, неприметному на вид человеку, и пожал плечами, мол, о чем это он?

— К сожалению, произошел сбой в компьютере у кассира. Пройдите в другую кассу, например, в кассу номер шесть, там вам дадут билет.

И действительно, в кассе номер шесть Арт получил билет на следующий рейс до города Л. Он обернулся, чтобы поблагодарить мужчин за помощь в приобретении билета, но их уже не было.

Регистрация на рейс прошла без проблем, и это почему-то обрадовало Арта. Все волнения о предстоящей поездке остались позади — он сидел в кресле самолета и смотрел в иллюминатор, как воздушное судно вырулило на взлетную полосу и, разогнавшись, оторвалось от земли. Солнце светило через иллюминатор прямо в глаза, и Арт, задернув шторку, уснул. И к нему снова пришел удивительный сон.

Он увидел свою бабушку — высокую сухощавую женщину. Когда-то давно, Арт был еще подростком, он приезжал к бабушке — она одиноко жила в селе. У бабушки было небольшое хозяйство: огород рядом с речкой и живность: куры и корова, которую бабушка называла «моя кормилица». Во сне и увидел Арт бабушку с коровой. Заприметив его, она стала что-то говорить: спокойно и тихо — так говорят о чем-то важном. Но он не смог ничего разобрать из ее слов...

Самолет пошел на посадку. Арт проснулся и уже наяву вспомнил бабушку, интеллигентную женщину, волею судьбы оказавшуюся в деревне. У нее были странные увлечения: например, она занималась нумерологией.

Однажды, по дате и времени его рождения определяя его характер и наклонности, она сказала:

— Люди, рожденные в этот год, день и час, видят вещие сны.

Тогда он не придавал словам бабушки особого значения, а сейчас задумался, сбывались ли его сны? Оказалось, что сбывались!

*Управление национальной безопасности.*

*6 июня. Пятница. Вечер.*

*Утром в управление поступили весьма важные данные о готовящемся покушении на президента. Готовящийся акт каким-то образом должен быть связан с одним из участников итогового концерта. Среди участников концерта большинство довольно известные музыканты: либо на национальном, либо на региональном уровне. Неизвестным был только некто Арт: одинокий пятидесятилетний мужчина из города С. Его родители умерли, с женой он давно развелся. Единственная дочь живет вместе с его бывшей женой за границей. И та, и другая почти не контактируют с Артом. Есть дальние родственники, они живут в других регионах страны. Пробирается случайными заработками. Замкнут. Со странностями.*

*Это все, что смог сообщить агент, так как впоследствии был убит. Начальник управления воспринял информацию об Арте весьма внимательно. Что-то его насторожило. Было передано распоряжение в город С., чтобы под любым предлогом помешать Арту приехать в Л., но распоряжение пришло поздно — Арт уже сел в самолет...*

В гостинице Арт спал опять плохо. Вдруг все стало мешаться в голове: предстоящее выступление, нахлынувшие воспоминания детства (бабушка), два нелепых сна, привидевшиеся ему за сутки... И снова мысли о том, а хватит ли смелости выйти на сцену? И сомнения: для чего он едет — для славы, известности? Но ведь песня не только его, но и друга. Значит, нужно спеть и ради друга. Друг покинул земные пределы почти два года назад — умер от разрыва сердца позапрошлой осенью. Дождливый октябрьским вечером шел по улице и упал на мокрую палую листву. «Скорая» ехала долго — вечерние пробки. Осталась женщина, его возлюбленная. Теперь он на небесах и может встречаться с ней, только выпав дождем или снегом...

От многократного повторения песни возникло нехорошее предчувствие, что он ее забудет и не сможет спеть...

*Управление национальной безопасности.*

*6 июня. Пятница. Ночь.*

*Начальнику управления доложили: ни в самолете, ни в гостинице у Арта не было никаких контактов. На связь (телефон, Интернет) ни с кем не вы-*

ходил. В городе С. нет никаких данных о его связях, кроме выявленных на бытовом уровне.

Начальник управления после доклада подумал: «Ну и, слава богу!» А вслух сказал своим сотрудникам:

— Продолжайте за ним следить. В общем порядке.

С утра Арт гулял по городу. Двадцать пять лет тому назад он приезжал в город Л., но за эти годы город сильно изменился. Смена власти (в стране произошло что-то вроде революции), смена экономического уклада — это называли еще реформами — изменили город и, как показалось Арту, не в лучшую сторону. Но центр города, за исключением вывесок рекламы и обилия магазинов с иностранными названиями, мало изменился. Он не спеша ходил по центральным улицам города, смотрел на огромные темные витрины магазинов и салонов и видел в них свое отражение, как в больших зеркалах. Это немного забавляло Арта и отвлекало от предстоящего испытания — выступления перед огромной аудиторией. Но что это? По противоположной стороне улицы шел он — Арт! Это было не отражение в темных стеклах магазина, тем более что «другой Арт» шел в противоположную сторону. Арт остановился. Закрыв глаза, ладонями несильно сдавил с двух сторон голову, потом посмотрел на небо и, успокаивая себя, прошептал: «Со мной все в порядке!»

«Другой Арт» исчез. Он некоторое время пытался найти взглядом своего двойника, но не увидел и усмехнулся про себя: «Надо же, почудится такое!»

День был великолепный: безоблачное небо — что не часто случается в городе Л. — и яркое, но не назойливое солнце; короткими порывами, как бы дозируя порции свежести, дул несильный ветер. На набережной небольшой реки прогуливались люди. Опершись локтями на парапет, Арт стал смотреть, как медленно, словно лава с вулкана, внизу текла сине-зеленая вода. Рядом, в нескольких шагах от него, остановился мужчина. Он был в белой одежде и этим привлек к себе внимание. Посмотрев на него, Арт задумался: где-то я его уже видел. Но где? Человек был одет, как и многие отдыхающие на набережной: светлый костюм, светлая обувь, на голове капитанская фуражка, купленная в магазине головных уборов. Так что же необычного в этом человеке? Полный, на вид лет шестьдесят. А! Большое красное лицо, редкая светло-рыжая щетина — «Морской волк»! Человек, казалось, мечтательно смотрел на воду, но было заметно, что мысли его заняты совсем другим, причем, судя по его маленьким, поросычьим глазкам, думал он о чем-то приземленном, даже нехорошем. Арт слегка повернул голову, чтобы лучше рассмотреть «Морского волка», но того уже и след простыл.

Концерт должен был начаться в шесть часов вечера. Арт сел за столик открытого кафе — оно находилось рядом с концертным залом, где и предстояло ему выступить. Собственно, залом его нельзя было назвать — это большая современная открытая концертная площадка. И отсюда, с набережной, были видны и сцена, и зрительские кресла. Столик, за которым он сидел, располагался в тени большого дерева. Через листву кое-где просвечивало солнце, и яркие желтые пятна то бродили по брусчатке и столикам кафе, то вдруг исчезали. Арт поднял голову и посмотрел на крону дерева. На ветках неподвижно сидели птицы, похожие на голубей: серые, с зеленоватым отливом. Он неспешно перевел взгляд вниз — на брусчатку, и что-то показалось ему странным, даже не странным, а неправильным. Свою старую машину Арт обычно оставлял во дворе дома (гаража у него не было) на небольшой парковочной площадке, рядом с которой росли деревья. И птицы, сидя на ветках, пачкали своим пометом его автомобиль. Он еще раз посмотрел на крону дерева: птиц там немало, почему же внизу нет их помета? Птицы сидели неподвижно и своей неподвижностью чем-то напоминали елочные игрушки...

... Мысли о странных птицах сами собой куда-то исчезли, и Арт снова стал волноваться о предстоящем выступлении: справится ли он с собой, не упадет ли в обморок — сколько уж лет не выступал на публике.

Организаторы концерта распределили всех участников по артистическим уборным и предупредили: о выступлении вас заранее известят. Зрителей собралось много, пустых мест вообще не было. Арт как посмотрел на эту массу людей, так ему сразу же захотелось убежать отсюда куда подальше. От волнения отнялись ноги, голова пошла кругом. Вдруг вихрем налетели самые разные замысловатые зрительные фантазии: полет в самолете в ад, бабушка, погоняющая палкой «Морского волка», предстоящее выступление, птицы, взорвавшееся солнце...

Выступления начались. Арт слышал, как аплодировал зал выступавшим, честолюбие и гордость все же смогли пересилить робость — надо покорить зрителей! И когда ведущая концерта сказала ему, что скоро его выступление, надо пройти за кулисы, он морально был уже готов. Но, подойдя к столу, на котором лежала его гитара, вдруг с ужасом обнаружил, что она исчезла. Нужно было срочно у кого-то попросить инструмент, и он метнулся в соседнюю уборную. По дороге его перехватил какой-то мужчина и учтиво спросил:

— Что случилось?

— У меня пропала гитара, а мне сейчас на сцену! — чуть не плакал Арт.

— Не волнуйтесь, мы вам поможем. Алик, принеси гитару!

К ним тут же подбежал какой-то молодой человек и протянул Арту инструмент:

— Такая подойдет?

— Конечно, подойдет! У меня такая же была — чешская «Кремона», только эта с матовым кузовом, но это даже лучше — у нее более глубокое звучание.

— Ну, вот и пользуйтесь!

— Я вам ее сразу же отдам, — принялся извиняться Арт.

— Ничего, ничего! Вы, главное, сыграйте на ней, как положено. — И с этими словами оба мужчины почти бегом стали удаляться в глубь коридора.

Арт услышал, как ведущая объявила его номер. Не чуя под собой ног, глядя в зал, но не видя его, он подошел к микрофону и сразу запел. Он знал, что медлить нельзя: нужно либо что-то сразу сказать в зал, либо сразу начать выступление, иначе зрители могут как-то не так отреагировать на его появление на сцене.

Арт запел и сразу же почувствовал в себе уверенность. Акустическая аппаратура сто, тысячекратно усиливала звук его голоса и гитары. Песня звучала и на улице: по периметру концертной площадки установили мощные динамики. Он закрыл глаза, чтобы ни на что не отвлекаться и с чувством передать и слова, и музыкальную гармонию песни. Руки удивительно послушно брали сложные аккорды. Арт пел, и у него возникло чувство совмещения этого реального исполнения и исполнения песни во вчерашнем сне. И он уже не понимал, где он: во сне или в реальности. С ним такое уже бывало. Иногда особым усилием мысли он вводил себя в состояние транса, отстраненности от реальности: это помогало ему в творчестве, лечило стрессы и переживания. При этом в его сознании мягко вращались события прошлого, недавно пережитого, виденные когда-то сны и предчувствия чего-то необычного.

В конце второго четверостишья должны были прозвучать друг за другом два красивых аккорда. Первый аккорд Арт проиграл. Аппликатура пальцев очень сложна для исполнения, но это и замечательно — он вытягивал звучание аккорда, медленно и внятно проводя пальцем по струнам. Но только построил на грифе второй аккорд, как в его сознании возникли птицы из вчерашнего ночного сна — он увидел их, увидел, как они образовали хоровод над его головой, а еще увидел невыносимое для глаз сияние. Правая рука замерла над струнами — Арт все еще стоял с закрытыми глазами, и сияние мгновенно сменилось адской темнотой, сквозь которую стали проступать птицы, сидящие неподвижно на дереве около концертной площадки. Это ведь не настоящие птицы! Птицы взорвали солнце! Но как птицы могут взорвать солнце?! Оба самолета летели в ад!

Арт открыл глаза и, сделав небольшую паузу, возвращаясь в реальный мир, прокричал в микрофон:

— Птицы не настоящие! Надо поймать и убить птиц!

Зрители стали молча переглядываться, некоторые негромко задавали друг другу вопросы: «что происходит?», «это часть выступления?» Десяток рослых и широкоплечих мужчин быстро окружили президента страны и, почти невидимого за их широкими спинами, повели к выходу.

В зале началась толкотня — люди тоже заспешили к выходу.

Бросив гитару, Арт прямо со сцены выбежал на улицу, продолжая кричать что-то про птиц и солнце. Увидев, что птицы как сидели днем на дереве, так и сидят, он схватил со столика кафе пустую стеклянную бутылку и бросил в них. В птиц бутылка не попала, лишь задела несколько веток, но это их не спугнуло — они продолжали смирно и неподвижно сидеть на верхних ветках высокого дерева. Арта вот-вот должны были уже схватить за руки подбежавшие мужчины, но он все же сумел бросить еще одну бутылку. Подбитая птица камнем полетела вниз и с громким металлическим звуком ударилась о брусчатку.

— Я же говорил — они не настоящие! — показывая на птицу, воскликнул Арт.

Появилось много людей в форме. Человек с мегафоном призывал людей разойтись, потому что здесь опасно. Арта взяли под руки два коренастых мужчины в штатском, предложили пройти с ними и буквально понесли его к большой черной машине...

Через два года после описанных событий.

Арт теперь жил в городе Р. Он отпустил бороду и стал носить очки. Работал Арт в солидном учреждении — настолько солидном, что оно даже не имело вывески — специалистом по делопроизводству, и звали его вот уже два года Александром. Так было надо для его же безопасности. Все, о чем он рассказал спецслужбам, вызвало только удивление. Психологи назвали этот случай уникальным, и некоторые из них принялись исследовать феномен «вещих снов». Долго ломали головы инженеры над устройством «птиц»: взрывчатое вещество, находящееся в их механизме, должно было сработать в определенный момент, но что являлось приводом — выяснить так и не удалось. Агент, внедренный в группировку террористов, был убит как раз накануне событий в городе Л., и ничего уже не мог рассказать. После неудачной попытки покушения на президента террористы надолго залегли на дно...

... В середине рабочего дня директор учреждения, где работал или просто числился Арт-Александр, вызвал его к себе в кабинет. Там помимо директора находился еще один мужчина, который представился сотрудником Управления по национальной безопасности. Он и сообщил Арту, что его

жизни с недавнего времени больше ничего не угрожает — он может вернуться к себе домой и спокойно жить, как прежде. Организация, которая планировала и осуществляла террористические акты, полностью ликвидирована. Члены организации, захваченные в ходе спецоперации живыми, показали на допросах, как планировалась акция в городе Л.

Суть ее состояла в следующем: осуществить террористический акт — привести в действие взрывное устройство — должен был человек, который об этом не знал и не догадывался. И само взрывное устройство было необычным — это три десятка «птиц», начиненных взрывчаткой, оно срабатывало в тот момент, когда «птицы» слетались в одну кучу. В механизме каждой «птицы» был установлен акустический датчик. Он срабатывал при воздействии на него звука сложной конфигурации. Датчик запускал летный механизм «птиц», и они устремлялись к источнику звука. Звук сложной конфигурации было звучание двух аккордов при исполнении песни Артом. Гитара исполнителя могла расстроиться или быть настроенной не по камертону, поэтому гитару у Арта выкрали и дали ему настроенную «как положено».

Прежде чем террористы «поставили» на Арта, они его долго «исследовали» и, в конце концов, пришли к выводу — он именно то, что надо. Стеснительный, замкнутый, странный до неприличия и при этом крайне честолюбивый, втайне даже от себя, жаждет славы, значит, обязательно будет выступать на концерте, но при этом ничего не заподозрит. На крайний случай, если Арт по каким-то причинам не выйдет на сцену, террористы подготовили двойника-смертника. В его задачу входило выйти к микрофону и проиграть два «мудреных» аккорда. Так что Арту на улице города Л. «другой Арт» не почудился — он был на самом деле.

Все было рассчитано верно, и только одно не учли террористы — Арт обладал способностью видеть вещие сны. □





# ЖЕСТОКИЙ ПАСЬЯНС

## Глава двадцать вторая

Антиквар поехал на своем золотистом «шевроле», Комар и Бурав — в «Жигулях» подполковника.

По пути они все-таки остановились у цветочного салона «Летучий голландец» на Остоженке. В зале на тот момент слонялись три-четыре посетителя, не больше — как-никак, время обеденное, до поры свиданий еще далековато. Но за вечер салон с лихвой компенсирует дневное затишье.

Виктория Фирсова блистала за прилавком, и форменная жакетка смотрелась на ней до умопомрачения элегантно. Вика, без сомнения, была талантливой актрисой: сейчас в ее поведении не чувствовалось ни малейшего снобизма, она, скорее, напоминала скромную, целомудренную цветочницу из чаплинского фильма «Огни большого города».

Очаровательно улыбнувшись Бураву и Комару, будто это не они полгода назад допрашивали ее в МУРе по поводу убийства на лодочной станции, Фирсова переключилась на Безлепкина. По всему было видно, что антиквар за последнее время стал в «Летучем голландце» постоянным клиентом.

— Ваш заказ выполнен, Андрей Степанович, — пропела девушка и увела антиквара в оранжерею.

— Узнал? — кивнул вслед удалявшейся девушке подполковник.

---

Окончание. Начало в №12, 2018 года.

— Как не узнать, — вздохнул Алексей. — Такие уроки не забываются.

Впервые увидев каштановую Викторию на лодочной станции, Комар был просто потрясен изумрудным цветом ее глаз, красотой и наивностью этого чуда природы, но Бурав безжалостно, даже с неким цинизмом открыл Алексею жестокую правду: Фирсова — прожженная авантюристка и куртизанка, а ярко-зеленые глаза — самая настоящая обманка.

Спустя пару минут Безлепкин вернулся с букетом диковинных орхидей. Между тем Каморин, озираясь по сторонам, отметил про себя, что триста долларов — далеко не запредельная цена в «Летучем голландце»: в торговом зале красовались букеты и гораздо дороже. Что это были за цветы, Комар определить не смог. Одно он понимал четко и ясно: ему никогда не стать уважаемым клиентом этого салона.

Когда Андрей Степанович в сопровождении оперативников покинул торговый зал, за спиной Виктории Фирсовой возникла внушительная фигура коммерческого директора Балуюева.

— Что здесь делали эти двое в штатском? — напряженно спросил он, но при этом машинально положил руку на бедро старшей продавщицы.

— Не знаю, они просто сопровождали господина Безлепкина, — пожал плечами Виктория.

Ей вовсе не хотелось говорить Денису Валерьевичу, что она хорошо знакома с муровскими оперативниками, причем знакомство это состоялось далеко не на вечеринке в элитном обществе.

— Странно это, — в задумчивости пробормотал Балуюев. — Какого лешего Безлепкин притащил к нам ментов?

— Ментов? — довольно убедительно разыграла изумление Виктория.

— Ну да, а то кого же? Я их за версту вижу, посмотрелся на этих хухриков в штатском. А может, он арестован, и таким образом ставил нас в известность? Хотя арестованных не возят по салонам, а надевают на них наручники... Значит, он им понадобился в качестве свидетеля, так, что ли? — И Балуюев, нахмурился, отправился в кабинет владельца цветочного салона Матвея Трындына.

После знакомства с портье гостиницы «Блиц» рыжекудрой Мариночкой пожилой антиквар Безлепкин сильно изменился. Уже в тот самый день, как Андрей Степанович с утра пораньше заявился в отель с букетом алых роз, девушка оказалась в его шелковой постели, пальцы ее были унизаны сапфирами и бриллиантами...

Сказать, что Безлепкин был пленен Мариночкой — значит, почти ничего не сказать. От окончательного рабства Андрея Степановича спасало лишь одно-единственное обстоятельство: он снимал ей шикарную двухкомнат-

ную квартиру на Тверской, стало быть, имел возможность хотя бы пару ночей в неделю оставаться наедине с собой.

Недавно, за ужином в ресторане клуба «Монреаль», новый партнер антиквара Денис Валерьевич Балугев как бы между делом заметил Безлепкину:

— Вы, конечно, извините меня, дражайший Андрей Степанович, но не подумываете ли вы расстаться с вашей рыжекудрой пассией? Не делайте протестующих жестов, уверяю, это вовсе не ваше личное дело. Потому что, воля ваша, но этот роман уже переходит все мыслимые границы. Он становится фактором нашей совместной деятельности, а такого быть не должно. Пожалели бы девчонку, молода ведь больно...

Приунывший Андрей Степанович не придал значения последней фразе коммерческого директора цветочного салона «Летучий голландец». А зря, совершенно даже зря.

Потому что Денис Валерьевич Балугев всерьез подумывал о поэтапной ликвидации партнеров по алмазному делу, которое рано или поздно должно было подойти к завершению. А конец, как говорится, делу венец. И от того, насколько гладко он закруглит многомесячную операцию, зависела вся дальнейшая благополучная жизнь коммерческого директора. И Дениса Валерьевича очень беспокоило душевное состояние антиквара Безлепкина, которое могло роковым образом сказаться на успехе многомиллионного дела. Только отрезвит ли «очарованного» старьевщика устранение его юной подружки? Не выйдет ли он окончательно из-под контроля, не выкинет ли какую-нибудь штуку?

Вот в чем следовало бы разобраться, да побыстрее.

В отличие от коммерческого директора салона «Летучий голландец», рыжеволосая Мариночка отнюдь не считала, что нуждается в чьей бы то ни было жалости. Безлепкин обеспечил ей уровень существования, о котором она еще совсем недавно могла только мечтать: просторная двухкомнатная квартира с евроремонтом и стильной меблировкой в самом центре столицы, наряды «от кутюр», дорогой парфюм и посещение изысканных ресторанов...

Практически ежедневно Андрей Степанович презентовал ей внушительную сумму денег «на шпильки», раз в неделю непременно дарил какую-нибудь милую вещицу — типа броши или перстенька. Марина уже напрочь забыла о своей службе в отеле «Блиц», и прошлое казалось ей каким-то недоразумением. Она искренне считала, что заслуживает нынешней обеспеченной жизни. Но достаточно ли платит Безлепкин за то, что Марина проводит с ним лучшую пору своей жизни?

Этот мрачный старьевщик — обыкновенный скряга, в чем она лишний раз убедилась совсем недавно. Девушка была в квартире Безлепкина, ког-

да к антиквару пришел толстяк, и они уединились в кабинете Андрея Степановича. Марина сразу узнала в толстяке Вениамина Егоршина.

После ухода Егоршина она поинтересовалась у своего содержателя:

— Что, этот жирный боров принес что-нибудь интересное?

Андрея Степановича в который раз покорила вульгарность подруги, и он пробурчал:

— Да, знаешь ли, этот человек попросил оценить довольно любопытный браслет...

— Покажи! — капризно потребовала Марина.

Безлепкин принес вещицу, и у девушки перехватило дух. На изящном платиновом ободке красовались в виде короны пять кроваво-красных рубинов, а шестой, размером с вишню, венчал ее.

— Ух ты! — по-детски выдохнула она. — Милый, а нельзя ли купить этот браслет для меня?

— Видишь ли, хозяин принес его для оценки, а не для продажи, — промямлил Безлепкин, который был уже не рад, что показал украшение любовнице.

— Между прочим, у меня скоро день рождения, — надула розовые губки Марина. — Не хочешь сделать мне приятное, так и скажи...

«Сделать мне приятное! — с горечью подумал антиквар. — Такая вот незатейливая формулировочка. Как будто речь идет о посещении кафе-мороженого. Этот браслетик тысяч на восемьдесят потянет, в самой твердой валюте».

Марина еще какое-то время терроризировала Андрея Степановича укорами и уговорами, а потом будто забыла о браслете. Для себя же она твердо решила: браслет будет принадлежать ей. Любой ценой. Этого старого скупердя давно пора проучить.

## Глава двадцать третья

На Тверской антиквар припарковал свой «шевроле» напротив мэрии, и они вошли в подъезд солидного, даже по меркам центра столицы, дома с трехметровыми потолками, лепниной и эркерами.

Открыв дверь, Марина взвизгнула при виде орхидей и безо всякого стеснения повисла на шее антиквара.

— Марина, произошла неприятность, — дребезжащим голосом сообщил Безлепкин и мягко отстранил девушку. — Тот браслет, который тебе так понравился... Его украли. А эти господа из полиции.

— Какой ужас! Надеюсь, вы поймаете вора, — улыбнулась одному только Каморину Марина.

Мужчины прошли в гостиную, а она направилась в кухню и, напевая что-то, загремела посудой. Вернувшись в комнату, хозяйка водрузила на стол роскошное блюдо с кусками ароматного мяса.

Бурцев тут же стал накладывать жаркое в свою тарелку. Он минут сорок поглощал кабанятину, нахваливая кулинарные способности Марины и безошибочно называя хитроумные специи, которые были использованы в процессе священнодействия. Комар не намного отставал от Бурава, только насыщался молча, сосредоточенно. «Давай-давай, фашистская морда, лопай. Видать, много силенок отнимают пристрастные допросы в муровских застенках», — мысленно злился Андрей Степанович, глядя на обоих оперов.

Плотно набив животы отменным кушаньем, Бурав и Комар поднялись из-за стола. На прощанье Бурцев сказал антиквару:

— Господин Безлепкин, жду вас завтра в управлении. Прямо с утра. Вы должны написать официальное заявление о краже.

Безлепкин изумленно смотрел, как в прихожей Комар и Бурав натягивают верхнюю одежду. Что за хрень? Неужели они приезжали сюда лишь затем, чтобы на дармовщинку пожрать, выпить по бокалу сухого вина? Они там голодные, что ли, в МУРе?

Похоже, Бурцев просто издевается над ним. Или... Или подполковнику уже все ясно?

Когда оперативники садились в «Жигули» подполковника, Бурцев, довольнo крякнув, сказал Алексею:

— Ну вот, Комар, мы с лихвой возместили свою неудачу.

— Какую неудачу? — не понял старлей.

— Ну, то, что не сумели пообедать в управлении. Спасибо господину Безлепкину. Как говорится, с паршивой овцы... Кстати, что касается антиквара. Если он завтра подпишет свою заяву, я его тут же задержу за кражу браслета.

— Ты уверен, что это он? — с сомнением посмотрел на Бурава Алексей.

— Ну, скажем так, почти на сто процентов.

— Тогда почему бы не задержать его сейчас, тепленького?

— Сейчас не могу, — с сожалением покачал головой подполковник. — Формально ведь никто не заявлял о пропаже. Уголовное дело не возбуждено. Вот возбудим, и тогда...

— Макс, а почему ты так уверен, что это он сам?..

— Видишь ли, Безлепкин действует в своем репертуаре, отработанным способом: имитирует ограбление, а потом переправляет ценности за границу. Или частично здесь продает... Какая разница! Так уже было четыре года назад с его антикварным магазином. Сам ограбил, сам продал на аукционе в Сотби. Ну, через посредников, конечно. Все преступ-

ники повторяются, у всех — свой стереотип. — Бурав тронул машину с места, виртуозно влился в сплошной поток транспорта и продолжал: — Только, Комар, я уверен, что Безлепкин не станет дожидаться ареста. И все будет по-другому. Наш горе-похититель позвонит генералу, извинится, скажет, что нашел браслет где-нибудь у себя в письменном столе. И дело само собой ликвидируется. Этот старьевщик ведь не мог предположить, что генерал направит к нему самого подполковника Бурцева, который знает его как облупленного. И теперь Безлепкин наверняка уже сообразил, что сидит у меня на крючке. Отменит розыски, а завтра законно купит браслет у владельца тысяч за двадцать «зеленых». И отдаст Марине.

— Слушай, я все равно чего-то не понимаю, — пробормотал Каморин. — Если он сам украл этот браслет, то как же он собирался потом подарить его Марине? Она ведь быстренько попалась бы с ним, и Безлепкин даже без твоего вмешательства угодил бы в тюрьму.

— Какой же ты все-таки тупой, — вздохнул Бурцев. — Да не собирался он ей его дарить, хотя теперь, видимо, придется. Зачем он, по-твоему, затеял эту кражу?

— Да, зачем? — бессмысленно переспросил Алексей.

— Вот послушай. На самом деле браслет стоит жуткие деньги, он же проговорился. И того, кто их заплатит, он знает. И этот человек с браслетом не попадется: такие реликвии не предназначены для посторонних глаз. Марина уже достала Безлепкина, и он пообещал ей его, чтобы отвязалась. А потом приехал к ней с ментами, и они, то есть мы, подтвердили, что браслет действительно украден. Котелок у мужика варит! Заодно ведь он и перед владельцем браслета, и перед своими коллегами-золотарями отмылся: как же, кипеж поднял, лучшего сыщика подрядил! Только ничего у него не вышло, — довольным тоном подытожил Бурав. — Не такой человек Бурцев, чтоб его за дурака держали. И придется господину Безлепкину раскошелиться на подарок своей любовнице. Так что, в принципе, мы недаром слопали ее кабанятину.

Комар сопел носом, не решаясь высказать свои сомнения.

— Ну, что ты там набычился? — насмешливо толкнул его подполковник. — Выкладывай, что там у тебя еще!

— Видишь ли... — начал Каморин. — Я, конечно, не так хорошо разбираюсь в людях, а уж тем более — в женщинах... Но тебе не показалось странным, что Марина, узнав о пропаже браслета, совсем не расстроилась? Напевала песенки, кокетничала, хвастала своим кулинарным искусством... А ведь фактически украли вещь, которую она уже считала своей!

— Что тут сказать? — вздохнул Бурцев. — Для нее этот браслет, видимо, — очередная прихоть. Пришел и ушел. Спонсор-то остался! Подарит другую цацку, ничем не хуже...

Оставшись одна — антиквар ушел почти сразу после оперативников — Марина вновь принялась анализировать, правильно ли она все сделала. Похоже, эти горе-сыщики ее не заподозрили. Поищут-поищут, да и закроют дело. А браслет... Что ж, придется какое-то время его скрывать. Но потом, когда она вытянет из старика все, что можно, Марина расстанется с ним и тогда...

Тогда будет видно.

Она вновь извлекла украшение из тайничка в бельевом шкафу, надела на узкое запястье. Да, такая вещица стоит того, чтобы терпеть опротивевшего антиквара. Тем более что недолго осталось.

И ловко же она все провернула! Вчера ночью, притворившись спящей, Марина подглядела, какой код на дверце сейфа набирает Безлепкин. Зная, что в полдень антиквар отправится к зубному, Марина точно в это время вернулась в его квартиру и без помех похитила браслет. Агат дружелюбно наблюдал за ней, виляя хвостом...

В случае чего, если ее все-таки видел кто-то из соседей Безлепкина, можно будет сказать, что она забежала покормить собаку — мол, купила собачьи сосиски для дога.

Но лучше, конечно, если бы ее вообще никто не видел.

## **Глава двадцать четвертая**

Виктория Фирсова чувствовала себя униженной и обкраденной. Да-да, обворованной самым скотским образом! Ей было противно даже смотреть на мужа, с которым приходилось волей-неволей сталкиваться в магазине или дома — когда Вика соизволяла ночевать в бескудниковской квартире.

Боже мой, и на кого она понадеялась, кому предлагала завладеть алмазами Трындина! Это ничтожество, маменькин сынок, разумеется, ни на что не способен!

Уже на следующий день он принялся сбивчиво отговаривать Вику от задуманного, пытался обратить все в шутку... Тварь! А она-то рассчитывала, что муж ей в чем-то может пригодиться!

Придется все проворачивать самой. Нет, не в одиночку, разумеется. Вика была довольно-таки здравомыслящей девушкой и хорошо понимала, что кроме обольщения представителей мужского пола ничего в этой жизни делать не умеет. Ну, разве что еще торговать цветами. Кто может подойти на роль сообщника? Таких людей было не так уж много.

Первым делом она подумала о руководителе службы безопасности магазина — Ларионове. С одной стороны, этот вооруженный увалень как нельзя лучше подходил на роль слепого исполнителя воли мадам Фирсовой. Бывший мент, уволенный за взятки, — что может быть надежнее? В крайнем случае, такого и подставить-то — любо-дорого, следствие даже копать глубоко не будет. Повяжут этого дебила, и дело с концом.

А Вика с алмазами будет уже далеко...

Но Ларионов был хорош только для насильственного завладения камнями, не более того. А бриллиантов становилось все меньше и меньше день ото дня, ведь Жираф сказал, что Трындин и Балуюев сбывают их через сеть ювелирных магазинов. Деньги якобы переводят в какой-то иностранный банк.

Значит, с Ларионовым имеет смысл связываться лишь при условии, что он перед тем, как шлепнуть Трындина, выпытает у него номер банковского счета.

Но есть и другой вариант: Балуюев. Денису Валерьевичу наверняка известен номер счета в иностранном банке, куда они с Трындиным сливают денежки. Дело за малым: убедить Балуюева «кинуть» хозяина «Летучего голландца» Матвея Трындина, умотать с ней за границу, а там...

А там Вика что-нибудь придумает, «кинет» самого Балуюева.

Володя Фирсов был близок к самоубийству. В общем-то, только этот шаг мог стать единственным достойным выходом из позорной ситуации.

Да и во имя чего он живет? На дипломатической карьере поставлен жирный крест, нет ни дома, ни семьи. В смысле, настоящей семьи, а не формальной. Любящей жены, детей... Больших денег тоже не предвидится.

Недавно Трындин объявил, что в скором будущем намерен открыть при салоне «Летучий голландец» небольшое, но стильное кафе, и потребовал от Фирсова, чтобы он прошел медицинское освидетельствование и предоставил ему медицинскую книжку.

Значит, скоро Володя будет по совместительству еще и официантом! Халдеем, то есть.

Но больше всего он был подавлен своим собственным обещанием придумать комбинацию по завладению алмазами Трындина и Балуюева. Первую неделю после памятного разговора жена постоянно теребила Володю, требовала от него быстрых действий. Дошло до того, что Фирсов стал буквально прятаться от супруги, а когда это не удавалось, становился просто жалким, испуганным существом. Неужели он действительно совершенно не способен на мужской поступок? Даже не ради Вики, а для самого себя, чтобы хоть отчасти вернуть себе самоуважение.

Однако в тюрьму он садиться не собирается. А в том, что алмазное дело непременно закончится тюрьмой для его участников, Фирсов не сомневался.



## Глава двадцать пятая

На следующее утро подполковник Бурцев встретил Алексея хохотом.

— Ты представляешь, Комар? Меня только что вызывал Кротов и сообщил, что Безлепкин позвонил генералу. Догадываешься, зачем?

— В общем, догадываюсь, — улыбнулся Каморин.

...Вчера вечером он с азартом рассказал жене об очередном подвиге легендарного Бурцева. А заодно похвастался, как на халяву налопался обалденного рагу из кабаньей лопатки.

— И что, действительно вкусно было? — ревниво спросила Ирина.

— Не то слово! Эта Марина чуть ли не полдня провозилась. Но ты, конечно, готовишь лучше.

— Я неплохо стряпаю, но это блюдо, раз ты с таким восторгом о нем говоришь, готовил, скорее всего, профессионал, настоящий мастер. Не Марина. Лучше бы она по-хорошему отдала браслет, если не хочет сидеть в тюрьме.

Алексей от удивления даже перестал размешивать сахар в своей чашке.

— Иришка, не морочь голову! Зачем ей воровать браслет, если завтра Безлепкин ей все равно подарил бы его?

— Слушай, — озадаченно пробормотала Ира. — А ты уверен, что она знала о предстоящем подарке?

— Он поклялся, что купит ей этот браслет. То есть поклялся самому себе. Но мог об этом ей и не сказать.

Комар лихорадочно набрал номер Безлепкина, полученный от Кротова:

— Андрей Степанович, вы говорили Марине, что собираетесь подарить ей браслет на день рождения? Нет? Понятно, хотели сделать сюрприз...

Алексей положил трубку и тупо уставился на Ирину:

— Как ты догадалась?

Ирина объяснила, что ее родители дружили с одним охотником, который обычно ходил на кабана, и часто бывали у него в гостях. Чтобы отбить противный запах кабанятины, ее два дня выдерживают в вине, так что Марина не могла ее купить в тот же день и сразу приготовить. А потом неожиданно добавила:

— Леш, поезжай к этой Марине, поговори с ней, скажи, что завтра антиквар все равно подарит ей это сокровище. Она же придет к нему, вот пусть и подсунет браслет куда-нибудь...

— Старьевщик сказал, что нашел браслет у себя в письменном столе. Извинялся, — продолжал подполковник.

«Значит, Марина все-таки послушалась нас и подсунула браслет в письменный стол антиквара, — с облегчением подумал Комар, слушая философствования подполковника. — Что ж, теперь Марина может носить свои рубины не таясь, антиквар, поди, уже сторговался с хозяином браслета».

Но ни Каморин, ни его проницательная женушка, ни расчетливая Марина, ни даже видящий всех насквозь Максим Бурцев не могли догадываться, что на самом деле происходило в душе Андрея Степановича Безлепкина.

Во время разговора с оперативниками возле своего сейфа антиквар вдруг осознал, что именно Марина, которую он так безоглядно любил, обокрала его, воспользовалась его доверием... Боже мой, почему такая простая мысль не пришла ему в голову сразу? Неужели он и впрямь потерял голову?

Похоже, что так оно и было. Безлепкину ничуть не жаль было ни денег, ни репутации. Он готов был лишиться всего, лишь бы подольше мучиться в плену у этого рыжеволосого создания. А она...

Андрей Степанович был придавлен горем. Марина, ради которой он пойдет на все, его «солнечный зайчик», оказалась циничной воровкой. И после отъезда оперативников он не мог оставаться с ней наедине.

А потом, уже вечером, наступило доселе неизведанное счастье: Андрей Степанович подглядел, как Марина тайком положила браслет в его письменный стол. Сама вернула украденное! Значит, она раскаялась, она все-таки любит его. Ну, пусть не так сильно, как он ее, но все-таки...

Откуда было Андрею Степановичу знать, что у девушки просто не было другого выхода: Комар, нагрянув к ней на квартиру, популярно объяснил неопытной похитительнице, что скоро она окажется совсем в другом жилище — с железными дверями и решетками на окнах. На девушку сильно подействовала столь реальная угроза. Но главное — антиквар, оказывается, решил сделать ей сюрприз и все-таки купит для нее этот замечательный браслет!

Весь вечер у Безлепкина Марина была радостно возбуждена. Это ее состояние продолжалось и ночью, в спальне антиквара. Надо же, не такой уж он и скряга. Пожалуй, можно повременить с подготовкой разрыва между ней и Андреем Степановичем.

## **Глава двадцать шестая**

В девятом часу вечера, когда Алексей, наконец-то, собрался домой, в их кабинет из дежурки вернулся Бурцев.

— Слушай, Комар, я забыл тогда тебя спросить: как тебе понравилось в цветочном салоне «Летучий голландец»? Ну, помнишь, мы недавно заезжали туда вместе с антикваром Безлепкиным, он еще орхидеи для своей пассии покупал.

— Помню, — вздохнул Алексей. — Я тогда подумал, что вряд ли когда-нибудь смогу дарить Иришке букеты из этого цветочного царства.

— Да? А я вообще давно уже не преподносил дамам цветы. Старую, брат... Знаешь, когда я понял, что уже старик? Когда девушки, сидящие напротив меня в транспорте, стали без стеснения ковырять в носу.

— Фу как противно... — скривился Комар.

— Ладно, проехали. Я хотел тебя взбодрить: у тебя, кум, есть шанс разжиться шикарным букетом на халяву.

— Как это? — не понял Каморин.

— Поедешь со мной прямо сейчас в «Летучий голландец»? Лично я отправляюсь туда не мешкая, так что если хочешь порадовать Ирину, давай-ка ноги в руки.

Комар кинулся за плащом, быстренько напялил его и лишь по дороге к машине подполковника спохватился:

— Макс, а почему мы едем в «Летучий голландец»? Там что-то случилось?

— А как же.

— Неужели убийство?

— Да, Комар, всего-навсего убийство. И впереди у нас — обычная, рутинная работа.

Цветочный салон «Летучий голландец» в этот вечерний час был весь залит светом. У входа стояли полицейские машины и «скорая», возле «труповозки» маялись санитары.

В просторном кабинете уже работали судмедэксперт Сергей Груздин и криминалист Слава Зарезин. Следователь прокуратуры Костя Шаравин, как всегда, молча составлял протокол осмотра места происшествия, сидя за журнальным столиком.

Владелец цветочного салона Матвей Трындин грузно восседал за массивным письменным столом. Во лбу его чернела аккуратная дырочка, а узкая полоска запекшейся крови делила лицо пополам. На дорогом паласе лежала «беретта» с навинченным глушителем, из которой, судя по всему, и был сделан смертельный выстрел.

На подоконнике одиноко стоял цветочный горшок с фуксией, и там же, возле цветка, лежала стильная пепельница, полная окурков.

— Привет, мужики, — кивнул оперативникам доктор Груздин. — Ну, что сказать, Макс? Смерть наступила мгновенно, время — примерно восемь вечера. Пуля прошла навылет. Слава, предъяви товарищу подполковнику вещдок.

Зарезин протянул Бурцеву расплющенный о стену кусочек свинца.

— Слабоватая у него была башка, коли ее «беретта» насквозь продырявила, — буркнул подполковник. — Ладно бы «магнум»...

— Товарищ подполковник, «магнум» с такого расстояния просто снес бы голову, — робко возразил Зарезин.

Груздин тоже счел нужным внести уточнения:

— Видишь ли, Макс, пуля попала чуть выше промежутка между бровей. Там кость очень мягкая, тонкая, почти прозрачная. Каратисты пробивают это место пальцем. А на затылок его лучше не смотри — там дыра, то есть выходное отверстие, размером с яблоко.

— Отпечатки пальцев на оружии? — без особой надежды спросил Бурав.

— Естественно, отсутствуют, — в тон ему ответил Зарезин. — Убийца положил пистолет на пол, будто напоказ, демонстративно.

— А на гильзах и обойме проверял?

— Проверял. Гильзы чистые, видимо, пистолетом пользовались впервые. На обойме есть отпечатки, думаю, это «пальчики» продавца в оружейном магазине. Скорее всего — итальянском или прибалтийском, там свободно продаются «беретты». Максим Юрьевич, пистолетик еще в масле, прямо с прилавка...

Бурцев подошел к дубовой двери в глубине кабинета, которая явно вела в смежное помещение.

— Там что у него? Покои? — пробормотал он и надавил на бронзовую ручку.

Его глазам предстал кабинет таких же размеров, обставленный столь же внушительно, как и обиталище Трындына. На массивном столе черного дерева мягким светом горела лампа в стиле ретро. Он обвел взглядом кожаный диван, глубокие кресла, стеклянный журнальный столик. На полу красовался явно недешевый палас, а по стенам были развешаны темные картины в золоченых рамах.

За спиной Бурцева несмело кашлянул звероподобного вида сержант из местного отделения:

— Товарищ подполковник, тут в соседней комнате сидит руководитель отдела рекламы, некто Фирсов. Он первым обнаружил тело и сообщил о преступлении. И еще здесь начальник службы безопасности магазина, Ларионов. Он в момент убийства дежурил на выходе. Но якобы ничего не видел и не слышал.

Бурав затворил дверь смежного кабинета и повернулся к сержанту:

— Ларионов? Это не тот ли, которого из органов недавно выперли за взятки?

— Он самый.

Бурцев кивком потребовал пригласить свидетелей и, подойдя к столу Трындына, пробурчал:

— А у Трындына, похоже, состоялось какое-то торжество, вон сколько всего надарили.

— Точно, я видел остатки буйного пиршества в торговом зале, — поспешил вставить Каморин.

— А это что такое? — Бурцев осторожно приподнял двумя пальцами полиэтиленовый пакетик, лежавший прямо перед убитым. — Глянь-ка, Комар! В пакетике всеми цветами радуги переливались какие-то стекляшки.

— Похоже, бриллианты... — неуверенно произнес Алексей.

— Сечешь, — похвалил его подполковник и стал тыкать пальцем в кнопки телефонного аппарата.

Фирсов и Ларионов уже мялись в дверях, но Бурцев не обращал на них никакого внимания.

— Алло, Димыч? Слушай, просвети-ка меня насчет истории с похищением якутских алмазов. Ну да, полгода с лишним назад. Следы ведут в Москву, говоришь? Ага, ищите? Плохо ищите.

Он бросил трубку и повернулся к вошедшим. Увалень Ларионов смущенно потупился. Бледный, худосочный Фирсов нервно сжимал и разжимал пальцы рук.

— Давай, Ларионов, рассказывай первым, как и что. Да не вздумай врать, ты меня знаешь, — прищурившись, проговорил Бурцев и знаком приказал Фирсову удалиться.

Тот снова вышел в торговый зал в сопровождении сержанта.

## **Глава двадцать седьмая**

Ларионов сбивчиво рассказал, что сегодня у Трындина был юбилей — полтинник стукнул. «Стукнул, это уж точно, — невесело усмехнулся про себя Каморин. — Да прямо в лоб».

Так вот, по этому случаю нужные люди — партнеры, оптовики и прочая деловая публика — целый день везли Матвею Трындину подарки: все знали, что он падок на подношения. Кстати, добавил Ларионов, Егоршин пригласил Трындина вместе с неограниченным числом друзей к себе в «Монреаль», и вечером Матвей Федорович «со товарищи» собирался праздновать юбилей в этом клубе — за счет заведения, разумеется. А в магазине отмечать начали в шесть, закрылись по случаю такого события пораньше. В торговом зале организовали «домашнюю» вечеринку для своих, на которой присутствовали и дарили шефу подарки только главные сотрудники магазина. Коммерческий директор Денис Балувев преподнес Трындину бронзовые каминные часы, начальник отдела рекламы Владимир Фирсов — мраморную статуэтку, изображающую самого Трындина, старшая продавщица Виктория Фирсова — ценную малахитовую шкатулку с инкрустациями из серебра.

Отличился и Ларионов: подарил боссу злополучную «беретту» с глушителем. И даже, пользуясь старыми связями в органах, выправил ему регистрацию пистолета и лицензию на право ношения огнестрельного оружия.

— Где взял «пушку»? — исподлобья взглянул на охранника Бурцев.

— Прошлым летом в Риге купил, когда в отпуск в Юрмалу ездил, — осклабился Ларионов. — Я ж знал, что впереди юбилей шефа, заранее готовился. Меня, между прочим, не лишили права на ношение оружия, так что...

— А что за кабинет находится за той дверью?

— Там Балувев сидит, Денис Валерьевич. Двери этой, кстати, еще недавно не было. Месяца полтора назад врезали.

— Так-так... А продавщица Фирсова, насколько я понимаю, жена этого рекламщика Фирсова? — на всякий случай уточнил Бурав.

— Ну да, законная жена, — как-то двусмысленно ответил Ларионов.

— Почему ваш салон называется «Летучий голландец»?

— Шеф придумал, — усмехнулся охранник. — Мы же из Голландии цветы самолетом возим. Между прочим, Денис Валерьевич Балувев, наш коммерческий директор, как раз сейчас вылетает в Амстердам за очередной партией товара. — Ларионов запнулся и заискивающе взглянул на Бурцева: — Гражданин подполковник, вы тут по телефону что-то про Якутию говорили... Так вот, Балувев из Якутии, приехал сюда из Мирного полгода назад. Там тоже по торговой части работал.

Бурцев уже вновь был у телефонного аппарата.

— Алло, Николай? Здорово. Бурцев. Как там у вас в Шереметьеве, новых бомбочек не обнаружили? Да ладно, шучу я. Слушай, у тебя борт на Амстердам еще не улетел? Вот и ладушки. Срочно задержи одного пассажира. Балувев. Ба-лу-ев. Да. Если уже в самолете, все равно вытаскивай, задерживай вылет. В наручники его и к вам в отделение. Ждите, сейчас кто-нибудь из наших за ним приедет. Нет, я не могу, так что стол накрывать не надо, как-нибудь в другой раз посидим. Чтоб не торопясь...

Закончив разговор, он поманил Комара пальцем и вполголоса скомандовал:

— Леша, будь друг, возьми парочку местных архаровцев и давай-ка мухой в Шереметьево. Заберете Балувева и сразу вместе с ним сюда, в магазин. Хочу по-быстрому провести очную ставку.

— Кого с кем? — не понял Алексей.

— Убийцы с покойником, разумеется, — будто первоклашке, разъяснил ему Бурав.

Следующим для беседы был вызван Фирсов.

— Скажите, Фирсов, — медленно заговорил Бурав, пристально глядя на него, — каковы ваши взаимоотношения с женой Викторией? Учтите, это вопрос по существу дела, так что вы обязаны отвечать. Как свидетель по делу об убийстве.

Володя молчал, уставясь в пол.

— Вы ведь не в разводе, верно? — продолжал Бурав, понизив голос. — Официально она ваша жена?

Фирсов поднял глаза, в которых застыло страдание, смешанное с издевкой, и с ненавистью посмотрел на Ларионова. Бурав перехватил этот взгляд, все понял и приказал:

— Ларионов, выйди-ка! Только далеко не уходи.

Когда увалень покинул кабинет, он вплотную подошел к Володе и сочувственно проговорил:

— Что, тяжело быть мужем юной красотки? А? Я верно расценил ваши эмоции?

— Верно, — кивнул Фирсов. — А в особенности тяжело, когда эта, как вы изволили выразиться, юная красотка напивается до потери сознания, и домой, то бишь в койку, ее доставляет не родной муж, а его начальник, богатенький жуир и ловелас.

— Богатенький жуир — это...

— Денис Валерьевич Балувев, кто ж еще.

Из последующего рассказа Фирсова выходило так, что вечеринка в «Летучем голландце» закончилась в начале восьмого, причем довольно скверно: каштановая Виктория перебрала мартеля, и ее пришлось срочно транспортировать домой. Но Трындин не разрешил своему рекламщику уехать вместе с захмелевшей женой, велел ему задержаться, чтобы потом вместе ехать в клуб «Монреаль». Среди приглашенных на юбилей были иностранные партнеры, и Трындин нуждался в переводчике.

Проводить прекрасную цветочницу вызвался Балувев. Коммерческий директор сказал, что до вылета в Амстердам еще много времени, и он успеет подбросить девушку до теплой кровати. Они уехали на «мерседесе» Балувева.

Расстроенный Фирсов пошел дожидаться шефа в кафе напротив магазина, пил крепкий кофе, чтобы окончательно прогнать легкий хмель. Сквозь окно было хорошо виден вход в «Летучий голландец» и маячивший перед ним Ларионов. Начальник службы безопасности тоже дожидался Трындина, который сказал, что у него есть еще какие-то дела в кабинете.

Время шло, босс все не выходил, и Фирсов рискнул отправиться за ним. Войдя в кабинет, рекламщик увидел мертвого Трындина и уже знакомую «беретту», валявшуюся на полу.

Бурцев бесстрастно выслушал показания Фирсова, пару раз прошелся по диагонали кабинета, выглянул в торговый зал.

— Ларионов, зайди!

Охранник вошел, насмешливо посмотрел на Володю. «Что, рогоносец, пожаловался дяденьке на свою горькую участь?» — выразительно говорил его взгляд.

— Где у вас обычно паркуются машины сотрудников? — повернулся к нему Бурцев.

— Хозяин ставил кадиллак прямо у парадного входа, а Балуюев свой «мерседес» всегда парковал с другой стороны, у служебных дверей в магазин, — ответил Ларионов.

— То есть, надумай он вернуться, никто из вас его не увидел бы, так? — допытывался Бурав.

— Так. Он всегда пользовался служебным входом, всякий раз появлялся в магазине внезапно, — подтвердил охранник.

Бурцев подошел к подоконнику:

— Тут в пепельнице окурки сигарет «Абдулла».

— Из всех сотрудников курили только Балуюев и вот он, Фирсов, да еще Виктория Фирсова иногда баловалась, — уверенно сказал Ларионов. — А Денис Валерьевич курил именно «Абдуллу» — я несколько раз покупал для него эти сигареты в гостинице «Националь». Пепельница, кстати, его, балуевская. Во время вечеринки она была в торговом зале, Денис Валерьевич дымил вовсю. А когда он уезжал провожать Викторию, то отнес пепельницу в свой кабинет.

— Вместе с окурками? Почему он их не вытряхнул? — удивился Шаравин.

— Молодец, Костя, — одобрительно заметил Бурцев. — Ты, оказывается, умеешь обращать внимание на интересные детали. Кстати, тут не меньше пятнадцати окурков. Не мог же он столько выцедить за время разговора с Трындиным!

Он стремительно вышел из кабинета, но уже через минуту вернулся обратно.

— Все более-менее ясно. В торговом зале нет урны для мусора, и там, во время вечеринки, Балуюев опорожнить пепельницу не мог. Когда он собрался увозить Фирсову, то пошел в свой кабинет одеваться и захватил пепельницу. Видимо, торопился — как не торопиться, когда тебя поджидает такая обольстительная мадам! Вот окурки и остались не вытряхнутыми.

— Максим Юрьевич, а что вы так уцепились за эту пепельницу? — осторожно поинтересовался Шаравин.

— Потому что, Костя, пока это единственная реальная улика против господина Балуюева. Я отпускаю свидетелей, ты не возражаешь? У тебя нет вопросов?

Шаравин промычал в ответ что-то невразумительное, и Бурцев, небрежным жестом выпроводив Фирсова и Ларионова из кабинета, принялся раскачиваться с пяток на носки, что всегда означало одно: сейчас лучший муловский сыщик разразится художественным изложением своей версии.



— Так вот, друзья, — начал он, — тот факт, что пепельница находится здесь, в кабинете убитого, неопровержимо доказывает, что Балугев, обеспечив себе алиби, незаметно вернулся в магазин для какого-то решительного разговора с Трындиным. Он нервничал, поэтому сходил за пепельницей и курил тут возле открытой форточки.

— Вы, Максим Юрьевич, говорите так, словно присутствовали при всем этом, — ревниво обронил Шаравин.

— Ну, в данном случае реконструировать картину преступления не так уж и сложно, для этого даже не нужно быть подполковником Бурцевым, — усмехнулся Бурав. — Так вот, продолжаю. Разговор перешел в угрозы, Балугев увидел подаренную Ларионовым «беретту» с глушителем. Он практически не рисковал, стреляя в Трындина: Ларионов в этот момент был на улице и не мог слышать хлопок. Я неплохо знаком с «береттой»: она и без глушителя стреляет довольно тихо, а уж с «глушаком»... Звук такой, будто ребенок плюется горошиной через трубочку.

Слава Зарезин откашлялся, привлекая к себе внимание.

— Меня вот что смущает, товарищ подполковник. Глушитель гасит скорость пули, ослабляет мощность выстрела, или, если хотите, убийную силу.

— Ну и что? — не понял Бурцев. — Извини, Слава, но с такого расстояния...

— Конечно, конечно, — согласился эксперт, — точный выстрел так и так будет смертельным. И все-таки... Я ни разу не видел, чтобы пуля, выпущенная из пистолета с глушителем, прошивала голову насквозь, как перезревшую дыню.

— И что ты по этому поводу думаешь?

— А то, — выпалил Зарезин, — что у меня складывается совершенно дурацкое впечатление. Только не смейтесь, пожалуйста. Впечатление такое, что стреляли без глушителя, и только после выстрела навинтили его на ствол.

— Бред какой-то, — не сдержался Шаравин. — Чушь собачья!

Бурцев, однако, промолчал. Он наклонился, поднял с паласа «беретту», задумчиво повертел в руках.

К нему подошел доктор Груздин, тоже зачем-то изучающе глянул на пистолет, затем направился к покойнику, аккуратно наклонил простреленную голову и несколько секунд рассматривал выходное отверстие.

— Ну, с глушителем или без оно, покойнику от этого не легче, — меланхолично подытожил он и с треском сорвал с себя резиновые перчатки. — Может, у него было разжижение мозга, вскрытие покажет. Сказать санитарам, чтоб увозили тело в морг?

— Нет, пусть повремят, он нам еще пригодится. А мы пока подождем господина Балугева.

## Глава двадцать восьмая

Лощеный, элегантный Балувев имел крайне подавленный вид, на его запястьях посверкивали наручники.

— Товарищ подполковник, доставили, — радостно доложил сержант. — При осмотре чемоданчика мы обнаружили вот это. — На журнальный столик со стеклянным звоном увесисто лег полиэтиленовый пакет. — Необработанные крупные алмазы, товарищ подполковник... Так таможенник сказал, а уж они на этом деле собаку съели. Еще немного, и упустили бы — он уже на посадку шел.

— Он и сейчас идет на посадку, — усмехнулся Бурав. — Ну что ж, с возвращеньцем на родину, гражданин Балувев!

Задержанный неотрывно смотрел на убитого шефа. Бурцев знаком приказал Фирсову и Ларионову выйти.

— Я все расскажу, — решительно начал коммерческий директор и взглянул в сторону склонившегося над бумагой Шаравина. — Хочу, чтоб вы оформили мои показания как чистосердечное признание. Пишите: я признаюсь, что летом прошлого года организовал похищение крупной партии алмазов с месторождения в Мирном. В конце августа там же познакомился с Трындиным. Вместе с ним мы разработали такую комбинацию: я вывозил алмазы в Голландию мелкими и средними партиями, там их распиливали и делали огранку. Сотрудник таможни в Шереметьево был подкуплен. Труднее было ввезти уже ограненные бриллианты обратно в Россию. И Трындин придумал прятать их в цветочных горшках — мы закупали их в Амстердаме. Потом с помощью антиквара Безлепкина мы изготавливали ювелирные украшения и сбывали богатым клиентам. Деньги переводили за рубеж через московский банк «Транс-Норд-Вест».

— И вы, как водится, не поделили навар, — кивнул в сторону покойника Бурцев.

— Нет! Я не убивал его. Действительно, у нас с Трындиным были некоторые разногласия. Кстати, именно из-за денег. Но эти разногласия были не принципиальны, и я не имел никаких оснований убивать Трындина. К тому же на момент его гибели у меня есть алиби.

— Интересно, — с иронией произнес подполковник.

— Мне давно нравилась Виктория Фирсова, но она была любовницей Трындина. Я, конечно, мог бы тайком завести шуры-муры с Викторией, но, честно сказать, мы с ней оба жутко боялись его. Он был страшный человек, способный абсолютно на все, и в то же время — беспринципный, даже циничный. Так что я решил пойти прямым путем. И сегодня уговорил его уступить мне Вику. Ну, так сказать, в честь праздника. У Матвея было хорошее настроение, и он согласился. Вика тоже не возражала.

— В это нетрудно поверить, — кивнул подполковник. — Тут выбор очевиден.

— Так вот, она должна была притвориться пьяной, я вызвался бы отвезти ее домой, а Трындин под каким-то предлогом должен был задержать Фирсова. Вот и все. Вика может подтвердить, что вплоть до отъезда в аэропорт я был с ней.

— Ай да развеселая «соломенная вдовушка»! — хлопнул в ладоши подполковник. — Комар, тебе это ничего не напоминает? Похоже, гражданка Фирсова успешно осваивает узкую специализацию: создавать алиби своим поклонникам. — Внезапно Бурцев посерьезнел и произнес прокурорским тоном: — Учитывая ваши близкие отношения с Фирсовой, в которых вы только что признались, ее показаниям — грош цена. Я вполне допускаю, что вы поразвлекались с этой дамочкой минут пятнадцать — в своей роскошной машине, скорее всего. И спешили сделать это именно сегодня, потому что не собирались возвращаться в Россию. Да-да, не собирались! Уан уэй тикет — билет в один конец.

— Ну, знаете ли, — покрутил головой коммерческий директор. — Пожалуй, я буду настаивать на присутствии адвоката при столь пристрастных допросах. Я слышан о вашей нахрапистости, господин Бурцев, и потому ждал чего-то подобного. Но сейчас, воля ваша, вы переходите все границы.

— Фирсова была вашей сообщницей, Денис Валерьевич, — спокойно отреагировал на этот выпад Бурав. — Она обеспечивала вам алиби, видимо, вы пообещали вызвать ее к себе за границу, после того как совете там гнездышко. Вы вернулись к магазину, со служебного входа проникли в помещение и начали качать права. Требовали от Трындина пересмотреть размеры своих дивидендов. Ведь основная работа и практически весь риск выпали на вашу долю. Это вы, а не Трындин, сумели похитить алмазы, вы подвергались допросам в Мирном. Вы рисковали, возя опасный груз в Амстердам и обратно. А что Трындин? Всего лишь обеспечивал прикрытие, вот и все. Не знаю, что ответил вам Трындин, возможно, даже пошел на какие-то уступки. Но это уже не имело значения. Весь этот разговор, все ваши претензии были чистой формальностью — возвращаясь в магазин, вы уже знали, что идете убивать Трындина. Но вы допустили две ошибки.

— И какие же? — Балуев изо всех сил старался придать своему голосу насмешливые интонации.

— Первая: за кучей подарков, лежавших на столе, вы не увидели пакетик с уже ограненными бриллиантами, который Трындин достал из сейфа перед самым вашим приходом. Обнаружив этот пакетик, я и отдал распоряжение задержать вас. Мне ведь оставалось только сложить два и два: Якутию и Амстердам. И вторая, поистине роковая оплошность: вы, Денис Валерьевич, оставили на подоконнике улику.

— Вот как? — хрипло каркнул Балуюев.

— Да, улику. Вашу пепельницу. Никто, кроме вас, не мог принести ее сюда. Дело в том, что если бы у Трындина был другой курящий посетитель, которого он тайком мог впустить через служебный вход, то он стряхивал бы пепел вот в эту пепельницу для гостей. — Бурцев указал рукой на журнальный столик, где возле бумаг Шаравина стояла пустая стеклянная пепельница. — А вы привыкли к своей, поэтому чисто машинально сходили за ней в свой кабинет. Для этого вам не нужно было проходить через торговый зал, ведь ваши с Трындиным апартаменты соединяются дверью, и вы не боялись, что вас кто-то увидит.

Казалось, Балуюев потерял дар речи.

— Итак, я задерживаю вас по подозрению в совершении умышленного убийства, — отчеканил Бурцев. — Остальные обвинения и ордер на арест будут предъявлены вам позже. И вот что, — повернулся он к Шаравину. — Костя, надо бы оформить ордерок на арест господина Безлепкина А.С. Завтра с утра. Теперь его уже ничто не спасет.

Один за другим «Летучий голландец» покидали участники и свидетели недавней трагедии: кто-то в наручниках, кто-то — на носилках, накрытый простыней... Хлопая дверцами, отъезжали от цветочного салона машины РОВД и криминалистического морга, плавно отчалил муровский микроавтобус «мицубиси».

Внезапно повалили крупные, редкие хлопья снега. Каморин смотрел в окно и думал, что скоро «Летучий голландец» опустеет, вымрет, словно его мистический тезка.

В освещенном торговом зале оставались трое: Комар, Бурав и охранник Ларионов. Алексею цветочное великолепие, простиравшееся вокруг, почему-то напомнило груды венков на свежей могиле.

Бурцев, судя по всему, не испытывал столь мрачных и возвышенных чувств. Он деловито спросил Ларионова:

— Слушай, а что будет теперь со всем этим нежным товаром? Трындин убит, Балуюев арестован, магазин наверняка закроют на время следствия...

— А пропадет все, завянет, — равнодушно изрек Ларионов. — Или сгниет. Еще день-два, и здесь будет запах, как на помойке. Не поверите, гражданин подполковник, ничто не воняет так противно, как гнилые цветы.

## **Глава двадцать девятая**

Приехав из салона домой, Алексей Каморин уже в который раз увлеченно рассказывал своей жене о гениальном Бурцеве. Ирина совершенно не хо-

тела спать и с преувеличенным интересом внимала рассказу Комара о трагедии в «Летучем голландце».

— Леша, а Фирсова вы что, отпустили? — вдруг спросила она.

— Ну, разумеется. Бурцев еще вызовет его повесткой.

— Ты только не сердись, но, по-моему, Фирсова надо быстренько схватить, а то он, чего доброго, куда-нибудь смотается, — задумчиво сказала жена. — Это же он застрелил хозяина цветочного салона.

Каморин в который уже раз был поражен. Он вроде бы уже привык к таким «фортелям» со стороны супруги, но, тем не менее, каждый раз Иришкины умозаключения заставляли его врасплох. Вот и сейчас мозг отказывался воспринимать эту информацию. Абсурдную информацию, если уж на то пошло.

— Видишь ли, Балуюев действительно не возвращался в магазин, и алиби у него вовсе не липовое, — терпеливо продолжала Ирина. — Значит, Трындин убил Фирсов — из ревности. Больше некому.

— А кто же тогда принес пепельницу Балуюева и поставил ее на подоконник в кабинете Трындина?

— Сам Трындин.

— Да ведь он же не курил!

— Ну и что? Дело-то не в этом. Понимаешь, мы в деревне тоже разводили цветы, и все подоконники у нас были уставлены горшками. Так что я в этом деле кое-что кумекаю. Табачный пепел нужен был Трындину как удобрение: он вносил его в горшок со своей любимой фуксией.

— Да у него в магазине пруд пруди всяких удобрений!

— Леша, Трындин был знаток цветоводства. И понимал, что никакая химия не заменит табачный пепел. И он тайком опустошал по вечерам пепельницу Балуюева. Когда Балуюев уходил из салона, Трындин проникал в его кабинет через смежную дверь, вот и все. Понимаешь, табачный пепел — не только минеральное удобрение, он еще и защищает цветок от многих болезней и насекомых. Мы у себя в деревне все время говорили дедушке, чтобы он выбивал трубку в цветочные горшки.

Выслушав Ирину, Каморин загрузил и поплелся в комнату — звонить подполковнику Бурцеву.

## Глава тридцатая

Дежурная по отделу убийств Московского уголовного розыска майор Екатерина Бельская, или баба Катя, как ее звали все сотрудники отдела, под утро возвращалась на Петровку из бильярдной на Цветном бульваре. Она чувствовала невероятную усталость, да и поясница что-то разболелась, напоминая о тяжелом ранении тридцатилетней давности.

Часа полтора назад в бильярдной произошла обычная для такого рода заведений перестрелка, причем на сей раз довольно «урожайная»: два трупа, четверо раненых. Все остальные участники побоища были задержаны и препровождены в изолятор временного содержания.

Баба Катя мечтала о том, как поднимется сейчас в свой кабинет на третьем этаже, включит электрический чайник и сделает себе горячий кофе. Может быть, даже слегка нарушит служебную дисциплину и плеснет в чашечку немного кофейного ликера.

Не пора ли тебе на покой, Екатерина Львовна? — спрашивала себя баба Катя, выходя из муровского микроавтобуса. Нет, не пора. Она будет тянуть лямку из последних сил, несмотря на косые взгляды начальства. Потому что, собственно говоря, больше ей в этой жизни делать-то и нечего. Она ведь совсем одна-одинешенька... И что ей делать на пенсии, сидя в четырех стенах?

Бельская вошла в дежурку, отметилась у толстого капитана, который только что положил на рычажки трубку прямой связи с дежурным по городу. Капитану тоже было далеко за полтинник, и между ним и бабой Катей давно сложилось молчаливое взаимопонимание.

— Что делается, Екатерина Львовна! — сокрушенно молвил капитан. — Ну и жизнь пошла... Только что сообщили: в Бескудникове муж застрелил жену. Теперь забаррикадировался в квартире, орет, что прикончит любого, кто войдет, пустит себе пулю в лоб. Наверное, из ревности жену-то завалил. Не понимаю... Почему нельзя разойтись по-человечески?

— Так что же, ехать надо? — встрепенулась Бельская, прерывая словоохотливого капитана.

— Надо бы, Екатерина Львовна, — сокрушенно глядя на ветераншу, вздохнул дежурный. — Хотя... Можно местным оперативникам информацию перебросить, в конце концов, мы не обязаны на каждое бытовое убийство выезжать.

— Собирайте бригаду! — коротко бросила баба Катя и направилась к выходу. — И вызовите ОМОН!

Об имевшем место убийстве в Бескудникове дежурному по городу сообщил неизвестный гражданин, назвавшийся соседом молодых супругов Фирсовых. Мол, после длительного ночного скандала он услышал за стеной истошный предсмертный вопль женщины, а затем — истерические рыдания мужчины.

Бывший сотрудник российского посольства в республике Чад Володя Фирсов ни сном ни духом не ведал, что он, оказывается, только что отправил на тот свет свою жену. И скандала в квартире Фирсовых не наблюдалось, скорее наоборот: тягостная тишина повисла в их спальне.

— Почему же ты не взял алмазы? — бесцветно спросила Виктория.

Володя прижался лбом к оконному стеклу, безразлично смотрел на людей и машины где-то далеко внизу...

Он не стал объяснять Вике, что специально оставил пакетик с алмазами на столе Трындина, чтобы эта улика безошибочно вывела следствие на Дениса Валерьевича Балуюева. Таким образом он покончит с обоими любовниками жены... Впрочем, теперь Володе было все равно. «Что будет, то и будет», — повторял он про себя. Внутри него царило какое-то сосущее опустошение, словно вместе с пулей, посланной им из «беретты» между бровей Трындина, улетела вся недавняя решимость и находчивость униженного мужа.

— Я, кажется, с тобой разговариваю, — вновь подала голос Виктория.

Володя молчал, пытаясь сглотнуть комок, застрявший в горле. Почему она так безжалостна к нему? Виновата ли Вика, что стала такой черствой, бессердечной? Наверное, нет. Ведь сама жизнь заставляет красивых женщин становиться такими.

— Живи, как хочешь, — брякнул он. — Я больше не буду тебе мешать.

— Знаешь, кто ты? — фыркнула Виктория. — Ты параноик. Параноик с застарелым комплексом неполноценности.

В эту минуту тишину требовательно вспорол дверной звонок, и из-за двери донеслось:

— Немедленно откройте, Фирсов! Дом окружен! Не делайте глупостей! — донеслось из-за двери.

Голос какой-то каркающий, будто из преисподней...

Вика метнулась в прихожую, тут же вернулась, схватила мужа за грудки:

— Там полиция! — яростно зашептала она. — Ты понимаешь, что нам конец? Что делать? Ну что ты молчишь?

— Открывай, — деревянным голосом сказал Фирсов, отдирая от себя руки жены. — Иди, веди их. Все кончено... Слава богу...

— Слизняк! — выкрикнула Виктория и, машинально поправив прическу, направилась к входной двери.

Володя молча смотрел ей вслед. Даже убийство Трындина не прибавило ему уважения со стороны супруги. Все было напрасным...

Оставшись один, он неторопливо, будто заведенная кукла, подошел к лоджии, повернул ручку и, выйдя на балкон, распахнул высокие створки застекленного проема.

В прихожую ворвалась баба Катя с пистолетом, зажатым в обеих руках. Она отпихнула Викторию, метнулась в спальню:

— Где он? Где женщина?

— Какая женщина? — испуганно пробормотала Вика, вошедшая в спальню вслед за бабой Катей. — Здесь только я...

Бельская снова оттолкнула ее и кинулась в гостиную, чуть присела, подняв пистолет на уровень глаз.

В проеме лоджии с развевающимися на ветру волосами спиной к бабе Кате стоял Владимир Фирсов. Руки его упирались в верхнюю перекладину деревянной рамы, босые ноги стояли на узеньком подоконнике.

— Послушай: далеко, далеко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф, — с надрывом прокричал в морозное утро несостоявшийся дипломат.

«Гумилев», — машинально отметила про себя баба Катя и отбросила пистолет.

— Фирсов! Не делайте этого! — метнулась она к темной фигуре, начавшей валиться в проем.

Запоздавшие омовцы во главе с капитаном Дутовым, вбежавшие в гостиную, увидели, как щуплая муровская оперативница в мгновение ока пересекла диагональ комнаты и ворвалась на лоджию в тот самый момент, когда Володя отпустил руки. Казалось, эта шустрая старушенция успевает помешать самоубийству, но Бельская споткнулась о порог лоджии, буквально налетела на Фирсова и, на свою беду, обхватила его ноги своими руками. Володя стремительно рухнул в проем, увлекая за собой Екатерину Львовну.

Капитан Дутов в каком-то полусне осторожно вышел на лоджию, глянул в проем.

Где-то далеко внизу, на расчищенном от снега асфальте, лежали две скорченные фигуры.

## Глава тридцать первая

— Давай-ка, брат, за руль, — скомандовал Бурцев Алексею, садясь в свои многострадальные «Жигули». — Знаешь, как доехать в Бескудниково?.. — и уже будничным тоном продолжил: — Ну что ж, Комар, прими мои поздравления. Экспертиза обнаружила в цветочном горшке у Трындина пепел от сигарет «Абдулла», так что твоя версия правильная. Наконец-то и этот золотарь Безлепкин сидит в камере как соучастник. А вот Виктория Фирсова опять, похоже, выйдет сухой из воды! Если, конечно, она не совсем дура. А она не дура, будь покоен.

— Как это, сухой из воды? Разве она не знала о махинациях с алмазами? — встрепнулся Каморин.

— Может, и знала, — пожал плечами Бурцев. — Но доказать это невозможно — Трындин мертв, Фирсов покончил с собой... Так что пока у нас нет никаких оснований для ее задержания.



В квартире супругов Фирсовых царил несусветный бардак: только что закончился обыск, понятые и сотрудники районного угро уже покинули помещение, и теперь в гостиной находились только сама квартиросъемщица да Бурав с Комаром.

Каштановая Виктория сидела перед журнальным столиком на вращающейся табуретке, смиренно сложив руки на коленях и потупив взор своих изумрудных глаз. Напротив нее развалился в кресле подполковник Бурцев, а Комар бесцельно бродил по комнате, рассматривая фотографии с видами озера Чад, развешанные по стенам. Он никак не мог прийти в рабочее состояние после известия о гибели майора Бельской.

— Что ж, — без всякого выражения резюмировал Бурав. — Стало быть, вы утверждаете, будто ничего не знали ни о похищенных алмазах, ни о готовящемся убийстве хозяина цветочного салона Трындина?

— Ничего не знала, — печально ответила Фирсова.

Она терпеливо дожидалась, когда же, наконец, ее оставят одну. Тогда она позвонит вице-председателю правления банка «Транс-Норд-Вест» Александру Гаврилову, расскажет о случившемся... Тот, конечно, предложит встретиться — недаром же он так пожирал ее глазами на вечеринке Английского клуба в ресторане «Гонконг».

Раз не получилось овладеть «живыми» алмазами, надо нанести удар в другом направлении. А именно: по зарубежному счету Трындина и Балуева. Помешать они уже не сумеют: один мертв, другой арестован... Пригодился все-таки Жираф, не подвела Вику ее феноменальная интуиция.

Бурцев крякнул, явно намереваясь распрощаться, но тут задребезжал звонок телефона, стоявшего на журнальном столике.

Вика вопросительно посмотрела на Бурава, тот кивнул, и вдова сняла трубку:

— Алло, слушаю вас.

И тут же удивленно вскинула тонкие брови: металлический женский голос просил к телефону Владимира Фирсова. Странно, ему никогда и никто не звонил...

— Он не может подойти, — запинаясь, ответила Виктория. — Где он? В море. Он разбился сегодня утром. Я? Его жена. То есть вдова...

Бурав увидел, что лицо девушки неестественно побелело, глаза превратились в две огромные, тревожные зеленые звезды.

— Что? — хрипло прошептала она. — Что вы сказали?

Трубка выпала из руки мадам Фирсовой, она издала страшный, звериный стон и метнулась к двери на лоджию:

— Сволочь! Будь ты проклят! Сволочь, ублюдок!

Вика все рвала на себя ручку двери, пытаясь выскочить, но тут ее настиг очнувшийся от кратковременного ступора Каморин.

— Гражданочка, гражданочка, — лепетал Алексей, хватая ее за руку.

— Осторожней, Леша! — крикнул подполковник.

Фирсова вывернулась, с визгом впиалась ногтями в ладонь Каморина...

Когда-то все это уже было. Ночь, кальянная в Нджамене, она, голая и одурманенная каким-то неизвестным наркотиком... Военный патруль, негры, хватающие ее своими потными ручищами, гогот и непонятная речь...

Вика почувствовала, что сейчас ее вырвет, и, зажав рот ладонью, метнулась в ванную.

— Агрессивная дамочка, — пробормотал Комар, с беспомощным видом разглядывая набухающие царапины на кисти своей руки. — Что это с ней вдруг? Кажется, ей звонили из поликлиники и сообщили, что тест на беременность положительный. А муж-то погиб, она теперь вдова. Вот и психанула...

Внезапная догадка вдруг пронзила Максима Бурцева, он с ревом кинулся к ванной комнате, ногой вышиб дверь.

В нос подполковнику ударил отвратительный запах рвоты. Вода хлестала из крана. Бурав схватил склонившуюся над раковиной Фирсову за волосы и с силой окунул туда ее голову.

— Говори, — процедил он. — Или хочешь захлебнуться собственной блевотиной?

— СПИД, — обессилено выдохнула Виктория, и в ее глазах подполковник прочитал тихую ненависть ко всему мужскому роду.

— Руки! — рявкнул Бурав, и Виктория покорно протянула дрожащие ладони. Придирчиво осмотрев кончики ее пальцев, он хмыкнул: — Твое счастье, что ты ногти не сорвала, дрянь. Убил бы за Комара...

Вика опустилась на пол и беззвучно зарыдала. Бесплезно проклинать Володю, тем более, что он ни в чем не виноват... Не он ее заразил, а она его. Проклятые негры!

Только что говорившая с ней по телефону врач-эпидемиолог непреклонным голосом потребовала от гражданки Фирсовой явиться в поликлинику для сдачи анализа крови на ВИЧ-инфекцию.

Дело в том, что аналогичная проба, взятая у ее мужа, Фирсова Владимира Павловича, дала положительный результат.

## **Глава тридцать вторая**

— Что происходит? Кто такой этот Бурцев? — едва сдерживая себя, вопрошал академика Ардашкина полковник ФСБ Лисин, навалившись грудью на столик в ресторане клуба «Монреаль». — Это ваш человек?

— Это просто человек, сам по себе, — ледяным голосом отвечал Анатолий Семенович. Несмотря на внешнее спокойствие, академик чувствовал себя слегка не в своей тарелке.

— Если это не ваш человек, то какого черта он вмешивается в алмазное дело? А? Может, вы мне все-таки разъясните, дураку? — продолжал кипятиться гэбист. — Или, может быть, вы хотите, чтобы денежки за проданные бриллианты тоже отошли родному государству, как те полторы сотни камней, которые ухитрился изъять Бурцев?

— Успокойтесь, — мановением руки остановил Лисина Анатолий Семенович. — Бог велел делиться. Так оно верней будет. Нельзя накладывать лапу сразу на все, полковник.

— Да? Стало быть, все идет по плану? — Лисин и впрямь слегка успокоился.

— По плану, по плану, — заверил его Ардашкин. — Скоро вы получите свои деньги. Четырнадцать миллионов долларов. От вице-председателя банка «Транс-Норд-Вест» Александра Гаврилова.

— А что делать с Балуевым?

— А зачем с ним что-то делать? — вопросом на вопрос ответил академик. — Он, как сказано в Псалтири, «пуст и пался весь».

На самом деле Анатолий Семенович вовсе не был уверен в том, что контролирует ход событий. Как-то все пошло наперекосяк... Странно, но гибель майора Бельской произвела гнетущее впечатление на Ардашкина. Главным образом потому, что он не планировал эту жертву. «Мозаика» опять выкинула фортель, хладнокровно уничтожив престарелую оперативницу. Попутно, так сказать.

Мишенью академика — кроме, разумеется, приговоренного «Мозаикой» Матвея Трындина и арестованного Дениса Балуева, был Володя Фирсов: негоже оставлять в живых эту раздавленную собаку, парень сделал свое дело и может уходить. В небытие. Он ведь беседовал с Анатолием Семеновичем за этим самым столиком, потом по настойчивому совету «Юрия Георгиевича» остался на празднование дня рождения Трындина, хотя поначалу категорически не желал поздравить своего патрона, даже собирался уволиться...

Когда Анатолий Семенович заложил в программу самоубийство Фирсова, он получил закодированную рекомендацию: позвонить рано утром дежурному по городскому ГУВД и сообщить о якобы имевшей место семейной трагедии в Бескудникове. Кто мог предположить, что этот надломленный интеллигентшишка унесет с собой в могилу еще и майора Бельскую? Программа лишена эмоций, ей все равно, какие события кратчайшим путем приведут к достижению поставленной задачи.

Однако со смертью Бельской все усложнилось: как пить дать, Бурцев посчитает своим личным делом довести разоблачение алмазной аферы до конца. В память, так сказать, о погибшей коллеге.

Похоже, следует ускорить появление Бурцева в клубе «Монреаль». А там и личная встреча подполковника и академика не за горами.

— Ну, господин Балувев, у меня для вас есть новости, — говорил подполковник Бурцев, привычно расхаживая по кабинету.

Дениса Валерьевича доставили из муровского изолятора, вид у задержанного был измученный и расхристаный. С момента его заключения под стражу прошло всего лишь два дня, но, похоже, для Балувева они стали самыми длинными в жизни.

Он никак не отреагировал на высказывание Бурава, дрожащими пальцами достал пачку «Абдуллы». Немного там осталось, совсем немного...

— Так вы, стало быть, Денис Валерьевич, состояли в интимных отношениях с продавщицей Викторией Фирсовой? — как бы между делом спросил подполковник.

Комар с состраданием и брезгливостью смотрел на понурого Балувева.

— Я же говорил, — тихо ответил Денис Валерьевич. — Это было всего один раз, в ночь убийства Трындына. У меня алиби...

— Что ж, одного раза достаточно, — задумчиво проговорил Бурцев. — Если, конечно, не предохраняться. А насчет вашего алиби — поздравляю, оно подтверждено. С вас снято обвинение в убийстве Матвея Трындына.

— Слава богу! — с облегчением выдохнул Балувев.

— Еще слава ли богу? — иронично скривился подполковник. — Теперь, помимо кражи крупной партии алмазов, вы обвиняетесь еще и в убийстве бывшего начальника службы безопасности Мирнинского месторождения Ивана Турбазина. Впрочем, это дело нам не подведомственно, поэтому в ближайшее время вас переведут в Лефортовскую тюрьму, к нашим коллегам из ФСБ. Кстати, хочу сообщить вам, что все те годы заключения, которые вам отмерит суд, вы проведете не в лагерном бараке, а куда более комфортабельной спецкамере при тюремной больнице.

— А что, собственно... — насторожился Балувев.

— А то. У Виктории Фирсовой всего лишь навсего обнаружен вирус СПИДа. Она ВИЧ-инфицирована, улавливаете? Теперь, любезный, вам остается только вспомнить некоторые интимные подробности вашей скоротечной связи, и вы все поймете, — произнес Бурав и, взглянув на Балувева, очень удивился: тот улыбался. Мысль о смертельном заболевании почему-то не слишком расстроила Дениса Валерьевича.

Более того, он воспрянул духом. Значит, ему не придется провести долгие годы в лагере, в непосильном труде, среди всякой мрази. А карантинные

условия содержания в спецкамере сами собой подразумевают всяческие поблажки, коих он без труда добьется с помощью денег. У господина Балужева на всякий случай был припасен миллион долларов — тот самый, что предназначался Турбазину. Этот миллион хранился в надежном месте, и Денис Валерьевич в любое время мог получить любую сумму наличными...

Через три-четыре годика он выйдет, тюремная администрация похлопочет о снижении срока заключения, об условно-досрочном освобождении.

А СПИД? Что, собственно, такое — СПИД? Некая мифическая, невидимая болезнь. Она столь же абстрактна, как и смерть вообще. Наверное, Денис Валерьевич был едва ли не единственным человеком на всей планете, который радовался известию о своем заболевании СПИДом. Радовался искренне, от всей души, как очередной крупной удаче.

### **Глава тридцать третья**

Денис Валерьевич Балужев твердо стоял на том, что номер счета во франкфуртском банке, на который переводились деньги, полученные от продажи алмазов, знал, помимо покойного Матвея Трындина, только разве что председатель правления банка «Транс-Норд-Вест» Вадим Биланов.

— Стало быть, надо трясти еще одну грушу — жирного банкира Биланова, — хищно потер руки подполковник Бурцев.

Подступиться к финансовому магнату было, впрочем, не так уж и легко. У оперативников против Вадима Викторовича были только показания Дениса Балужева, поэтому для начала требовалось на чем-нибудь зацепить Биланова, чтобы вынудить его раскрыть тайну счета. Самый простой прием — организовать тотальную финансовую проверку в «Транс-Норд-Весте».

Как ни странно, эта гиблая затея неожиданно получила поддержку в недрах Генеральной прокуратуры. Как позже узнал подполковник Бурцев, союзником правоохранительных органов выступил вице-председатель правления «Транс-Норд-Веста» Александр Гаврилов. Он-то и пообещал оказать содействие в проведении эффективной финансовой проверки.

Как-то под вечер, когда Комар уже собирался домой, Бурав ввалился в их кабинет и с довольным видом положил перед Алексеем предписание генпрокуратуры: «Произвести внеплановую ревизию в банке «Транс-Норд-Вест» с целью проверки оперативной информации об имеющихся место незаконных финансовых операциях по отмыву денежных средств организованных преступных группировок (ОПГ)».

— Сечешь, Комар? — подмигнул Алексею Бурав. — Как тебе формулировочка, а? Теперь мы возьмем Биланова за жабры. Завтра с утраца нагрянем к нему в офис с командой капитана Дутова. Надеюсь, ты не откажешься поучаствовать в этой веселенькой акции.

Минувший день был для Вадима Биланова чертовски нервным. Грузный, стареющий банкир, которого друзья-приятели по давней привычке называли Биллом, в который раз задумался: а не бросить ли все к шутам, не свалить ли на край света? Одно лишь соображение удерживало Билла от ухода в отставку. Даже не соображение — конкретная личность. А именно — старинный дружок Александр Александрович Гаврилов по прозвищу «Рыжий Гарри», заместитель Биланова, который в последнее время только и ждал момента, чтобы вонзить Вадиму Викторовичу нож в спину.

Сначала нужно разделаться с Гарри, а уж потом — видно будет...

Нужные люди уже доложили Биланову о закулисных переговорах Александра Александровича с представителями Генпрокуратуры. Это донесение всерьез встревожило Билла, и он на всякий случай отправил Гаврилова в Курск — там недавно открылся филиал «Транс-Норд-Веста», надо было посмотреть на месте, как продвигаются дела.

Вадим Викторович с досадой смотрел на трезвонящий телефонный аппарат. Не вовремя кому-то приспичило позвонить, ох не вовремя... На часах — полпервого ночи, и он только-только настроился на любовные утехи с Алевтиной, законной супругой своего «смертельного друга» Александра Гаврилова.

Алевтина выпростала руку из-под одеяла и сняла трубку.

— Будьте добры... Алена Делона... — послышалось с другого конца провода пьяное мычание.

— Вы с ума сошли? — взвизгнула хозяйка квартиры. — Какого еще Алена Делона? Уже ночь! — и, бросив трубку, повернулась к Биланову: — Вадим, это похоже на дурацкие выходки Александра... Он большой любитель таких розыгрышей по телефону.

— Ерунда! — отмахнулся банкир. — Гаврилов в Курске. Я звонил ему, он приедет только утром.

Но Алевтина уже накручивала диск: муж всегда сообщал ей свой гостиничный телефон, когда уезжал по делам.

На другом конце тут же сняли трубку.

— Господина Гаврилова? — переспросил мелодичный женский голос. — Он только что прошел в ресторан. Пригласить его к телефону?

— Спасибо, не надо, — поспешно ответила Алевтина. — Я свяжусь с ним по мобильному, — и тут же набрала мобильный номер мужа. — Але, милый? У тебя что, рот набит? Пируешь в ресторане? Наверное, с девочками? Конечно, нет? Так я и поверила... А мне вот не спится, скуча-аю, — капризно протянула она.

— И я соскучился, дорогая, — прозвучали в комнате издевательские слова.

При звуке этого голоса сердце у Вадима Викторовича Биланова заледенело, его багровые щеки приобрели синюшный оттенок.

Помертвевшая Алевтина вжалась в подушку, зачем-то спрятав под одеялом телефонную трубку. Нет, не из курского мотеля «Соловьиная роща» говорил с ней обманутый муж. Александр Александрович Гаврилов во весь свой гренадерский рост стоял в спальне московской квартиры. Черный зрачок пистолета с длинным глушителем уставился на председателя правления банка «Транс-Норд-Вест».

— Гарри? Как ты... — прогнусавил обретший дар речи Биланов.

— Как, как, — по-вороньему передразнил его Гаврилов, не отводя пистолета. — Не о том думаешь, Билл. Ты давай «Отче наш» читай, пока время есть.

— Но ты же в Курске, — по инерции продолжал Биланов, кивнув на аппарат.

— Хватит корчить из себя шута, Гаврилов, — скривилась Алевтина. — Это ты звонил, спрашивал Алена Делона?

— Я, — кивнул муж. — Похоже, весь кайф вам поломал.

— Правда, старина, хорош валять дурака, — примирительно прогнусавил Биланов. — Дай мне одеться и пойдём потолкуем в гостиную, как цивилизованные люди. Понимаю, за все надо платить. Я готов. Хотя должен тебе, между прочим, сказать, что ты, старина, заделался членом правления банка только благодаря Алевтине. Сам того не зная, ты совершил самую выгодную сделку в своей жизни. Так что, в общем-то, мы квиты...

— Не совсем, — покачал головой Гаврилов. — Не совсем, Билл. Сейчас ты напишешь мне цифровую комбинацию секретного анонимного счета во Франкфурте, на который ты перевел авуары другого нашего клиента. Покойного Матвея Трындына. — С этими словами он сунул руку в карман, швырнул на одеяло записную книжку с вставленной в нее авторучкой и ласково добавил: — И не вздумай что-нибудь напутать, Билл.

— Не знаю, вспомню ли, — промямлил Вадим Викторович, но тут же принялся быстро покрывать страничку длинным рядом букв и цифр. — Все, написал. Доволен? Теперь мы, надеюсь, в расчете? — истерично выкрикнул он.

— Опять же не совсем, — тихо сказал Рыжий Гарри. — Мне очень жаль, Билл... Право, не стоило бы из-за бабы, да еще такой непрезентабельной, но... Это бизнес, как говорят в твоих любимых маргинальных фильмах. Так вот, мне нужен пост председателя правления банка. Твой пост. Но ты ведь добровольно его не отдашь, верно? Вот то-то и оно, старина Билл. То-то и оно. Значит, не хочешь читать «Отче наш»? Ну, дело твое. — Он глубоко вздохнул и плавно нажал на спусковой крючок.

Вадим Викторович хотел крикнуть: «Отдам! Все отдам!» — но не успел. Пуля, вылетевшая из черного зрачка глушителя, отбросила банкира на подушку, на его дряблой груди появилась алая дырочка.

Гаврилов перевел срез глушителя влево, и вновь раздался негромкий, всасывающий звук. Алевтина медленно сползла на пол.

«Теперь — самое неприятное, контрольные выстрелы», — подумал Александр Александрович и подошел к кровати вплотную. В висок Биланову он выстрелил хладнокровно, без колебаний. Затем приставил черную трубку глушителя к голове жены, отвернулся и спустил курок. Сунул в карман свою записную книжку, огляделся...

## Глава тридцать четвертая

...В то время как в Москве стало одним банкиром меньше, за отдельным столиком ресторана в курском мотеле «Соловьиная роща» ужинал человек, внешне исключительно схожий с Александром Александровичем Гавриловым. Такая же статная фигура, густые, аккуратно постриженные рыжие усы, малиновый костюм и дорогой английский галстук. Короткая стрижка, «Ролекс» на запястье...

Те, кто не слишком часто общался с финансистом Гавриловым, могли бы поклясться, что перед ними не кто иной, как Рыжий Гарри, заместитель председателя правления банка «Транс-Норд-Вест». Собственной персоной.

Одинаковыми были не только часы и костюмы, но даже фамилии рыжеусых. Только одного, как уже было сказано, звали Александром Александровичем, а другого — Алексеем Александровичем. В общем, Гавриловы были единокровными братьями, то есть братьями по отцу.

О том, что у него есть младший брат, к тому же — далеко не бедный, 45-летний брянский шулер Леха Гаврилов по кличке «Лох» узнал совсем недавно. Лох отлеживался после очередного «урока», который преподали ему сотрудники службы охраны лучшего брянского казино, и от нечего делать смотрел по телевизору все подряд. И вдруг — мать честная! — увидел на экране самого себя. Ну, не как в зеркале, конечно, однако сходство было очевидным. Даже усы такие же. «Гаврилов Александр Александрович, первый заместитель председателя...» — поплыли перед Лехиными глазами жирные титры...

Превозмогая боль в отбитой пояснице, Лох тут же помчался в старинную загородную усадьбу, ныне — дом престарелых, где вот уже пятый год пребывала его родная матушка, и она рассказала ему, что его отец, Александр Гаврилов-старший, бросил ее с годовалым ребенком сорок четыре года назад. Подался в Москву, там женился на какой-то фифе... До Марьи



Петровны каким-то образом дошел слух, что через год в новой семье Гаврилова-старшего появился сын, единокровный брат Лехи...

Покинув богоугодное заведение и поклявшись больше не переступить его порога, Лох принялся обдумывать план действий. В общем-то, он был прост. Сначала — позвонить богатенькому братану. Телефон банка узнать нетрудно... Придется разориться на межгород!

— Здорово, братишка! — плаксивым голосом заканючил в трубку Лох, когда его соединили с заместителем председателя правления. — А это я звоню, старшой твой братец, Леха...

— Ты из Брянска? — деловито перебил его Гарри, тут же перехватив инициативу. — Отошел от побоев? Короче, слушай сюда. Послезавтра будь в Курске, встретимся в кафе на вокзале в семнадцать ноль-ноль. — И дал отбой.

Лох опешил: выходит, братан все о нем знал, и играть в кошки-мышки нет никакого смысла. Да, Санек оказался парнем хватким, с таким, видать, шутки плохи...

Опасения Лоха полностью подтвердились через два дня, в Курске, когда в назначенное время к нему в зачуханом привокзальном кафе подсел рыжеусый дядька в темных очках. Едва поздоровавшись, единокровный братец спокойно сообщил Лехе, что тот превратится в хладный труп не позже, чем через двадцать четыре часа с того момента, как вздумает рассказать кому-нибудь об их встрече и вообще об их родстве. Или если хоть в чем-то его ослушается. И Леха сразу и безоговорочно поверил своему собеседнику.

Гарри дружески похлопал братца по плечу и тут же четко изложил ему программу действий.

Брянский шулер должен был немедленно поселиться в мотеле «Соловьиная роща» под именем Александра Александровича Гаврилова. В ноль-ноль тридцать Лох должен спуститься из номера в ресторан. Поужинав, сдать номер и отправиться на вокзал, чтобы успеть на поезд, отбывающий в Москву в 01.50.

— Вот мой мобильник, надеюсь, умеешь пользоваться, — продолжал Гарри. — Номер этого аппарата знает только жена, зовут ее Алевтина. Если вдруг позвонит, промычишь, что, мол, ты занят. Держи мой паспорт и по два билета в «СВ» — туда и обратно.

— А зачем по два? — не понял Лох.

— Чтоб одному в купе ехать, дурила! Ты же банкир, соображать надо. А еще шулером называешься.

— Каталой, — обиженно поправил младшего брата его брянский сородич.

— Вот и покатаешься. Отдашь билеты, паспорт и прочую амуницию мне завтра утром на Курском вокзале в Москве. Я тебя встречу. А вот это можешь оставить себе.

Гарри протянул Лоху такой же, как у него самого, «Ролекс» и объемистую спортивную сумку. В ней было пальто из тонкого, бутылочного цвета драпа, малиновый костюм, стильные туфли и английский модный галстук.

Леха понял, что братец хочет на какое-то время раздвоиться, то есть обеспечить себе алиби. Но брянского шулера все это не касалось. В случае неукоснительного следования полученным инструкциям Леха завтра утром разбогатеет на двенадцать тысяч долларов.

— Утром на Курском вокзале сбреешь усы и исчезнешь из моей жизни навсегда, — загробным голосом завершил разговор Александр Александрович. — Иначе исчезнешь вообще...

Гарри тщательно протер рукоятку пистолета и положил его на мягкий ковер возле бежевой двуспальной кровати. Во рту ощущалась неприятная сухость. Неужели он волнуется? Странно. Да нет, скорее всего, это банальное похмелье. Надо же, сильное опьянение никогда не брало Рыжего Гарри, а вот похмелье почему-то мучило всякий раз после обильной выпивки. Вот и сегодня — не удержался, выпил бутылку «Абсолюта» прямо в «тойоте», которая со скоростью 160 километров в час мчала его по трассе Курск-Москва.

Да, с машиной ему повезло, да и водитель лихой попался. За триста долларов он готов был рискнуть и жизнью пассажира, и своей собственной. Александр Александрович поймал этого извозчика в восемь вечера в центре Курска, а в начале первого ночи был уже неподалеку от своей московской квартиры.

Открыв дверь и войдя в прихожую, он сразу направился в кухню и распахнул дверцу холодильника. Вот они, его излюбленные соленые огурцы в обычной трехлитровой банке. То, что нужно. Александр Александрович нацедил рассол в высокий бокал и вышел на застекленную лоджию.

Морозный воздух заставил Сан Саныча поежиться. Он жадно отпил рассол и поставил бокал на столик. Закурил. И тут же затушил сигарету: чего доброго, огонек еще увидят из дома напротив... Чушь, конечно. Он просто нервничает не по делу...

## **Глава тридцать пятая**

Без пятнадцати девять утра, когда Бурав и Комар готовились присоединиться к аудиторам и омовцам для «налета» на банк «Транс-Норд-Вест», на столе подполковника зазвонил телефон. Бурцев нутром почуял, что сейчас услышит дурные вести.

Он внимал донесению и все больше мрачнел. Наконец, швырнув трубку на рычажки, повернул к Каморину побагровевшее от досады лицо:

— Нас опередили, Комар. Мы постоянно отстаем на один шаг... Вот только от кого? Кто дирижирует всеми этими событиями?

— Да что случилось-то? — в тревоге спросил Алексей.

— Случилось кое-что... Похоже, налет с проверкой на банк «Транс-Норд-Вест» теряет всякий смысл.

Уже в начале десятого утра Бурав и Комар были на месте преступления — в квартире Гавриловых на Цветном бульваре. Вместе с оперативниками прибыли следователь городской прокуратуры Константин Шаравин, незнакомый Каморину судмедэксперт, криминалист Слава Зарезин и кинолог Гоша Лукин с овчаркой Шерри.

Врач методично осмотрел труп Вадима Биланова и дал знак санитарам: дескать, тело можно увозить, причина и приблизительное время смерти очевидны. А именно: потерпевший скончался от двух пулевых ранений — в грудь и в голову — между нулем и двумя часами ночи.

Алевтину уже увезли, причем не в морг, а в реанимацию института Склифосовского: как ни странно, женщина была все еще жива.

Хозяин квартиры, Александр Александрович Гаврилов, сидел на ореховом стуле в просторной кухне, сгорбившись и широко раздвинув ноги. Он курил одну сигарету за другой.

— Костя, записывай, — кивнул Бурцев следователю Шаравину и повернулся к Рыжему Гарри: — Ну, Александр Александрович, мы слушаем...

Гаврилов тяжело перевел дух.

— Я прибыл из Курска в восемь утра, на вокзале зашел в туалет, потом взял частника — белые «Жигули» седьмой модели, водитель — полноватый, коротко стриженный мужчина лет сорока... Вы легко отыщете эту машину и водителя, на вокзалах работают только постоянные извозчики, все друг друга знают.

— Найде-ем, — протяжно ответил подполковник.

— В общем, захожу в квартиру и вижу... Сами знаете что. Я был уверен, что оба убиты, поэтому сразу позвонил в полицию, а не в «скорую». Если б я знал, что она жива!

— Ну-ну, не отчаивайтесь, — бодро произнес Бурцев. — Врачи говорят, что ваша жена может выжить, организм крепкий. Ей повезло: при контрольном выстреле у киллера дрогнула рука, и пуля прошла по касательной, не задев головной мозг. Давайте-ка мы сейчас пройдемся по квартире, — предложил он. — Вы не замечаете ничего необычного? Может быть, что-то пропало, какие-то вещи передвинуты?

Сан Саныч рассеянно посмотрел на подполковника:

— Что-что? Ах да... Нет, все в порядке, я уже смотрел...

Бурцев распахнул дверь в лоджию.

— Так-так... Слава! — позвал он криминалиста Зарезина. — Зафиксируй — на полу лоджии окурки, на столике — бокал с жидкостью. Довольно странно...

— Ничего странного, — вмешался Гаврилов. — Я, знаете, как увидел в спальне эту картину, мне дурно стало, и я вышел в лоджию глотнуть свежего воздуха. Это я курил. И рассола огуречного себе налил, выпил немного.

Бурцев разглядывал высокий бокал. В рассоле бултыхался комок льда. Тут в кухне зазвонил телефон, и Бурав покинул лоджию. Вскоре он вернулся и с серьезным видом обратился к Гаврилову:

— Звонили из реанимации. Ваша жена, Александр Александрович, только что скончалась. Примите мои соболезнования.

При этих словах карие глаза Рыжего Гарри превратились в узенькие щелки, словно две опасные бритвы, губы сжались до белизны. Бурцев внимательно наблюдал за новоиспеченным вдовцом.

— Да вы, я вижу, не очень-то и расстроены? — как бы вскользь бросил он.

— По-моему, это вполне понятно, — с трудом удержался от взрыва эмоций Александр Александрович. — А вы бы сильно переживали, если бы вашу благоверную грохнули в постели с любовником? Которого вы, между прочим, долгие годы считали своим другом... А теперь, господа, извините, но, несмотря на личную трагедию, я обязан быть в банке. Клиенты не должны страдать...

— Кстати, — перебил его Бурцев. — Кто теперь будет исполнять обязанности председателя правления «Транс-Норд-Веста»?

— Я, — пожал плечами Гаврилов. — Как первый заместитель Биланова.

— Ну-ну... — Бурав скептически смотрел на Сан Саныча. — Не знаю, как насчет вашей жены, но смерть Биланова принесла вам неплохие дивиденды.

— Черт возьми, что вы хотите этим сказать?

— Только то, что мы будем очень тщательно проверять ваше алиби, Александр Александрович. А также отыскивать ваши возможные связи с преступным миром.

— Уверяю вас, — язвительно проговорил Рыжий Гарри, — что работа вам предстоит нетрудная. Моя жизнь проходит на виду.

Они спустились вниз одновременно: Бурав, Комар и Гаврилов. Банкир направился к своему джипу, возле которого со скорбным видом стоял водитель; а подполковник и старлей — к «Жигулям».

Когда выехали на магистраль, Бурав повернулся к Алексею:

— Ты вот что, Комар. Дуй-ка на Курский, поговори с проводницами спального вагона. Думаю, поезд еще в отстое. Вот, держи билеты господина Гаврилова и его фотокарточку, я ее из серванта вынул.

- Мелкая кража, Макс! — усмехнулся Комаров.  
— Так точно, признаю, гражданин старший лейтенант...

## Глава тридцать шестая

Бывшая портье отеля «Блиц» рыжекудрая Мариночка уже несколько дней пребывала в тревоге и растерянности. Андрея Степановича Безлепкина арестовали на ее глазах, рано утром, когда они еще спали в его необъятной постели. Прощаясь, антиквар заверил ее, что вернется он, самое позднее, к вечеру. И просил не унывать.

Поначалу Марина действительно не грустила по поводу очередных неприятностей у своего спонсора: в конце концов, Безлепкин богат, а богатые умеют решать возникающие время от времени проблемы с законом. Но Андрей Степанович не возвращался. И не звонил. Почему-то она чувствовала, что Безлепкин больше не вернется. А если и объявится, то нескоро. Черт возьми, а не так уж плохо жилось ей на содержании у податливого Андрея Степановича...

Марина накинула на себя песцовый полушубок и, покинув квартиру, вышла на Тверскую, все время озираясь по сторонам.

Вдруг чей-то знакомый голос окликнул ее:

— Эй, Стелла!

Марина вздрогнула от неожиданности и похолодела, услышав свой «съёмочный псевдоним». К ней вальяжной походочкой подходил долговязый парень, руки его были засунуты в карманы.

— Скрепка? Ты? — удивилась она, так же называя старинного приятеля-домушника его воровским «погонялом».

— Он самый. — Валька Шашнев по-хозяйски оглядывал девушку, издавая причмокивающие звуки. — Ну, ты, блин, и леди! Такой прикид дорогого стоит... Неужели сбылась мечта идиотки? Так, давай попробую угадать... Он банкир или крупный торгаш, старый брюзга, тяжело страдает, когда выдает тебе очередную порцию «зелени».

— Валечка! — неожиданно для самой себя Марина прижалась к руке Шашнева и заплакала. — Здравствуй, Валечка...

— Ну-ну, — покровительственно, как в былые времена, потрепал ее по щеке Скрепка. — Не больно сладко, видать, живется тебе с твоим толстым сумом...

Они зашли в «Кофе-Хаус» на Пушкинской площади.

— Итак, что мы имеем? — по-барски развалился на неудобном стуле Скрепка. — Арестованный антиквар — это раз. Неоплаченные счета — два. И кое-что на жизнь — три. Какой делаем вывод?

— Какой? — преданно заглянула ему в глаза Марина.

— Делаем вывод, — чуть помедлив, лукаво подмигнул ей Валька, — что мы делаем ноги! В Сочи на месячишко — это в самый раз! Ты бывала на Черноморском побережье?

— Нет, — задорно засмеялась Марина. — Валечка, это так здорово! Надо срочно уехать из этой вонючей Москвы! А там видно будет...

Марина открыла дверь квартиры Андрея Степановича Безлепкина своим ключом, и навстречу ей радостно устремился черный дог по кличке Агат, положил тяжелые лапы на плечи девушке, лоя ее взгляд своими умными, любящими глазами.

Она прошла в кухню, распахнула холодильник и вывалила в огромную плоскую собачьи сосиски, сыр — в общем, все, что попало под руку. Агат благодарно завил хвостом. Марина вздохнула, поправила волосы и направилась в спальню.

Указания Шашнева были предельно просты: взять из квартиры Безлепкина все самое ценное, но не нагружаться объемистыми предметами. Поэтому она сразу принялась за наборный диск сейфа, вмонтированного в стену возле двуспальной кровати. Один поворот диска, другой... Проклятый антиквар, он, оказывается, сменил шифр! Идиотка, надо было догадаться об этом заранее. Конечно же, после недавнего случая с браслетом гнусный старьевщик никак не мог оставить прежний код. И почему она не настояла, чтоб Валька пошел сюда вместе с ней? Он-то уж сумел бы разобраться с этой железякой.

Что ж, придется довольствоваться тем, что не спрятано под замком. Марина подошла к письменному столу, выдвинула ящик. Так, несколько золотых безделушек, пятьсот долларов крупными купюрами... И то хлеб. Вдруг взгляд ее упал на связку ключей. Гм, а вот это — другой разговор. Она сразу узнала фигурный ключ зажигания от золотистого «шевроле» господина Безлепкина. Вот и работа для Вальки: уж что-что, а задвинуть классную тачку он сумеет. И к тому же не будет чувствовать себя на положении альфонса...

Марина вышла на лестничную площадку, заперла дверь и нажала на кнопку вызова лифта. Спустившись вниз, она тут же по-хозяйски направилась к золотистому «шевроле». И уже в который раз за сегодняшний день чертыхнулась: заднее левое колесо было явно кем-то проколото.

Неожиданно за ее спиной кто-то хрюкнул. Марина обернулась и тут же сморщилась от брезгливости: рядом с ней стоял вонючий, оборванный бомж лет шестидесяти.

— Гы-ы, — оскалился бродяга и протянул грязную ладонь к песцовой шубке Марины.

Девушка не на шутку перепугалась: взгляд у него был явно безумный. Как он только попал сюда, в охраняемый двор?

— Пошел вон! — выкрикнула она и резко повернулась, но было поздно.

С гортанным, победным воплем бомж кинулся на нее, и Марина почувствовала пронзившую ее боль, а еще — удар чем-то тупым по щеке. Боже мой, да ведь это она грохнулась лицом о землю...

Грузный майор милиции Зотиков, выползавший из своей «Волги» — пожилой служака заехал домой пообедать, — увидел, что какой-то оборванец сидит над лежащей девушкой и методично наносит ей удары. Зотиков даже не стал окликать бродягу: он ловко вытащил из кобуры пистолет и, тщательно прицелившись, громко свистнул.

Бомж вскочил на ноги, и в ту же секунду грянул выстрел. «Смерть как не люблю бомжей», — с отвращением подумал майор.

Сначала Зотиков подошел к лежавшей с открытыми глазами девушке. Она была мертва, это ясно. Красивая. Эх!.. Затем посмотрел на убитого им бомжа. В одной руке у бродяги была зажата окровавленная заточка, пальцы другой намертво сжимали дамскую сумочку.

## Глава тридцать седьмая

Обе проводницы были премиленькими девчушками лет по двадцать от роду. Одна, Лариса, то и дело плавно покачивала головкой, демонстрируя, как в рекламном ролике, свои длиннющие, волнистые черные волосы. Другая, шатенка Катя, козыряла высокой, крепкой грудью.

Они с Комаром сидели в тесном купе для проводников.

— Узнаете? — показывая им цветную фотографию, спросил Алексей.

— Как не узнать, на всю жизнь запомним, — томно проворковала Катя. — Никогда не пила столько шампанского!

— И кто же это?..

— Саша Гаврилов, московский банкир, — без колебаний ответила Лариса. — Ой, до сих пор живот болит, прямо объелись икрой...

— В общем, девушки, — решительно поднялся Каморин, — вы твердо опознаете в предъявленной вам фотографии того человека, который мигнувшей ночью ехал в этом вагоне?

Проводницы переглянулись и дружно кивнули.

— Макс, ерунда какая-то получается, — Комар почесал в затылке. — Гаврилов, сто процентов, ехал в ночном поезде «Курск-Москва». Один в спальном купе.

Подполковник Бурцев хмуро стоял возле урчащего факсового аппарата, то и дело с треском отрывая ползущую из его утробы бумагу.

— Вот послушай, — ожесточенно произнес он. — «Администрация мотеля "Соловьиная роща", город Курск, сообщает, что Гаврилов Александр

*Александрович снимал здесь номер люкс с 12.00 до 24.00 минувших суток, после чего расплатился и прошел ужинать в ресторан. Затем вызвал такси и уехал на вокзал. Человека на фото, присланном для опознания, сотрудники мотеля идентифицируют как Гаврилова А.А.» Как тебе это? А вот сообщение из центрального офиса МТС: «Компания "Мобильные телесистемы" подтверждает, что в 00.25 зафиксирован разговор по аппарату, принадлежащему Гаврилову А.А. Абонент в момент разговора пребывал в Курске. Номер телефона...»*

Бурцев тихо выматерился, снял трубку и набрал номер сотового телефона, указанный в бумаге.

— Здравсьте, Александр Александрович. Как ваши дела? Ах вот как? Поздравляю.

Бурав положил трубку, повернул к Комару раздосадованное лицо.

— На экстренном собрании Гаврилов утвержден исполняющим обязанности председателя правления банка «Транс-Норд-Вест». Успел. опередил-таки журналюг. Но дело даже не в этом. Мобильный телефон, по которому он разговаривал из Курска с женой в полпервого ночи, и теперь находится при нем! Чертовщина какая-то. Он что, со скоростью звука перемещается туда-сюда?

Каморин осторожно попытался возразить:

— Макс, а зачем ему звуковая или сверхзвуковая скорость, если он нанял киллера? А в Курске и в поезде специально старался запомниться, чтоб укрепить свое алиби?

— Может быть, может быть... Но я хорошо знаю этот тип людей. Неужели Гаврилов сумел удержаться от соблазна лично поквитаться с женой-изменщицей и другом-предателем? Не похоже это на него. И еще, Леша. Гаврилов явно перепугался, когда услышал, что супруга жива, и с облегчением воспринял известие об ее смерти. Он не вызвал на Курский вокзал своего личного водителя, а нанял частника. Почему? Да еще так хорошо запомнил машину и внешность водителя... Этого парня, кстати, уже нашли и допросили, он полностью подтвердил показания нашего друга-финансиста. Только скажи мне: ну какой банкир будет запоминать все эти пустяки? Для таких, как Гаврилов, все «Жигули» одинаковы — рухлядь, одним словом. А «бомбежников» они вообще за людей не считают, смотрят сквозь них. Значит, Гаврилов не был до конца уверен в своем алиби, стремился всячески укрепить его. И перестарался. Теперь дело вовсе не кажется мне гиблым. Где-то Гаврилов должен был проколоться — так всегда бывает, когда преступление и алиби готовятся слишком тщательно. Но где?..

В этот хмурый день на душе у Лехи Гаврилова было светло и радостно. Сидя в спальном купе скорого поезда «Москва-Брянск», он впервые в жиз-



ни по-настоящему любовался перелесками и лугами, проплывавшими перед глазами. В кармане у Леха лежала тугая пачка долларов — эти денежки, как и было обещано, отстегнул ему единокровный братец сегодня утром на Курском вокзале. Леха, в свою очередь, вернул Рыжему Гарри его паспорт, счет за номер в отеле «Соловьиная роща» и билеты на ночной поезд «Курск — Москва», которым Лох прибыл в Первопрестольную. Все документы были выписаны на имя Александра Александровича Гаврилова, так что братан мог не беспокоиться о своем алиби. Леха сделал все, как надо.

Сан Саныч остался доволен и внешним видом поделника: Лох даже слегка переусердствовал, сбрав не только усы, но и рыжую шевелюру, после чего превратился в неприметного мужичка с шишковатой, лысой головой. Он снова переоделся в свои родные шмотки, а модное драповое пальто, малиновый костюм и прочую амуницию, включая классный «Ролекс», Рыжий Гарри презентовал братцу «на вечную память». И ликующий Лох отбыл на Киевский вокзал, откуда вскорости отправился в родные края.

Приехав в Брянск, он добрался на автобусе до своей пятиэтажки в рабочем квартале и, насвистывая, вошел в полутемный подъезд. Незнакомый монтер колдовал с электропроводкой, стоя на стремянке. Он мельком глянул на лысого, безусого мужика со спортивной сумкой и уже принялся было продолжать работу, как вдруг Леха, поравнявшись с электриком, вполголоса запел свою любимую: «Карты-картишки, брошены веером...»

Глаза монтера сверкнули, он подобрался и одним прыжком настиг жертву. Провод обвился вокруг лехиного горла. Профессиональное движение, и хрустнули шейные позвонки брянского шулера.

Внизу хлопнула входная дверь, и послышались невнятные голоса. «Монтер» ругнулся и принялся спешно шарить по карманам покойника. Не найдя того, что искал, убийца аккуратно опустил труп на кафельный пол, достал из кармана туза «пик» и вставил его между зубов Лехи, как засовывают телефонную карточку в прорезь автомата.

Через секунду он уже спускался вниз, деловито помахивая чемоданчиком с инструментами.

## **Глава тридцать восьмая**

— Макс, вот послушай... — Алексей взволнованно поднял глаза от многостраничной сводки. — В Тульской области на Симферопольском шоссе на подъезде к Плавску в 04.35 взорвался автомобиль «тойота» с курскими номерами. Водитель погиб. Причина взрыва — устройство с часовым механизмом. Машина следовала из Москвы... Но вот что интересно: в 21.20 минувших суток «тойота» с таким номером, следовавшая в Москву, была

остановлена сотрудниками ГИБДД Тульской области за превышение скорости: она составляла более 160 километров в час!

Бурцев торжествующе ткнул в Алексея указательным пальцем:

— Вот на этой-то машине Гаврилов и мчался в столицу из Курска! А покидая «извозчика» возле своего дома на Цветном, установил бомбу с таким расчетом, чтоб он взорвался на обратном пути, да подальше от Москвы. Теперь я полностью уверен в своей версии. Только... Оснований для задержания господина Гаврилова у нас не прибавилось.

К концу дня подполковник почувствовал себя усталым, что прежде случилось с ним крайне редко.

— Слушай, Комар, как ты смотришь на то, чтобы взять Серегу Груздина и посидеть где-нибудь втроем за кофейком? — спросил Бурав, когда они уже затемно подходили к его «жигуленку», стоявшему во внутреннем дворе ГУВД.

— Нормально смотрю, — тут же согласился Алексей. Ему смерть как не хотелось тащиться своим ходом домой, а Бурав после нечастых совместных посиделок неизменно подвозил Комара аж до самого подъезда его хрущевки.

С черного неба на город опускался мороз, поднялся пронизывающий, порывистый ветер...

Бурцев достал мобильный телефон, набрал номер кабинета доктора Груздина. Тот, как и Алексей, не заставил долго себя уговаривать и вскоре появился во дворике, одетый в короткое черное пальто и вязаную шапочку, в которых смахивал на православного инок.

«Жигуленок» ковылял во мгле, то и дело спотыкаясь на очередном заторе. Бурав в который раз пережидал красный свет, когда ему вдруг показалось, что кровавый глаз светофора в одно мгновение озарил все вокруг.

Бурцев поднял глаза: на фоне темного неба полыхала рубиновая корона над помпезным зданием клуба «Монреаль». Пять багровых фонарей, расположенных пентаграммой, и в центре шестой, побольше, который венчал диковинное сооружение.

— Надо же, мужики, сколько уж раз тут езжу, а как-то не обращал внимания... Комар, тебе это ничего не напоминает? — и Бурав указал на багровый пятиугольник, бросающий кровавые отблески на вечернюю столицу.

— Нет, — машинально ответил Алексей и тут же спохватился: — Хотя постой... Точно такой же венчик был на голове бронзового бюстика... Ну, над могилой вдовы академика Ардашкина.

— Верно, — зловеще подтвердил Бурцев. — И еще, Комар, точно так же описывал свой якобы пропавший брашлет небезызвестный тебе антиквар Безлепкин. А убитый хозяин цветочного салона Матвей Трындин был завсег-

датаем этого клуба, собирался справлять тут свой последний в жизни юбилей. Похоже, надо бы получше разузнать об этом мистическом заведении.

— Ардашкин, говоришь? — переспросил Груздин. — Помню, как же. Лет двадцать назад он звал меня к себе в НИИ.

Через пятнадцать минут Бурав, Комар и Сергей Сергеич сидели в уютном баре при казино клуба «Монреаль». Услужливый, вышколенный официант аккуратно поставил чашечки с кофе по-турецки перед диковинными посетителями.

А вскоре и сам распорядитель клуба, Вениамин Егоршин, возник возле новых гостей.

— Добрый вечер, господа, — учтиво склонил он голову. — Если мне не изменяет зрительная память, вы в нашем клубе впервые. Позвольте объявить вам наши неукоснительные правила, касающиеся тех, кто первый раз в жизни переступил порог сего заведения. Так вот, согласно нашим канонам, сегодня вы имеете право заказывать любые кушанья и напитки бесплатно, за счет клуба. Не угодно ли пройти в ресторан?

— Угодно, — решительно ответил Сергей Сергеич.

Столик неподалеку от эстрады, где расположился струнный квартет, уже был накрыт легкими закусками: икра на льду, тонко нарезанная разноцветная рыба, фрукты, шампанское в серебряном ведерке.

— Скромно, но со вкусом, — оценил угощение Груздин, входя в роль великосветского жуира.

— «Дон Периньон», — сосредоточенно изучал этикетку шампанского подполковник. — Говорят, самое лучшее, а?

— Так точно, — почтительно ответил официант Сева и принялся ловко откупоривать бутылку.

— Я — владелец этого заведения, — продолжал угождать Егоршин. — А это мой племянник, Сева. Он проследит, чтобы вы остались довольны.

— Это славно, — степенно изрек Бурцев. — А скажите-ка, есть ли среди членов вашего клуба Маслов Юрий Георгиевич? Хотелось бы с ним пообщаться.

— Н-не знаю, смогу ли помочь вам... — невольно отшатнувшись, пролепетал распорядитель. — Надо поинтересоваться...

Подполковник кивком отослал Егоршина и взялся за шампанское.

Сидя в подвальном помещении клуба, уставленном электронной аппаратурой, за этим разговором увлеченно следил заслуженный пенсионер Маслов, известный в прошлом как академик Анатолий Ардашкин. Поначалу вид у «Юрия Георгиевича» был довольный и даже веселый: сегодня подполковник Бурцев наконец-то посетил его заведение! Все идет замечательно, просто ладушки...

Но вот «Маслов» сдвинул рычажки и принялся жадно изучать личностные характеристики подполковника Бурцева, которые бесстрастно считывались электронными устройствами, вмонтированными в каждое кресло в зале ресторана. И постепенно лицо академика все больше мрачнело.

Даже при беглом ознакомлении с полученными данными становилось ясно: Максим Юрьевич Бурцев вряд ли вписывается в отработанную Ардашкиным-Масловым систему манипуляции человеческой особью. Управлять подполковником Бурцевым может только один человек на свете: сам подполковник Бурцев.

Что ж, придется идти ва-банк. Хочешь встретиться? Устроим, пожалуй.

Снова вернувшись в зал, Егоршин сразу направился к оперативникам, держа в руке телефонную трубку.

— Вас, — с трепетом пробормотал он, протягивая ее Бурцеву.

Бурав вытер рот салфеткой, поднялся со стула, отошел чуть в сторону.

— Слушаю, Анатолий Семенович, — с иронией промолвил он, ожидая произвести эффект на невидимого собеседника. — Надеюсь, вы не собираетесь отравить своего старого знакомого черной икрой? Это, знаете ли, моветон.

В трубке послышался смешок: не так-то просто было застать врасплох академика Ардашкина.

— Я оценил ваш юмор, подполковник. Но все-таки, называйте меня Юрием Георгиевичем. Вы желаете встретиться? Извольте. Давайте сегодня, где-нибудь часиков в одиннадцать вечера. Идет?

— Идет, — не раздумывая, согласился Бурав. — Где?

— А у меня дома, Максим Юрьевич. Адресок-то помните? Вы же бывали в моем скромном жилище. Да еще и топтуна своего там оставили, пусть земля ему будет пухом.

— Топтуна я вам, так и быть, прощаю, — жестко ответил Бурцев. — А вот Екатерину Бельскую — никогда! Даже не надейтесь!

— Накладочка вышла, сожалею. — На другом конце послышался вздох. — У вас ведь тоже в работе накладки случаются, не так ли? Да что это мы, в самом деле, так и будем по телефону отношения выяснять? Давайте все-таки сначала посмотрим друг другу в ясные очи.

— Договорились, — буркнул Бурцев.

— Только давайте, подполковник, заранее условимся: мы не будем пытаться убить друг друга, хорошо? Во всяком случае, на этот раз.

— Хорошо, господин академик.

— Кстати, примите мои поздравления по поводу изящного раскрытия двойного убийства на квартире у Гаврилова, — лукаво проговорил невидимый собеседник.

— Спасибо, стараюсь.

К немалому разочарованию Комара, Бурав довез его и доктора Груздина только до метро и бесцеремонно предложил друзьям продолжить путь домой самостоятельно.

- Дела, — коротко объяснил он свою неучтивость.
- Дела сердечные не терпят отлагательств, — продекламировал Груздин. — Удачи, Макс! Не уподобляйся мне, старому бобылю...  
Знал бы Серега, что за свидание предстоит его другу...

## Глава тридцать девятая

Знакомая дверь, обитая потрескавшимся дерматином, со скрипом отворилась, и подполковник вошел в сумрачную прихожую квартиры номер 73 в сталинской высотке.

Академик Ардашкин, одетый в белый махровый халат, приветливо и пылливо смотрел на Максима Юрьевича. Тот, в свою очередь, беззастенчиво разглядывал Анатолия Семеновича.

— А вы изменились, — не удержался от издевки подполковник.

— Годы, Максим Юрьевич, никого не красят... Впрочем, давайте обойдемся без политеса. Вы безоружны?

— Вполне, — поднял вверх руки Бурцев.

— Вот и славно... Без оружия вы со мной вряд ли справитесь, — хвастливо изрек Анатолий Семенович.

— Да уж знаю, видел ваши тренажеры, — кивнул в сторону самой маленькой из трех комнат Бурав. — Покойный Гришка Ляпиков, наверное, тоже мог бы засвидетельствовать вашу отменную физическую форму.

— Что ж мы стоим? — спохватился академик. — Прошу, прошу...

— Только, чур, Анатолий Семенович, не показывайте мне ваших рисунков, — с нажимом сказал Бурав. — Не нравятся мне они, дюже не нравятся... Да и не большой я ценитель графики-то.

— Как скажете... — рассмеялся Ардашкин.

Академик поставил на журнальный столик небольшой поднос с двумя чашечками кофе, сел в кресло напротив подполковника.

— Хочу предложить вам дело, Максим Юрьевич, — начал Ардашкин. — Надеюсь, вы улавливаете разницу между такими понятиями, как «работа» и «дело»? Вы, подполковник, не вписываетесь в эту систему, — жестко продолжал он. — Я имею в виду — общественно-политические, морально-нравственные законы современности. Понимаете? Не тем вы заняты, причем уже три десятка лет. Кто-то кого-то уколошил, и лучший сыщик Максим Бурцев усердно разыскивает злодея, сажает за решетку... Ну и что?

— А вы что предлагаете? — раздраженно спросил Бурав. — Каждый человек должен делать свое дело. Пусть бы даже весь мир сошел с ума и полетел в тартарары! — И вдруг он быстрым движением извлек из-за спины пистолет Макарова и направил дуло прямо в грудь академику: — Не ожи-

дали? Похоже, правильно говорят: на всякого мудреца довольно простоты...

— А наш уговор? — возопил Анатолий Семенович.

— Я не заключаю договоров с сатаной, — отчеканил Бурцев и нажал на спусковой крючок.

Выстрел прогрохотал оглушительно, и поджарое тело академика опрокинулось вместе с креслом. Халат распахнулся, и на белоснежной майке Анатолия Семеновича, аккуратно напротив сердца, стало медленно проступать розовое пятно.

Бурцев медленно поднялся со своего места, шатаясь, подошел вплотную к распростертому на полу Анатолию Семеновичу и вновь нажал на спуск. И еще раз. И еще. Он был словно в тумане.

Очнулся Максим Юрьевич, когда услышал сухое клацанье затвора: елки-палки, он разрядил в академика всю обойму...

Бурав вгляделся в труп, лежащий с раскинутыми руками, и тут же покрылся липкой испариной. На груди академика Ардашкина расплывалась кровавая пентаграмма с еще одним алым пятном в центре сатанинской эмблемы...

## Глава сороковая

Вернувшись домой далеко за полночь, Бурцев неожиданно быстро уснул и проснулся ранним утром в том же положении, что и лег. Значит, сон был крепче некуда.

Подполковник покормил попугая, выпил крепкого кофе и тут только вспомнил о том, что произошло в квартире 73 сталинской высотки. Вспомнил потому, что в этот момент по радио передавали сводку криминальных новостей: у себя дома убит неизвестными семидесятичетырехлетний пенсионер Юрий Георгиевич Маслов.

Значит, это не приснилось подполковнику. И он с благодарным сердцем перекрестился на крошечную иконку «Спаса Нерукотворного», невесть когда укрепленную в углу под потолком.

Потом оделся и отправился в банк «Транс-Норд-Вест» — брат Рыжего Гарри.

— Ну что ж, Александр Александрович, надо отдать вам должное: вам удалось поводить меня за нос аж в течение двенадцати часов, — с издевкой поклонился банкиру Бурав.

Он расхаживал по бетонному полу в камере для допросов следственного изолятора ГУВД Москвы. Алексей прислонился к железной двери и напряженно следил за этой сценой, а следователь Шаравин пристроился за неудобным столиком.

Рыжий Гарри был доставлен сюда в наручниках прямо из центрального офиса банка «Транс-Норд-Вест», где к тому времени вовсю свирепствовала финансовая проверка контрольно-ревизионного управления Минфина.

— Да, гражданин Гаврилов, — продолжал Бурцев, — ваш случай лишний раз доказывает, что нельзя пренебрегать самыми тупыми версиями. Кто бы мог предположить, что вы, изворотливый и жестокий бизнесмен, прибегнете к банальнейшей уловке с двойником? Ан, нет, оказывается, и вам не чужды стереотипы... — Подполковник был явно в ударе. — Очевидно, вы хорошо понимали, что для обычного человека достаточно семидесяти процентов сходства, чтобы он с уверенностью опознал предъявленного ему на фотографии субъекта. Вот и работники отеля в Курске, равно как и проводницы в поезде, в один голос подтвердили ваше алиби.

— Послушайте, господин подполковник, — тихо произнес Гаврилов. — Чего вы еще от меня хотите? Я все сказал. Вины своей не признаю, все отрицаю. Есть свидетели в мою пользу. Хотя бы те юные проводницы, с которыми я провел веселую ночь в спальном вагоне. Одну звать Лариса, она черноволосая, другая — шатенка по имени Катя. Спросите их. И имейте в виду, что мой адвокат вызовет их на судебное заседание. А теперь прошу отправить меня в мою камеру.

— Не терпится на нары? — подмигнул банкиру Бурав. — Ну-ну... Не стройте иллюзий, адвокату не удастся списать двойное убийство на состояние аффекта: вы ведь планировали и готовили преступление загодя, с привлечением сообщников. Более того, обещаю вам, что докажу вашу непосредственную причастность к взрыву машины «тойота» на Симферопольском шоссе. Водитель, кстати, погиб.

— Знаю, — произвольно вырвалось у Рыжего Гарри, но сам он этого даже не заметил. — Вы сначала предъявите этого выдуманного вами двойника. Без него у вас ничего на меня нет. Ну, какие вы предоставите суду улики, а? Комок льда в рассоле, который давно растаял? Да присяжные вас просто засмеют. И потом, не забывайте, кто я. Я, между прочим, не свеклой на рынке торгую.

Сан Саныч открытым взглядом посмотрел в глаза подполковнику, и вдруг почувствовал, что его уверенность в собственной неуязвимости тает, как тот пресловутый лед в рассоле. Уж слишком победоносный вид был у Максима Бурцева. Не похоже на блеф. Так не сыграешь.

После того, как Рыжий Гарри отдал своему человеку в Брянске приказ ликвидировать Алексея Гаврилова, прибывающего из Москвы ранним вечером, он был убежден, что дело сделано. И человек этот уже отзвонился банкиру, доложил об исполнении заказа. А что если?..

— Видите ли, — медленно и веско произнес Бурцев. — Я сделал запрос в Центральное адресное бюро и узнал, что в Брянске проживает ваш брат

по отцу, Гаврилов Алексей Александрович. Карточный шулер, хорошо знаком тамошней полиции. Когда мне прислали его фото, я попросил коллег его задержать. И его взяли прямо на вокзале, когда он вышел из поезда. Так что убрать соучастника вам не удалось.

Банкир ощутил легкое головокружение. Так и есть, интуиция его не подвела — заказ не был выполнен, это обычное вранье. Его обманули, чтоб не возвращать полученный задаток. Или все-таки врет этот самодовольный опер?

— Алексея Гаврилова по кличке «Лох» уже допросили в Брянске, — спокойно продолжал Бурцев. — И он дал признательные показания. То есть рассказал все. В том числе и то, что за хорошее исполнение роли банкира Гаврилова получил от вас десять тысяч долларов.

— Двенадцать, — скривился Рыжий Гарри. — Даже тут не может не смухлевать, поганец. Сволочь! Ну что же, — хлопнул он себя по коленям, — раз уж братан меня сдал, пишите...

Скучно изложив события минувших суток, банкир вопросительно посмотрел на Бурцева:

— Все? Довольны?

— Не совсем, Александр Александрович, — теребя нижнюю губу, сказал подполковник. — Сегодня ваша секретарша показала, что вчера вечером вы велели ей заказать вам билет на Франкфурт. Ну, так как? Не соблаговолите ли сообщить органам правопорядка шифр для доступа к секретному банковскому счету Матвея Трындына во Франкфурте? Ну, тот самый шифр, который вы, Сан Саныч, выпытали у Биланова, перед тем как пристрелить его.

— А торг здесь уместен? — скривившись, спросил Рыжий Гарри.

— Слышь, Костя, — повернулся к незаметно притулившемуся за столом следователю Шаравину Бурцев. — Поторгуемся с господином Гавриловым?

— Можно, — оторвался от протокола Шаравин и принялся гипнотизировать финансиста взглядом.

— Во-первых, я настаиваю на хорошей отдельной камере в период следствия, желаю получать продукты питания с воли, а не из тюремного пищеблока, — начал Гаврилов привычную церемонию торга. — А главное — вы оформите мое дело так, чтобы я мог рассчитывать на наиболее благоприятный для меня исход в предстоящем судебном процессе.

— Принято, — заверил его Бурав. — Эка вас всех житейские удобства-то волнуют... Сейчас я изложу вам, что в наших силах. Например, мы со своей стороны сделаем все возможное, чтобы инкриминировать вам только одно убийство — Вадима Биланова. Ведь ваша жена скончалась не сразу, а лишь через несколько часов. В принципе, можно квалифицировать этот эпизод как причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшей. А это, как вы понимаете, совсем другой разговор. И приговор. Ну, и насчет взрыва «тойоты» на Симферопольском шоссе... Я склоняюсь



к мысли, что это были криминальные разборки. К тому же мы зафиксируем вашу добровольную помощь следствию по разоблачению хищений государственной собственности в особо крупных размерах. Можно подумать и об оформлении вашей явки с повинной... Я имею в виду — задним числом. Как, Костя, уважим подследственного?

...Через полчаса в Генеральную прокуратуру было отправлено спецдоношение с номером анонимного счета во франкфуртском банке, на который Вадим Биланов переводил средства, полученные от реализации похищенных алмазов.

И все же никакого торга между банкиром и подполковником Бурцевым на самом деле не было. Оперативник мог пообещать Гаврилову все, что угодно, вплоть до освобождения подчистую, лишь бы получить от Гарри код анонимного банковского счета во Франкфурте.

Потому что банкира все равно оправдают.

Вернуть государству четырнадцать миллионов долларов, полученных похитителями якутских алмазов, — вот единственное реальное дело, которое мог сделать Бурав.

И с этим он, слава богу, справился...

Камера была почему-то нестандартных параметров: по форме она напоминала вытянутую трапецию, обращенную узким концом к зарешеченному окошку. Жесткое ложе, пристегивающееся по утрам к стене — не больно-то поваляешься, металлический стол и табуретка привинчены к полу. И постоянный сумрак, сменявшийся по вечерам тусклым светом синей лампы под потолком.

Андрей Степанович Безлепкин мерил шагами сжатое пространство своей одиночки. Раз, два, три, четыре, пять... Пять мелких шажков к железной двери, столько же — обратно, под крошечное окошко. Теперь присядем, вытянем ноги...

На днях он с тревогой обнаружил у себя все признаки застарелой клаустрофобии — боязни замкнутого пространства. По временам антиквару нестерпимо хотелось долбить кулаками в дверь, в стены, орать истошным голосом. И Безлепкин стискивал зубы, зажмуривал глаза, прогоняя надвигающийся приступ.

На столике белела газета, свернутая в узкую трубку. Ее забыл вчера вечером адвокат Андрея Степановича — полный солидный еврей с выражением превосходства на сытом лице. Он настоял, чтобы ему показали камеру своего клиента: желал убедиться, достаточно ли там сухо, тепло.

Адвокат притащил целую кучу медицинских справок, свидетельствующих о наличии у Андрея Степановича таких несовместимых с пребывани-

ем в СИЗО недугов, о которых сам Безлепкин не только никогда не подозревал, но и слыхом не слыхивал. Естественно, настаивал также на изменении меры пресечения, то есть освобождении до суда под залог и подписку о невыезде.

Что ж, он оправдывал свой гонорар. Скоро антиквар снова будет вместе с Мариной. Андрей Степанович улыбнулся и тут же нахмурился: как она там без него?..

Он потер воспаленные бессонницей глаза и взял в руки газету. Развернул. Как обычно, на первой полосе, в подвале, шли набранные жирным шрифтом заметки под кричащей рубрикой «Срочно в номер!» И, конечно же, длиннющие заголовки, размерами сравнимые с самим текстом. Вот, например: «50-летний бомж нанес 22-летней москвичке шестнадцать ранений заточкой. На левом запястье убитой был платиновый браслет с шестью крупными рубинами, примерная стоимость которого оценивается специалистами в 100 тысяч долларов». Тут же — фото погибшей девушки, которую звали Марина Лосева. Безлепкину вдруг стало душно. Показалось, что серые стены сейчас раздавят его... Это приступ. Подкрался, гад, пока он разглядывал свою Маришку. Подленько так подловил.

Андрей Степанович качнулся к двери и из последних сил заколотил в холодное железо.

— Выпустите меня! — кричал он. — Я хочу дать показания! Я все скажу! Я скажу про убийство охранника! Про ограбление магазина! Про алмазы! Я хочу встретиться с подполковником Бурцевым! Позовите Бурцева! Бурцева-а!

— Хорош долбить в дверь! — раздался злобный голос охранника. — Идиот! Время шесть утра, какой тебе Бурцев? Спит Бурцев, и ты спи давай... А то я тебя сейчас сам уложу.

Андрей Степанович лег на пол и закрыл глаза.

## Эпилог

Подполковник Бурцев в этот ранний час вовсе не спал. В овчинном тулупе, с высоко поднятым воротом, Максим Юрьевич сидел на раскладном алюминиевом стуле перед небольшой прорубью и ловил рыбу.

Где-то над головой проносились поезда метро между «Автозаводской» и «Коломенской». Бурав зубами стянул толстую варешку, сменил мотыля. Из темной лунки веяло ледяной пустотой. Клева нет. Ничего, через полчасика начнется потихоньку.

Он поднял голову и посмотрел на восток. Над Москвой-рекой стелился морозный туман.

Академик Ардашкин, прислонившись к двери вагона метро, рассеянно смотрел на одинокую фигуру чудака в овчинном тулупе, притулившегося

на льду водоема. Он почти завидовал этому беззаботному энтузиасту зимней рыбалки. Живут же люди, и не надо им путать свои следы, уходить в небытие, чтобы сбить с толку этого упертого подполковника Бурцева...

При входе в клуб «Монреаль» секьюрити изымала у посетителей огнестрельное оружие, чтобы вернуть его на выходе. И подполковник Бурцев, конечно же, получил назад свой наградной пистолет Макарова — в целости и сохранности. Только патроны в нем были уже не смертоносными, а холостыми. Точнее, пули в подмененной обойме были пластиковыми.

Знал бы Анатолий Семенович, какую страшную боль причиняет пластиковая пистолетная пуля! От первого выстрела подполковника Бурцева академика буквально швырнуло назад вместе с креслом, пуля пробила кожу на груди... А этот изувер все продолжал и продолжал палить. Пришлось стиснуть зубы и терпеть истязание, не шелохнувшись. Спасибо, выручила закалка и сила воли. Зато пулевые ранения выглядели куда как достоверно.

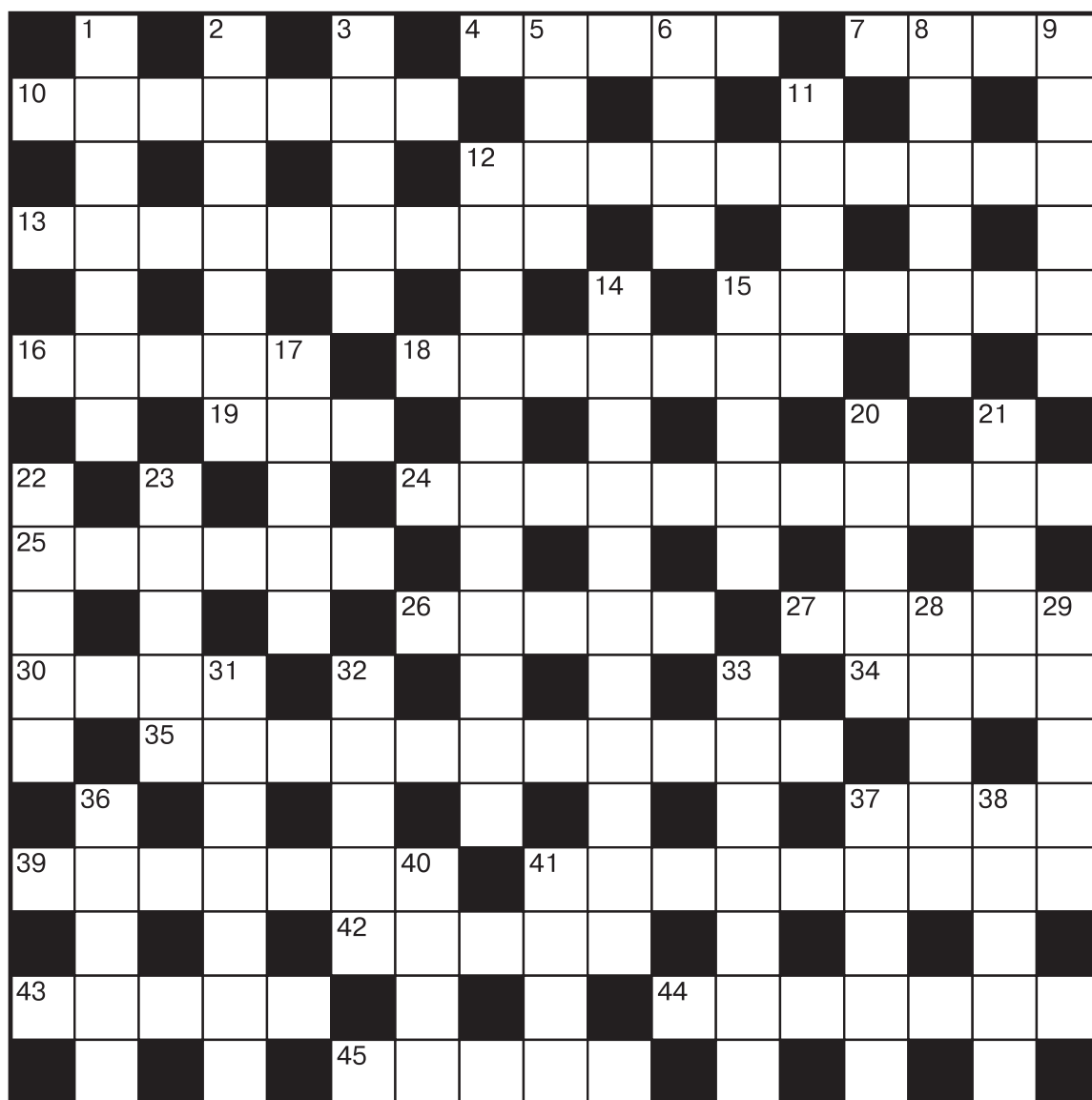
Хорошо еще, что Бурцеву не пришлось в голову выстрелить в лицо поверженному академику. Но залепленные пластырем раны на груди саднили до сих пор.

Ладно, переживем. Цель достигнута — он снова ушел в другое измерение. Как, казалось бы, легко получилось инсценировать свою смерть... А уж «слить» в средства массовой информации «дезу» насчет трагической гибели пенсионера Маслова было и вовсе делом нехитрым.

Только стар уже Анатолий Семенович для игры в прятки, равно как и в кошки-мышки. И никакая «Мозаика», никакие психогенерирующие рисунки не вернут академику молодости, сладкой поры надежд, иллюзий, разочарований...

Поезд снова нырнул в черный туннель, и Анатолий Семенович встряхнулся: какие, однако, нелепые мысли приходят порой в голову! □

# КРОССВОРД



**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** **4.** Кто из классиков французской живописи разорился дотла из-за разрушения Вандомской колонны? **7.** Кто танцует на балу с Красной шапочкой из балета «Спящая красавица» Петра Чайковского? **10.** Гладиаторское сочинение Арама Хачатуряна. **12.** По какой борьбе в свое время стал олимпийским чемпионом античный философ Платон? **13.** Что украли у Антона

Семеновича Шпака? **15.** Китайская редька для тех, кто хочет похудеть. **16.** Что можно обонять? **18.** Какой жанр подтолкнул Олега Митяева к увлечению метанием ножей? **19.** Наш кинорежиссер-сказочник, отказавшийся в свое время от солидного заморского наследства. **24.** Какая звезда нашего кино впервые вышла замуж за Максима Дунаевского? **25.** Тара для патронов. **26.** Река

«трагической развязки» в драме «Гроза» Александра Островского. **27.** От какой птицы произошло слово «снайпер»? **30.** Демонтаж здания. **34.** Светоч вампиров. **35.** Спортивное амплуа Сейджа Коценбурга — американца, завоевавшего первое золото Сочинской Олимпиады. **37.** Книга форварда московского «Торпедо» Эдуарда Стрельцова названа «Вижу ...» **39.** Что проливает бальзам на душу счастливого участника лотереи? **41.** «Пионер для нужд пенсионеров» в советские времена. **42.** Чем рыбку из аквариума достают? **43.** Кто просиживает штаны в офисе? **44.** Историческая область из мушкетерского романа Александра Дюма. **45.** Какая богиня отвечала у римлян за домашний очаг?

**ПО ВЕРТИКАЛИ:** **1.** Наказуемое любопытство. **2.** «Подиум» для пешеходов. **3.** Живопись по шелку. **5.** Великий англичанин Бернард Шоу предупреждает: «Берегись человека, не ответившего на твой ...: он никогда не простит тебе и не по-

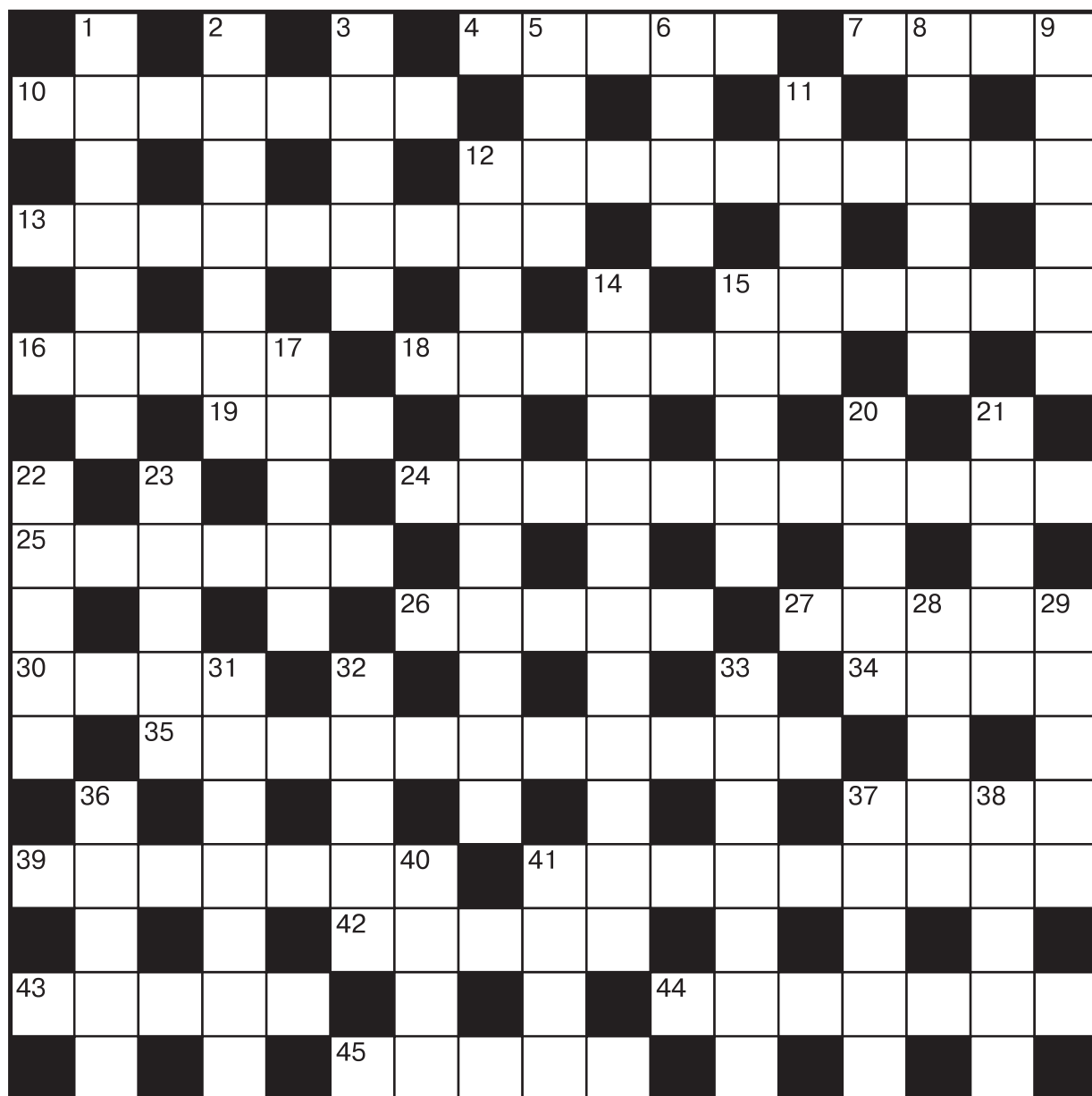
зволит простить себя». **6.** Откуда родом патриарх нашего кино Эммануил Виторган? **8.** «Наша главная ... в том, что мы слишком долго пытаемся сохранить то, чего уже нет». **9.** Мясо для домашней колбасы у татар. **11.** Самый популярный в мире фрукт. **12.** Кто динозавров изучает? **14.** Кто ходит «еще раз в тот же класс»? **15.** Кочевка айсберга. **17.** Какую из ролей Василия Ливанова англичане отметили орденом Британской империи? **20.** Чем вулкан может засыпать? **21.** На чем кадры мелькают? **22.** Способ найти. **23.** Зычный. **28.** Что в самосвале загружают? **29.** Закуска для «черной вдовы» после спаривания. **31.** Какая птаха расцвечивает наш зимний пейзаж? **32.** Продукт от дойной кобылы. **33.** Античный главврач. **36.** Каким словом прежде в Польше окрестили всех крепостных крестьян? **37.** Что может быть как на ветке, так и в человеке? **38.** Какого режиссера часто цитирует в своих фильмах Квентин Тарантино? **40.** Бунгало в швейцарских Альпах. **41.** Алкогольное обоснование.

## Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** **3.** Образ. **6.** Романс. **10.** Мышка. **12.** Конокрадство. **13.** Сенат. **15.** Бриджтаун. **17.** Фото. **20.** Зоя. **21.** Аграба. **22.** Нос. **24.** Евро. **26.** Фобос. **28.** Канонада. **29.** Винтик. **30.** Бич. **31.** Вид. **33.** Эвбея. **34.** Камин. **37.** Аспид. **39.** Локон. **40.** Снегирь. **41.** Тропа. **42.** Поиск. **43.** Диаметр. **44.** Очкарик. **45.** Сосна. **46.** Стинг.

**ПО ВЕРТИКАЛИ:** **1.** Сырец. **2.** Скраб. **4.** Блонди. **5.** Апостроф. **7.** Орда. **8.** Автоответчик. **9.** Сковородка. **11.** Арбуз. **14.** «Трабант». **16.** Норов. **18.** Шапка. **19.** Принцип. **23.** София. **25.** Одуванчик. **27.** Сигал. **30.** Бергамот. **31.** Встреча. **32.** Диоптаз. **35.** Морозов. **36.** Нонсенс. **38.** Кретин. **43.** Дин.

# Э Р У Д И Т



**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** **4.** Какой из десертов называли в честь французского «совершенства»? **7.** «Порядок в банковских делах». **10.** Посуда для приготовления барбекю. **12.** К чему Франца Кафку сворачивало общение с людьми? **13.** Какой князь опрокинул Хазарский каганат? **15.** Китайские боевые литавры. **16.** Чешский народный танец. **18.** Византийский ху-

тор. **19.** Испанский троцкист, арестованный и убитый ребятами из НКВД. **24.** Символ Мистерий древности из романа «Утраченный символ» Дэна Брауна. **25.** Очень сухое игристое вино из Италии. **26.** Присяга из Корана. **27.** Партийное собрание у американцев. **30.** «Учитель воров» на криминальном жаргоне. **34.** Лопухая антилопа из Африки.

**35.** Способность спортсмена предугадывать действия соперника. **37.** Японский паланкин. **39.** Англичанин, вежливо отказавшийся стать секундантом Александра Пушкина в роковой для поэта дуэли. **41.** Кто созывает католических монахов на общую молитву? **42.** Каким именем мать до шести лет обращалась к австрийскому поэту Райнеру Марии Рильке? **43.** Петергофский дворец с фруктовым садом Венеры. **44.** Метеорный поток, вылетающий из созвездия Льва. **45.** Какому итальянскому философу принадлежит книга «История нетерпимости в Европе»?

**ПО ВЕРТИКАЛИ:** **1.** Старинный пивной заводик. **2.** Наш художник, рисовавший с натуры Владимира Ленина. **3.** Живописная грунтовка на основе гипса. **5.** Пророк из Деяний Апостолов. **6.** Колодка смычка. **8.** Адмирал в ближайших друзьях Жана Габена. **9.** Первое упоминание о нем встречается в своде законов вавилонского царя Хаммурапи. **11.** Маленькие колбаски из Франции. **12.** Цветок из Северной Америки,

чьим соком индейцы прежде разрывали себе лица. **14.** «Музыкальная история жизни». **15.** Танец, запрещенный к публичному исполнению личным распоряжением Генриха Ягоды. **17.** Загородная вилла для испанцев. **20.** Сеть, чтобы певчих пташек ловить. **21.** Охотничий арбалет. **22.** Кто из классиков нашей поэзии читал публично со сцены стихи Николая Гумилева, после того, как поэта расстреляли? **23.** Какая змея поставляет яд, чтобы делать препараты для диагностики гемофилии? **28.** Игра, обязанная своим рождением «Звездным войнам». **29.** «Бархан после снежного вихря». **31.** Как звали мать Джульетты Мазини? **32.** Alter ego Кукурузо. **33.** Румынские колбаски. **36.** Каким заклинанием боги древних египтян спасались от смертельных укусов кобры? **37.** Хозяин трупы, с которой связано начало театральной карьеры Чарли Чаплина. **38.** Пшеничная лепешка у узбеков. **40.** Балетный прыжок. **41.** Глава французских тамплиеров, странным образом избежавший ареста 13 октября 1307 года.

## Ответы на эрудит, опубликованный в №12

**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** **3.** Бюсси. **6.** Появка. **10.** Телль. **12.** Новороссийск. **13.** Арак. **15.** Третьяков. **17.** Перо. **20.** Дал. **21.** Митава. **22.** Лог. **24.** Эшли. **26.** Вирус. **28.** Абхичара. **29.** Фюзели. **30.** Щен. **31.** Чам. **33.** Анкер. **34.** Вывар. **37.** Масаи. **39.** Каней. **40.** Бутырка. **41.** Милль. **42.** Затма. **43.** Каросса. **44.** Цзыудин. **45.** Митра. **46.** Голяк.

**ПО ВЕРТИКАЛИ:** **1.** Хейро. **2.** Флюат. **4.** «Юность». **5.** Столяров. **7.** Орсе. **8.** Вейхенштефан. **9.** Арктофилия. **11.** Комод. **14.** Кривичи. **16.** Вакуф. **18.** Омфал. **19.** Штихмас. **23.** Гимер. **25.** Орангутан. **27.** Сюлык. **30.** Щельково. **31.** Чалидзе. **32.** Маклауд. **35.** Валания. **36.** Реимира. **38.** Вкусня. **43.** Кин.

**Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2019 года через редакцию.**

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. \_\_\_\_\_

Дата рождения \_\_\_\_\_ Индекс \_\_\_\_\_

Обл./край \_\_\_\_\_ Район \_\_\_\_\_

Город \_\_\_\_\_ Улица \_\_\_\_\_ Дом \_\_\_\_\_ Корп. \_\_\_\_\_ Кв. \_\_\_\_\_

Код города \_\_\_\_\_ Телефон \_\_\_\_\_ Эл. адрес \_\_\_\_\_

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

<b>Стоимость с доставкой простой бандеролью</b>	<b>Стоимость с доставкой заказной бандеролью</b>
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

<b>Стоимость подписки на 3 месяца</b>	<b>Стоимость подписки на 6 месяцев</b>
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

\* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.





<b>Извещение</b>	<b>ООО «Журнал «Смена»</b> <small>получатель платежа</small>		
	<b>Расчетный счет</b>		<b>40702810410150414401</b>
	<b>ПАО «Промсвязьбанк»</b> <small>наименование банка</small>		
	<b>Корреспондентский счет</b>		<b>30101810400000000555</b>
	<b>ИНН 7714026110</b>		<b>КПП 771401001</b>
	<b>БИК 044525555</b>		<b>Код ОКПО 11396455</b>
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	<b>Адрес:</b>		
	<b>Ф.И.О.</b>		
	<b>Вид платежа</b>	<b>Дата</b>	<b>Сумма</b>
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
<b>Кассир Извещение</b>	<b>ООО «Журнал «Смена»</b> <small>получатель платежа</small>		
	<b>Расчетный счет</b>		<b>40702810410150414401</b>
	<b>ПАО «Промсвязьбанк»</b> <small>наименование банка</small>		
	<b>Корреспондентский счет</b>		<b>30101810400000000555</b>
	<b>ИНН 7714026110</b>		<b>КПП 771401001</b>
	<b>БИК 044525555</b>		<b>Код ОКПО 11396455</b>
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	<b>Адрес:</b>		
	<b>Ф.И.О.</b>		
	<b>Вид платежа</b>	<b>Дата</b>	<b>Сумма</b>
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
<b>Кассир</b>			



Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

## Уважаемые читатели!

Открыта подписка на текущие номера журнала «Смена» за 1-е полугодие 2019 года.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		<b>Индекс П2446</b> — льготный (11 категорий) <b>Индекс — П2431</b> — для всех подписчиков online сервис <a href="http://www.podpiska.pochta.ru">www.podpiska.pochta.ru</a>
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		<b>Индекс 71518</b> — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов <b>Индекс 70820</b> — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		<b>Индекс 99406</b> — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт <a href="http://www.vipishi.ru">www.vipishi.ru</a>
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		<b>Индекс 88998</b> — для всех подписчиков

\* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал  
в магазине «Библио-Глобус»



Вы можете приобрести журнал  
в магазине «Московский дом  
книги на Новом Арбате»



Вся  
пресса  
в одном  
месте!

 **PRESSA.RU**





**В январе 1924 года  
вышел 1-й номер  
журнала «Смена»**